

Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения РАН
Университет Такусёку

Валентин Головачев
Василий Молодяков

ТАЙВАНЬ В ЭПОХУ ЯПОНСКОГО ПРАВЛЕНИЯ

Источники и исследования
на русском языке

Аналитический обзор

Москва
2014

Ответственный редактор Э. В. Молодякова

Головачев В. Ц., Молодяков В. Э.

Тайвань в эпоху японского правления: источники и исследования на русском языке. Аналитический обзор. — М.: Институт востоковедения РАН, 2014. — 120 с.

ISBN 978-5-89282-595-5

Первый историографический обзор публикаций на русском языке, описывающих или исследующих Тайвань в период с 1870-х гг. и в годы японского колониального правления (1895–1945). В поле зрения авторов — практически вся российская историография, включая забытые и малодоступные материалы. Обзор является частью долговременного международного проекта, осуществляемого совместно Институтом востоковедения РАН (Москва) и университетом Такусёку (Токио).

ISBN 978-5-89282-595-5

© В. Ц. Головачев, В. Э. Молодяков, 2014

© Институт востоковедения РАН, 2014

© Университет Такусёку, 2014

К читателям

Институт востоковедения РАН и университет Такусёку осуществляют совместный проект по изучению истории Тайваня в колониальный период. Особенность работы в том, что в ней участвуют и китаеведы, и японове-ды. Бытует мнение, что Тайвань — не более чем провинция Китая, поэто-му его изучение относится к сфере синологии. Конечно, роль китаистов здесь первостепенная, но не будем забывать, что Тайвань долгое время оставался объектом соперничества европейских колониальных держав, а затем на протяжении полувека, с 1895 по 1945 г., был японской коло-нией. До недавнего времени российские японисты почти не занимались колониальным Тайванем. В нашей стране вообще недостаточно изучена история японской колониальной империи и колониальной политики. Это «белое пятно» нам предстоит общими усилиями ликвидировать.

Настоящий обзор, авторами которого являются старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, кандидат исторических наук Валентин Головачёв и профессор университета Такусёку, доктор поли-тических наук Василий Молодяков, является первой (и, на мой взгляд, удачной) попыткой «инвентаризации» того, что было написано в Рос-сии о Тайване (Формозе) как японской колонии, включая также ценные источники 1870-х годов, когда русские впервые побывали на «прекрас-ном острове». Авторы не просто собрали и описали обширный материал, немалая часть которого впервые вводится в научный оборот, но проана-лизировали его источниковую базу, содержание и возможное влияние на восприятие Тайваня в нашей стране.

Публикуемая работа является ценным вкладом в отечественное вос-токоведение, отдавая дань нашим предшественникам и намечая задачи на будущее. Надеюсь, она будет прочитана и зарубежными коллегами, поскольку российские источники по колониальному Тайваню, за единич-ными исключениями, пока не использованы в мировом востоковедении.

*Эльгена Молодякова, доктор исторических наук,
заместитель директора Института востоковедения РАН,
руководитель Центра японских исследований*

СОДЕРЖАНИЕ

К читателям	3
Введение	7
Глава 1	
Тайвань в «живописном обозрении» и исследованиях российских путешественников и учёных XIX — нач. XX в.....	11
Глава 2	
«...Обагрённые кровью крестьян»: колониальный Тайвань в советской печати и документах Коминтерна 1920–1930-х годов	45
Глава 3	
Изучение колониального Тайваня в послевоенный советский и постсоветский период	95
Заключение	104
Литература.....	107
Именной указатель	114
日本統治時代の台湾：ロシア語の史料と研究	117
日治时代的台湾：俄语的史料与研究	118
Summary	119

Введение

Вплоть до последней трети XIX в. доходившие до России сведения об острове Тайвань (Формоза) носили вторичный, случайный, эпизодичный и зачастую искаженный характер. Лишь после подписания цинским Китаем серии неравноправных договоров с западными державами (Тяньцзиньских 1858 г. и Пекинского 1860 г.), открывших для иностранцев новые морские порты и границы Поднебесной, подданные Российской империи обрели возможность свободно посещать остров, чтобы напрямую приобщиться к его «живописному обозрению» и научному изучению. Но даже после этого Формоза долго оставалась для российской публики за пределами далёким, маловажным и малоизвестным захолустьем.

Международная известность и значимость острова резко возросли в начале 1870-х гг., когда он превратился в объект повышенного интереса со стороны соседней Японии, которая, всего за несколько лет до этого пережив консервативную революцию *Мэйдзи исин* (1868 г.), отказалась от политики самоизоляции и обратила помыслы к активной пространственной экспансии в Азии. Японская военная экспедиция на Формозу, предпринятая в мае — ноябре 1874 г., стала первой серьёзной пробой сил для будущей колониальной империи. Эта экспедиция, ставшая причиной острейшего дипломатического столкновения между Китаем и Японией, привлекла к Формозе самое активное внимание дипломатов и публики почти всех западных держав, в том числе России. Именно это время становится точкой отсчёта для реального научного изучения острова россиянами. При этом внимание российской общественности оставалось в целом эпизодическим, а его явные всплески приходились лишь на отдельные судьбоносные события международной и внутренней жизни, такие как, например, китайско-японская война 1894–1895 гг., завершившаяся японской аннексией Тайваня в 1895 г. Русско-японская война 1904–1905 гг., русская революция 1905 г. и начатые в 1906 г. «столыпинские

реформы» также стимулировали рост интереса россиян к японскому опыту реформ, модернизации и, в частности, колониального освоения Тайваня. К сожалению, географическая удалённость, отсутствие прямого державного интереса и, как следствие, должной финансово-организационной поддержки в дореволюционный период так и оставили дело изучения Тайваня миссией всего лишь нескольких энтузиастов-одиночек. Эту ситуацию не меняли даже содержательные, но нерегулярные служебные донесения и публикации военных и экономических экспертов, изучавших остров по поручению государственных ведомств. Как бы то ни было, личный вклад российских путешественников, военных экспертов и учёных в изучение Тайваня является воистину уникальным и бесценным для мировой науки.

Последовавшие за революцией 1917 г. гражданская война и «союзная» военная интервенция на российском Дальнем Востоке надолго прервали поступление сведений о Тайване в Петроград и Москву. После установления дипломатических отношений между СССР и Японией в 1925 г. начался советский период отечественного тайваневедения, в котором вплоть до 1991 г. преобладали политическая конъюнктура и классовый марксистский подход. Контакты с островом были почти полностью потеряны, а дореволюционная традиция «живописных обзрений» и научных исследований острова оказалась надолго утраченной. В постсоветский период российские учёные смогли вернуться к прямому и свободному изучению истории Тайваня. После шестидесятилетнего перерыва они вновь получили возможность посещать остров, а также доступ к большей части документов и исследований, связанных с японским колониальным правлением.

В нашей книге представлен предварительный историографический обзор русскоязычных публикаций, описывающих или исследующих Тайвань в период с 1870-х гг. и в годы японского колониального правления (1895–1945). Основу книги составляют три главы. Первая глава (автор — В.Ц. Головачёв) знакомит с дореволюционным массивом описаний и исследований. Вторая глава (автор — В.Э. Молодяков) посвящена изучению колониального Тайваня в рамках актуальной политической аналитики 1920–1930-х гг., а третья (написана совместно) — послевоенной советской и постсоветской историографии.

Книга охватывает и систематизирует широкий круг публикаций, прежде труднодоступных для учёных и читателей из-за раз-

бросанности по различным городам и хранилищам. В поле зрения авторов впервые оказывается практически вся российская историография, в том числе многие забытые публикации и рукописи.

В качестве источников нами использованы выходявшие в свет работы самого разного происхождения, жанров и содержания: подборки новостей (известия новостных агентств), специальные обзоры прессы, путевые записки, проблемные статьи и тематические очерки, служебные и научные отчеты, научные доклады, статьи и монографии, прикладные аналитические обзоры экспертов, переводы работ из зарубежной популярной и академической периодики.

Не менее пёстро выглядит и авторский состав. Среди авторов этих публикаций на русском языке фигурируют российские, западные и японские граждане многих профессий (военнослужащие, учёные, журналисты, переводчики, путешественники и др.), которые в разное время посещали остров в служебных, научных или культурно-ознакомительных целях.

Чем был продиктован интерес всех этих людей к изучению Формозы? Насколько полными и адекватными были их представления об острове, его обитателях и правителях? Насколько объективно и достоверно отразились эти представления в публикуемых материалах? Как развивалось и поддерживалось изучение острова его властями, а также российским государством? Насколько сильно влияли геополитические и идеологические факторы на более чем вековую динамику, активность, характер и результаты изучения острова? Все эти вопросы в той или иной мере поднимаются и рассматриваются в публикуемой книге.

В процессе поиска источников нами использовались справочно-библиографические указатели¹, публикации и документы из государственных архивов², библиотек³ Москвы, Санкт-Петербурга,

¹ Библиография Японии: литература, изданная в России с 1734 по 1917 г. — М.: Главная редакция восточной литературы, 1965, 378 с.; Библиография Японии: литература, изданная в Советском Союзе на русском языке с 1917 по 1958 г. — М.: Главная редакция восточной литературы, 1960, 327 с.; Библиография Китая: систематический указатель книг и журнальных статей о Китае на русском языке: 1730–1930. Составитель П. Е. Скачков — М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1932, 842 с. и др.

² В т. ч.: РГИА, РГИА ДФ, РГВИА, РГА ВМФ, АВПРИ, архив ИВР РАН и др.

³ В т. ч.: РГБ, ГПИБР, библиотеки ИДВ РАН (синологическая), ИВ РАН, МАЭ

Владивостока и Токио, а также доступные интернет-ресурсы⁴. В результате этой долгой и трудоёмкой работы собран внушительный корпус историографических источников, который систематично представлен в обзоре. Надеемся, что этот основополагающий задел поможет дальнейшим отечественным и зарубежным исследованиям, в том числе упростит введение ранее неизвестных и нередко уникальных русскоязычных источников в мировой научный оборот.

Публикуемый историографический обзор является частью долговременного международного проекта, осуществляемого совместными усилиями Института востоковедения РАН (Москва) и университета Такусёку (Токио), основанного в 1900 г. как специальная школа Тайваньского общества. Появлению обзора предшествовала публикация в рамках названного проекта целой серии научных статей на русском и японском языках⁵. Авторы искренне благодарят всех своих российских и японских коллег за интеллектуальную, организационную и спонсорскую помощь, которая сделала возможным написание и публикацию нашей совместной книги. Мы также будем признательны за отклики, советы и дополнения по её содержанию.

Москва — Токио, май 2014 г.

РАН, университета Такусёку и др.

⁴ В т. ч.: Formosa Nineteenth Century Images: <http://cdm.reed.edu/cdm4/formosa/intro.php>

⁵ Головачев В. Ц. «Живописное обозрение» и исследования Тайваня в дореволюционной России (XIX — начало XX в.)// Общество и государство в Китае. XLIV н. к. — М., 2014. Ч.1. С. 458–466; Головачев В. Ц. Изучение этнической истории Тайваня в российском востоковедении XIX–XXI вв.// Восток (ORIENS). 2012. №6. С. 162–170; Головачев В. Ц. Этническая история Тайваня в трудах российских путешественников и учёных (конец XVIII — первая треть XX в.)// Этнографическое обозрение. 2012, №2. С. 152–161; Молодяков В. Э. Колониальный Тайвань в советской аналитике 1920–1930-х годов// Восток (ORIENS). 2014. №3; Молодяков В. Э. Россия то Тайван (Россия и Тайвань)// Син Нихонгаку. №28. Весна 2013. С. 48–58; Молодяков В. Э. Россия кара мита Нихон-но Тайван кэйэй (Японское управление Тайванем: взгляд из России)// Син Нихонгаку. №28. Весна 2013. С. 30–33; Молодяков В. Э. Янаихара Тадао, Тайван то Сорэн (Янаихара Тадао, Тайвань и Советский Союз. Вокруг перевода книги «Тайвань под властью японского империализма»)// Син Нихонгаку. №30. Осень 2013. С. 97–108, и т. д.

Глава 1

Тайвань в «живописном обозрении» и исследованиях российских путешественников и учёных XIX — нач. XX в.

Вплоть до 1860-х гг. доходившие до России сведения о Тайване (Формоза) носили вторичный, случайный и несистематичный характер. Как справедливо указывает китаевед А. Н. Хохлов, информация об острове поступала в Россию почти исключительно от западноевропейских миссионеров, активно действовавших в Юго-Восточной Азии, Китае и на Тайване уже с начала XVII в. Любопытные, но ещё более редкие, отрывочные и опосредованные известия об острове поступали также от российских миссионеров, обосновавшихся в Пекине с 1718 г. Примером использования письменных китайских источников, и в частности газеты *Цзиньбао* (единственной газеты в империи Цин до середины XIX в.), может служить сообщение светского члена духовной миссии З. Л. Леонтьевского о восстании 1826 г. на Тайване, в уезде Чжанхуа¹.

Лишь после подписания Китаем серии неравноправных договоров с западными державами (Тяньцзиньских 1858 г. и Пекинского 1860 г.), открывших для иностранцев новые морские порты и границы Поднебесной, подданные Российской империи обрели возможность свободно посещать остров, чтобы напрямую приобщиться к его «живописному обозрению» и научному изучению.

¹ Хохлов А. Н. Исторические связи России с Тайванем (до 1917 г.) // Проблемы и перспективы развития неправительственных связей между Россией и Тайванем. М., 1993. С. 123–124; Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ), ф. Главный архив 1–9, оп. 8, 1824–1831, д. 1, л. 64; АВПРИ, ф. Библиотека Азиатского департамента, оп. 505, д. 142 («Необработанный материал» Каменского, б/д).

Но даже после этого далёкая Формоза ещё многие годы оставалась для российской публики малозначимым и малоинтересным захолустьем, упоминавшимся разве что в рапортах о редких заходах российских судов, пополнявших запасы угля в местных портах.

В целом непосредственное научное изучение Тайваня в России сильно затруднялось его удаленностью, нехваткой сведений, научных сил и государственного интереса. Помимо содержательных, но нерегулярных служебных донесений военных моряков и военных агентов, изредка посещавших остров по поручению своих вышестоящих ведомств, вплоть до конца 1920-х гг. полевые научные изыскания россиян на острове велись стихийно, эпизодически, в основном за счёт личного энтузиазма отдельных путешественников и учёных. Эти визиты были полностью прекращены по политическим причинам на рубеже 1930-х гг. А затем, после 60-летнего перерыва, российские учёные вновь появились на Тайване уже только на рубеже 1990-х гг.

Судя по опубликованным архивным данным, наиболее раннее известие о посещении острова российскими моряками относится к августу 1862 г., когда российский корвет «Рында», следовавший из Гонконга, сделал остановку в Цзилуне, на севере Тайваня. Внимание командира российского судна привлек тот факт, что здесь, в Цзилуне, необходимый для морских судов уголь оказался в 3 раза дешевле, нежели в Гонконге².

Международная известность и значимость острова резко возросла в начале 1870-х гг., когда он превратился в объект повышенного интереса со стороны соседней Японии, которая, всего за несколько лет до этого пережив консервативную революцию *Мэйдзи исин* (1868 г.), откинула многовековую самоизоляцию и обратила помыслы к активной пространственной экспансии в Азии. Японская военная экспедиция на Формозу, предпринятая в мае — ноябре 1874 г., стала первой серьёзной пробой сил для будущей колониальной империи. Она же обернулась эпохальным столкновением цивилизационных представлений, в ходе которого традиционный китайский взгляд на универсальное «срединное государство» открыто уступил место западным доктринам о суверенной государственности.

² См.: Морской сборник. 1863, март, №3. С. 44. Цит. по: Хохлов А. Н., 1993. С. 125.

Посылка Японией военной экспедиции на Тайвань не могла не привлечь внимания дипломатов западных держав и России. Как видно из выявленных А. Н. Хохловым архивных материалов, не без ведома российского посланника в Пекине Е. К. Бюцова, уже в июле 1874 г. Тайвань посетила канонерская лодка «Горностай». Цели этого визита указаны в рапорте командующего отрядом судов на Тихом океане контр-адмирала Брюммера³, составленном 28 июня (10 июля) 1874 г. на борту флагманского корвета «Аскольд»: «Командир лодки *Горностай* рапортом от 3-го июня доносит мне, что он, по предписанию нашего посланника в Пекине, отправляется в Фучу-фу, ... а оттуда пойдёт в порт Тайвань на о-в Формозу для наблюдения за действиями обеих сторон — Японцев и Китайцев»⁴.

Выполняя этот приказ, командир канонерки капитан-лейтенант В. А. Терентьев⁵ побывал в разных пунктах острова и собрал интересные данные о жизни формозцев, изложенные им в служебном рапорте, который можно считать одним из первых «прямых» донесений с места событий, поступивших в Россию в самый разгар японской экспедиции. В рапорте перечисляются природные богатства острова, дано живое описание главного административного центра — Тайвань-фу, обрисовывается внешний облик формозцев. Рисуя формозцев с натуры, без высокомерия и фальши, российский офицер стремился показать реальный характер взаимоотношений аборигенов (в частности, батанцев) с пришлыми японцами и их главным американским советником

³ Брюммер Фёдор Яковлевич (Адам Андреас Теодор (1819–1889), вице-адмирал (1881), контр-адмирал (1871). Командующий Тихоокеанской эскадрой России (1873–1875). Уроженец Эстляндской губернии, земляк П. И. Ибиса, офицера с корвета «Аскольд».

⁴ Выписка из рапорта командующего отрядом судов на Тихом океане, контр-адмирала Брюммера. Владивосток, флаг. корвет «Аскольд», 15 июля. // Кронштадтский Вестник. 27 октября (8 ноября) 1874, № 124. С. 494. Цит. по: Первые японские посольства в России в газетных публикациях 1862–1874 гг. — СПб., 2005. С. 171.

⁵ Терентьев Владимир Африканович (1861–1910). Контр-адмирал. Участник кругосветных плаваний на военных судах императорского морского флота. В 1870-х гг. — командир канонерской лодки «Горностай». Похоронен в г. Владивосток.

Лежандром⁶, принявшим активное участие в подготовке военной экспедиции. В объективности рапорта убеждают расспросные сведения, полученные Терентьевым от самих иностранцев, обычно склонных винить во всех бедах местных «дикарей»: «Г(н) Dod (Dodd) — торговец опиумом и чаем в Тамсуй (Даньшуй), лично знакомый с дикарями, а также и с американцем Legendre, виновником формозской экспедиции, утверждает, что он был у батанцев и не встретил ничего враждебного; но что м(истер) Legendre, позволивший себе бить дикарей палкою без особой нужды, встретил весьма серьезный отпор, принудивший его поспешно и благо разумно ретироваться...»⁷

Рапорт капитана Терентьева сообщает про действия китайской администрации и о «непрощенных гостях» — японцах, пытавшихся захватить в 1874 г. юг Формозы, где китайские власти были не в силах ввести прямой контроль над «дикими» туземцами. Правдиво изложены В. А. Терентьевым и сведения об убийстве туземцами рюкюских рыбаков⁸, использованном Японией как предлог для посылки своих войск на остров. Объективно оценивая ситуацию, Терентьев предлагал конкретные меры по недопущению в будущем подобных международных эксцессов. «Выдают также, — сообщал он, — за положительное, что умерщвление японских и других моряков, выброшенных на берега батанцев, — только вымысел. Хотя несомненно, что некоторые из них действительно умирали после кораблекрушений на берегах Формозы, также несомненно, что некоторые были убиты, но не из любви к трагическим сценам батанцев, а просто в ссорах, возникших между спасителями и спасенными вследствие неясного понима-

⁶ Charles William Le Gendre (1830–1899). Американец французского происхождения, генерал, дипломат. Служил консулом США в Амое в 1866–1872 гг. С 1867 г. неоднократно посещал Тайвань. В 1872–1875 гг. служил советником МИД Японии, в 1890–1899 гг. — советником императора Кореи.

⁷ АВПРИ, ф. Главный архив 1–9, оп. 8, 1872–1875, д. 8, л. 121. Цит. по: Хохлов А. Н., 1993. С. 127–128.

⁸ Муданьский инцидент 1871 г. — истребление аборигенами 54 из 66 рыбаков с островов Рюкю, потерпевших кораблекрушение у южных берегов Формозы. 12 рыбаков были спасены китайцами и возвращены в Японию. После военной экспедиции 1874 г. Китай фактически признал японский суверенитет над островами Рюкю.

ния обязанностей человеколюбия, с одной стороны, и обязанностей социальных, с другой. Чтобы не доходило до этого, японцам легче всего было бы учредить агентства для спасения погибающих или консулов на Формозе вместо дорогостоящих экспедиций...»⁹

Оценивая увиденную им лично обстановку на Формозе и характер действий экспедиционных войск, Терентьев сделал вывод о долговременных намерениях японцев: «Как доказательство, что японцы смотрят на свой лагерь на Формозе не как на бивуак, а как на колонию может служить то, что ими привезены из Японии даже деревья для обсадки дорог». Попутно он отметил и отличное состояние проложенных японцами дорог¹⁰.

Несмотря на, казалось бы, закрытый характер служебного рапорта капитана В.А. Терентьева, его содержание было доступно и для российской публики. Об этом свидетельствует статья «Формоза и экспедиция японцев на этот остров», заимствованная «Кронштадтским вестником»¹¹, с некоторыми сокращениями, из «Journal de St.-Petersbourg»¹². Текст этой статьи представляет собой не что иное, как подробный, местами почти дословный пересказ рапорта Терентьева. Таким образом, российская общественность не оставалась в неведении относительно происходивших на острове событий. В отечественной прессе регулярно печатались как краткие телеграфные сообщения о манёврах японских войск под началом генерала Сайго Цугумити¹³, так и обстоятельные обзоры российских и зарубежных газетных публикаций, посвящённых этим событиям¹⁴. К числу последних относилось, например, «Письмо в редакцию Живописного Обозрения из Нагасаки», которое прислал прапорщик российского

⁹ АВПРИ, ф. Главный архив 1–9, оп. 8, 1872–1875, д. 8, л. 121–22. Цит. по: Хохлов А. Н., 1993. С. 127–128.

¹⁰ АВПРИ, ф. Главный архив 1–9, оп. 8, 1872–1875, д. 8, л. 127. Цит. по: Хохлов А. Н., 1993. С. 129.

¹¹ «Кронштадтский вестник» — одна из старейших газет в России, основанная морскими офицерами в 1861 г. Выходит до сих пор. См.: <http://kronvestnik.ru/about-newspaper>

¹² Первые японские посольства в России в газетных публикациях. 2005. С. 180–182.

¹³ Дела на Формозе // Всемирная иллюстрация (Санкт-Петербург). 1874, № 298. С. 179.

¹⁴ См.: Первые японские посольства в России в газетных публикациях. 2005.

военно-морского флота Павел (Пауль) Иванович Ибис (1852–1877). В этом письме, опубликованном под названием «Формозский вопрос между Китаем и Японией» в № 8 журнала «Живописное обозрение»¹⁵ за 1875 г. (видимо, в феврале), автор подробно описывает причины, ход и итоги японской военной кампании, сопровождая изложение событий пронизательными, тонкими и зачастую весьма ироничными личными комментариями¹⁶. В частности, описывая истинные мотивы правительства Мэйдзи, Ибис сообщает: «Национальная гордость требовала войны и японцы уже заранее готовились к этому... Правительству нужна была война: от быстрых и бесконечных¹⁷ реформ последнего времени кружились у всех головы; весь народ находился в каком-то лихорадочном состоянии, которое ещё усилилось прошлогодним возманием в Саге, близ Нагасаки; новые налоги вызывали неудовольствие в низших классах и недоверие к действиям правительства, а приверженцы старых порядков не сидели сложа руки; грозила новая междуусобная война; необходимо было прервать это опасное брожение; занять умы каким-нибудь новым общим делом, которое, вместе с тем, доказало бы и пользу всех нововведений; а что могло быть удобнее для этого, как не война, мщение за оскорблённую честь нации? Притом все молодые солдаты, получившие новые французские мундиры и самое современное вооружение, так и горели желанием блеснуть перед остальным светом на бранном поле. И так, подавив в начале нынешнего года сагасское возмущение, между прочим очень неловко веденное, соорудили экспедицию на Формозу. Приготовления к этому шли успешно с потребным шумом...»¹⁸

Ссылаясь на газету «Rising Sun» (видимо, пересказ в местной англоязычной прессе сообщений японской газеты «Асахи» 朝日.— В. Г.), Ибис подробно реконструирует в своём «письме» недавние события

¹⁵ «Живописное обозрение» — еженедельный иллюстрированный журнал с естественно-историческим популярным содержанием, выходил в Санкт-Петербурге с 1875 г.

¹⁶ Ибис П. Формозский вопрос между Китаем и Японией (Письмо в редакцию Живописного Обозрения из Нагасаки) // Живописное Обозрение, 1875, № 8. С. 120–124.

¹⁷ Здесь и далее цитаты из текста Ибиса воспроизведены в современном алфавите, но с сохранением отчасти устаревшей авторской орфографии и пунктуации к. XX — нач. XXI в.

¹⁸ Ибис П. Формозский вопрос между Китаем и Японией. С. 121.

на Формозе. При этом он критично указывает на триумфальный тон японских газет и, ссылаясь на некие сведения со стороны, сообщает о многих моральных и физических трудностях, с которыми реально сталкивались участники экспедиции. Оценивая характер экспедиции, Ибис с явной иронией отмечает: «Что бы там не было, японцы взяли своё, отправились во внутрь острова, резали, жгли, словом задавали страху дикарям, пока вмешательство китайцев не остановило их в этом приятном занятии». И далее: «Японцы не щадили ничего, всё было предано огню и разрушению»¹⁹.

Будучи военным, автор трезво оценивает слабость вооружения формозцев как ключевой фактор японского успеха: «Благодаря такой первобытной системе, потеря японцев была так незначительна, при другом вооружении формозян экспедиция вряд ли имела такой счастливый исход». Завершает статью краткое описание дипломатических переговоров между правительствами Китая и Японии, итогом которых стал вывод японских войск с острова, выплата Китаем компенсации в размере 500000 таэлей (1 таэль — 1,44 мекс. долл.) и фактическое признание Пекином суверенитета японцев над островами Рюкю. Указывая на двусмысленность исхода событий для китайцев, из-за чего «японцы подняли носы и посмеиваются над ними», Ибис справедливо отмечает и критичность положения самих японцев, для которых провал переговоров мог обернуться провалом всей военной кампании и новой внутренней смутой: «Предполагаемая война и победа китайцев уничтожили бы денежные средства Японии, произвели бы застой в торговле, промышленности, в прогрессе и вызвали бы новую междоусобную войну, которая влекла бы за собою, может быть, опять переворот в правительстве и упадок страны, только что начавшей развиваться»²⁰.

Таким образом, опубликованное в «Живописном обозрении» письмо Ибиса представляло собой не типичный для светских журналов поверхностный компилятивный очерк²¹ и не закры-

¹⁹ Ибис П. Формозский вопрос между Китаем и Японией. С. 121–122.

²⁰ Ибис П. Формозский вопрос между Китаем и Японией. С. 124.

²¹ Типичным примером такого поверхностного и непоследовательного освещения служит очерк «Остров Формоза» в журнале «Всемирный путешественник». См.: Остров Формоза // Всемирный путешественник (Санкт-Петербург), 1876. № 2 (февраль). С. 277–279.

тый служебный рапорт, но едва ли не первое в России специальное исследование о делах на Формозе, основанное на различных источниках (как писал позднее сам Ибис: «Подробности о ходе экспедиции я собрал частью из разных японских и китайских газет, частью из рассказов очевидцев»)²² и содержавшее глубокий критический анализ событий 1874 г., в том числе и складывавшейся вокруг острова сложной международной обстановки.

Вероятнее всего, письмо Ибиса из Нагасаки основывалось на материалах служебных донесений, составлявшихся им по приказу флотского начальства. Во всяком случае, несомненно, что именно изучение событий 1874 г. на Формозе вдохновило 22-летнего уроженца Эстляндской губернии на весьма неординарный поступок — предпринять частную научную экспедицию на остров зимой 1875 г., всего через 2 месяца после окончания японской экспедиции. Послужной список, краткая биография Ибиса и его статья «Экскурсия на Формозу», вышедшая в 1877 г. на немецком языке в журнале «Глобус», уже освещались в публикациях М. Ф. Чигринского. Но М. Ф. Чигринский не знал ни о «письме из Нагасаки», ни об одноименной статье на русском языке, опубликованной Ибисом в 1876 г. в журнале «Морской сборник»²³. При этом М. Ф. Чигринский ошибочно предположил, что «вероятнее всего, начальство даже не знало об этом (о поездке Ибиса на Тайвань. — В. Г.) и наверняка не поощряло увлечений занятиями, не относившимися к службе»²⁴. Между тем русскоязычная статья «Экскурсия на Формозу», несколько отличная

²² Ибис Павел. Экскурсия на Формозу // Морской сборник 152-I (1876): неофициальный отдел. С. 145.

²³ Ибис Павел. Экскурсия на Формозу // Морской сборник 152-I (1876): неофициальный отдел. С. 111–149; Морской сборник 152-II (1876): неофициальный отдел. С. 111–141. «Морской сборник» — старейший в мире ежемесячный журнал по военно-морской тематике, официальный орган военно-морского ведомства. Издаётся с марта 1848 г. без перерыва и смены названия. В настоящее время учредителем «Морского сборника», как ежемесячного журнала ВМФ, является Министерство обороны РФ.

²⁴ Чигринский М. Ф. Российский офицер П. И. Ибис и его записки о путешествии по Тайваню в 1875 г. // Страны и народы Востока. М., 1984. Вып. XXIV. С. 56–64 (56–57); Чигринский М. Ф. Путешествие Пауля Ибиса на Тайвань // Советская этнография. М., 1982, № 2. С. 60–64.

от более поздней версии в «Глобусе»²⁵, содержит два упоминания, которые свидетельствуют об обратном. Так, в заключительной фразе своих «небольших заметок» Ибис прямо выражает благодарность своему командиру: «Но повторяю, что только благодаря содействию Его Превосходительства адмирала Брюммера я мог собрать сведения, здесь изложенные, а потому, как я, так и те, кому они послужат, должны быть исключительно ему благодарны»²⁶. Кроме того, уже на первой странице статьи Ибис так изложил исходные обстоятельства и цели своего путешествия: «Экспедиция японцев на Формозу и следующие за нею несогласия между Китаем и Японией обратили всеобщее внимание на этот остров. Зная, что внутренность его ещё мало исследована, особенно в этнографическом отношении, мне пришла мысль предпринять туда путешествие, чтобы познакомиться с жизнью и нравами его обитателей. Возможность дать об них какие-либо новые сведения ещё больше подкрепила моё намерение.

В конце декабря (1874 г. — В.Г.) корвет «Аскольд» прибыл в Гонконг, где ему предстояла долгая стоянка. Здесь я изложил свои планы его превосходительству адмиралу Брюммеру и просил его уволить меня с корвета на время, необходимое для их исполнения. Его превосходительство, сочувствуя моему предприятию, освободил меня от служебных обязанностей на два месяца, и дал мне этим возможность познакомиться с некоторыми туземными племенами, раньше не посещаемыми европейцами.

Быстро сделал я необходимые для такого путешествия приготовления и 28 декабря оставил Гонконг на австралийском барке Pelham, шедшим в Такао за грузом, а Такао был для меня хорошим исходным пунктом...

Соображаясь данным мне временем, я составил себе следующий план: пройти весь остров с юга на север, посетить возможно большее число туземных племён, собирать слова их языков и заниматься теломемериями. Так я надеялся прийти к более опреде-

²⁵ Статья в «Глобусе» на немецком языке была заметно доработана автором, что видно уже по 1-й стр. и ряду дополнений в других частях текста. К ней также приложены великолепные авторские рисунки-иллюстрации. Сравнение обоих текстов стоит особого изучения.

²⁶ Ибис П. Экскурсия на Формозу. 1876 (152-II). С. 141.

лённому выводу относительно происхождения туземцев Формозы, которые будучи раздроблены на множество мелких и самостоятельных племён, живущих под особыми местными условиями, отличаются друг от друга в образе жизни, в языке и даже в наружности.

Выполнить эту программу было конечно труднее, чем сначала казалось. Пришлось всегда ходить пешком, так как на Формозе нет ни лошадей, ни мулов, а паланкины, кроме того что дороги, ходят только по известным совершенно безопасным дорогам. Также препятствовала мне во многом трусость моих китайских кули. Китаец ни за что не решается идти в территорию горцев; слово «кал ё» (дикарь) для него однозначуще со смертью. Это обстоятельство разрушило мой план — пройти на север по восточному берегу острова, где потребовались бы большие запасы и носильщики посмелее китайцев»²⁷.

В итоге 10 января 1875 г. Ибис прибыл в южный порт Такао (Гаосюн) и, рискуя жизнью, в одиночку пересёк весь остров пешком, выступив сначала на самый юг, а затем (вновь миновав Такао) на север, до порта Цзилун. Покинув Цзилун 22 февраля, он прибыл на пароходе в Гонконг 27 февраля, с успехом завершив своё двухмесячное путешествие в предписанный срок²⁸. По словам самого Ибиса, в ходе экспедиции он сумел «вступить в контакт с тринадцатью племенами»²⁹. Итоги экспедиции подробно изложены в уже упомянутой статье «Экскурсия на Формозу», которая вышла в 1876 г. в № 1–2 «Морского сборника», а в 1877 г., шестью частями, в немецком географическом журнале «Globus»³⁰. В своих публикациях Ибис, в частности, приводит лично добытые

²⁷ Ибис П. Экскурсия на Формозу. 1876 (152-I). С. 111–112.

²⁸ Примерно в эти дни в Петербурге увидело свет и его письмо в «Живописном обозрении»

²⁹ Это утверждение неточно. Скорее всего, Ибис посетил 13 селений разных народностей: пайвань, амэй, рукай, пуома, бунун, пинпу и др. [Чигринский, 1982. С. 61]; Ibis. 1877. С. 149; Ибис П. Экскурсия на Формозу. 1876 (152-II). С. 115.

³⁰ Ibis, Paul. Auf Formosa: Ethnographische Wanderungen // *Globus* 31 (1877). С. 149–152, 167–171, 181–187, 196–200, 214–219, 230–235. *Internet link*: 19th-Century European & North American Encounters with Taiwan: A Bibliography of Texts Input. –The Reed Institute, 1999: <http://academic.reed.edu/formosa/texts/Ibis1877Ger.html>
<http://academic.reed.edu/formosa/texts/Ibis1877.html>

им в ходе экспедиции этнографические (антропометрические, лингвистические и пр.) сведения, на основе которых делает вывод о наличии в разной степени негроидных «малайских» признаков у многих тайваньских племен³¹. Составив небольшой словарь местных языков, Ибис выявил их большое сходство с тагальским языком и, с учётом всех данных, высказал гипотезу о малайско-филиппинских корнях части тайваньцев³². Россиянин также обратил внимание на расово-этническую неоднородность туземцев, смешение и быструю китаизацию равнинных аборигенов пинпу, в ходе которой они почти забыли свой язык и традиции, усвоив вместо этого китайский язык и обычаи. Как писал Ибис: «Я слышал, как они поют песни на малайском языке, которые... пели их дальние предки, и смысл которых до сих пор понимают старики»³³. По поводу численности туземцев Ибис пишет, что «судя по тем местностям, которые я посетил, их приблизительно от 150 до 200 тысяч на всем острове». При этом большая часть жителей острова — китайцы-переселенцы из провинции Фуцзянь³⁴.

О расселении формозцев Ибис коротко сообщает, что запад острова заселен китайцами, а туземцы обитают в южных и восточных горных районах. В ходе экспедиции российский моряк тонко подметил различия расовых признаков у туземцев разных частей острова. Среди китайцев он заметил и выделил народность хакка, чьи мужчины имеют «лица почти индогерманской правильности», без монголоидных или малайских черт, женщины «лучше и более миловидны, чем китайки... не бинтуют себе ноги, а образ жизни хакка уже полностью китаизирован»³⁵.

По ходу изложения Ибис привёл много ценных сведений и о современном положении на Тайване. Как заключает Ибис, несмотря на активизацию китайских властей, им так и не удалось

³¹ Ибис П. Экскурсия на Формозу. 1876 (152-II). С. 118; Чигринский М. Ф. 1984. С. 60.

³² Ибис П. Экскурсия на Формозу. 1876 (152-II). С. 120, 133; Ibis. 1877. Ч. VI.

³³ Ibis. 1877. Ч. VI; Ибис П. Экскурсия на Формозу. 1876 (152-II). С. 131–132; Чигринский М. Ф. 1984. С. 58–63.

³⁴ Ибис П. Экскурсия на Формозу. 1876 (152-I): 115.

³⁵ Ибис П. Экскурсия на Формозу. 1876 (152-II): 128–129; Ibis. 1877. Ч. V.

полностью подчинить горные племена центральной и южной частей острова, а борьба с горцами оставалась ключевой частью политики Цин на Тайване³⁶. Находясь на юге острова, Ибис внимательно фиксировал оставшиеся материальные следы недавнего пребывания японских экспедиционных войск.

Помимо личных наблюдений и опросных сведений он использовал для своих публикаций и ряд западных письменных источников: карты и справочники, исторические труды, периодику и торговую статистику³⁷, при помощи которых дает общую картину правления на острове голландцев (1624–1661), клана минского генерала Чжэн Чэн-гуна (1661–1683) и династии Цин (1644–1912, на острове: 1683–1895). В частности, Ибис напоминает читателям, что китайские эмигранты появились на Тайване лишь в начале XV в., а прибывшие в XVII в. голландцы вступили в сложные отношения с японцами, которые «уступили им остров». В то же время, видя в лице китайцев угрозу своей монополии, голландцы «приняли их враждебно, из боязни быть ими вытесненными». Наконец, голландцы «к малайцам... относились лучше, чем китайцы, среди них они ввели законы своей родины, основали школы, проповедовали им христианство, и, чтобы крепче их к себе привязать, они женились большей частью на туземках»³⁸.

О китайском генерале «Коксинге» (Чжэн Чэн-гуне. — В. Г.), разбившем и изгнавшем в 1662 г. с острова голландцев, Ибис пишет, что, по слухам, «мать его была формозянка». В конце исторического обзора Ибис упоминает инцидент с экипажами двух английских судов, разбившихся в 1842 г. у берегов Тайваня³⁹.

³⁶ Чигринский М. Ф. 1984: 59; Ибис П. Экскурсия на Формозу. 1876 (152-I). С. 148–149.

³⁷ В частности, Ибис упоминает книгу «Потеря Формозы» (Verwaerloos de Formosa of Warachtig Verhaer t'Amsterdam 1675). Он также использовал европейские (англоязычные и др.) карты острова, публикации в Customs gazette и статьи Лежандра [Ибис П. Экскурсия на Формозу. 1876 (152-II). С. 123; Ибис П. Экскурсия на Формозу. 1876 (152-I). С. 115, 145].

³⁸ Ибис П. Экскурсия на Формозу. 1876 (152-II). С. 124; Чигринский М. Ф. 1984. С. 58–59.

³⁹ Речь о пленении и гибели экипажей британских судов «Ровер» и «Анна» после крушения последних у берегов острова [Ибис П. Экскурсия на Формозу. 1876 (152-II). С. 125–126].

Несмотря на вторичность привлечённых автором данных о прошлом Тайваня, статья Ибиса, по-видимому, стала первым систематичным, подробным и достоверным обзором истории и политики на Тайване, напечатанным в российском журнале на русском языке. Что касается лично добытых Ибисом на острове этнографических и прочих данных, то их научное значение огромно и требует дальнейшего изучения.

Любопытно, что, добравшись на север, в порт «Келонг» (Цзилун. — В. Г.), Ибис встретил там своего соотечественника: «Начальник таможни, к которому я имел рекомендации, был русский, живущий здесь уже третий год. Для развлечения он занимается метеорологическими наблюдениями, результаты которых ежегодно публикует. Это пока единственная метеорологическая станция на Формозе»⁴⁰. Хотя Ибис не сообщил имени таможенника, нами установлено, что этим человеком был некий Титушкин, «ассистент» Императорской китайской морской таможни (ICMC)⁴¹ — видимо, один из первых россиян, сумевших долговременно обосноваться и служить на острове в начале 1870-х.

К сожалению, длившееся 4 года (1872–1876) кругосветное плавание корвета «Аскольд»⁴² закончилось для П. Ибиса трагично. В июне 1876 г. он тяжело заболел. Лечение во владивостокском

⁴⁰ Ибис П. Экскурсия на Формозу. 1876 (152-II). С. 138.

⁴¹ Titoushkin, (Mr.) Assistant ICMC. Possibly Russian, at Keelung c. 1874 // Harold M. Otness, by. One Thousand Westerners in Taiwan, to 1945: a Biographical and Bibliographical dictionary. — Institute of Taiwan History, Preparatory Office, March 1999. С. 158. Императорская китайская морская таможня — Imperial Chinese Maritime Customs (ICMC). Одно из самых известных, уникальных и влиятельных государственных ведомств Китая, находившееся с 1854 г. и до начала XX в. под управлением европейских служащих, которые упорядочили поступление в китайскую казну доходов от таможенных пошлин.

⁴² Описание этого похода см. в: Максимов А.Я. Корвет «Аскольд» вокруг света. СПб., 1910. 366 с.; Максимов А.Я. Вокруг света: Плавание корвета «Аскольд»: от Кронштадта до Бангкока. СПб.: ред. журн. «Всемирный путешественник», 1876. 480 с. Как писал в предисловии автор записок: «В минувшем 1871 году вышло из Кронштадта, в кругосветное плавание, одно из лучших деревянных судов балтийского флота — корвет «Аскольд»... Цель назначения... сменить с observationalного поста в Тихом океане корвет «Боярин» и вступить в распоряжение генерал-губернатора Восточной Сибири, для разных посылок, крейсерства, а также для показания русского флота в различных странах портах Тихого океана...»

госпитале не дало результатов, и после прибытия «Аскольда» в Кронштадт П. Ибиса отправили в Австрию, надеясь на скорое выздоровление. Однако болезнь (вероятно, абсцесс лёгкого) продолжала прогрессировать, и в апреле 1877 г. П. Ибис умер в Пизе, куда переехал из Австрии⁴³. Таким образом, безвременная смерть молодого и талантливого российского офицера прервала его научные изыскания, а он сам и его работы оказались незаслуженно забытыми на целое столетие. Лишь в 1980-х гг. имя П. Ибиса было возвращено из более чем векового забвения, а его талантливые работы становятся предметом всё более пристального научного изучения в России и за рубежом.

В течение двух десятилетий, последовавших за событиями 1874 г., власти Китая предприняли целую серию политико-административных, экономических и культурно-идеологических преобразований для скорейшего обеспечения эффективного правления и упрочения китайского суверенитета над островом. Но, к сожалению, этот важный период не нашёл сколько-нибудь заметного отражения в сочинениях российских учёных или путешественников тех лет.

Новым поводом для очередного всплеска мирового общественного внимания к Формозе стала китайско-японская война 1894–1895 гг. (*война Цзя-У*), в результате которой остров был на полвека аннексирован Японией (1895–1945). Ход этой кампании, дипломатических баталий при заключении Симонсекского мирного договора 1895 г., объявления Формозы «Тайваньской республикой», а также последующего военного покорения и аннексии острова японцами регулярно освещался в российской прессе, а затем и в специальных изданиях, подобных работе поручика Иосифа Владиславовича Ржевуского (1870–1933) «Японско-китайская война 1894–1895»⁴⁴. Уже в эти годы автор пронизательно ставит вопрос о новой роли Японии в мире и о её нарастающей угрозе в отношении самой России: «Хотя война Японии с Китаем и не произвела никакого переворота, но она имела громадное значение для культуры и могуще-

⁴³ Чигринский М. Ф. 1984. С. 57.

⁴⁴ См., например: Ржевуский И. В. Японско-китайская война 1894–1895. СПб.: изд. М. М. Ледерле, 1896. С. 70–74.

ства Восточной Азии. Европа с давних пор привыкла смотреть на Японию и Китай, как на государства некультурные... Минувшая война показала, что Япония достигла замечательного развития... Её государственный строй, экономическое состояние, армия дают ей право стать в ряду европейских государств. Могущество, которого она достигла в такой короткий срок и которое доказала в войне с Китаем, не позволяют её игнорировать, особенно России, для которой она теперь является опасным соседом на востоке»⁴⁵.

Большая часть журнальных публикаций этого периода носила общий и беглый описательный характер, даже если их авторы лично навещали остров, подобно И. Тринковскому, автору очерка «Формоза» в № 43 журнала «Природа и люди» за 1895 г.⁴⁶ В то же время в некоторых очерках довольно точно указывались главные причины колониальных притязаний Японии. Например, исследователь природы и коренных народов Дальнего Востока, доктор медицины Николай Васильевич Слюнин (1850–1926), опубликовал в журнале «Всемирная иллюстрация» (август 1895, № 1371) очерк «Остров Формоза», в котором ёмко и выразительно обобщил почти все эти причины всего в нескольких строках: «Не прошло и 20 л., как у японцев снова разыгрался аппетит: страна переполнена населением, рису и рыбы не хватает, финансы плохи, а тут недалеко богатый и плодородный остров, на котором, при постройке железнодорожного моста в Ки-лунг, открыты богатые залежи рудного золота. Прибавьте к этому богатство острова серой и углём, который в японских копиях уже истощился, и вы поймёте политику просвещённых язычников, нарядившихся в европейский костюм»⁴⁷. Оценивая стратегическое значение острова «д-р Н. Слюнин» небезосновательно сравнивает его с Цейлоном: «Формоза — это “перл” Китайского моря, подобно тому как в Индийском океане

⁴⁵ Ржевуский И. В. Японско-китайская война 1894–1895. 1896. С. 72–73.

⁴⁶ См.: Формоза (Очерк И. Тринковского) // Природа и люди. 1895, № 43. С. 690–692.

⁴⁷ Слюнин Н. Остров Формоза // Всемирная иллюстрация. 1895, № 1371. С. 365–366. «Всемирная иллюстрация» — еженедельный иллюстрированный журнал, выходил в Санкт-Петербурге в 1869–1898 г. тиражом до 10 000 экз. Был рассчитан на массового читателя и призван служить иллюстрированной хроникой современной жизни.

есть “жемчужина” английской короны — остров Цейлон, который стоит теперь немного больше Формозы. Но стратегическое и торговое значение их в будущем будет одинаково»⁴⁸.

В течение первого года с момента японской аннексии Формозы в российской прессе эпизодически появлялись короткие заметки, извещавшие о сопротивлении местных жителей, с которым столкнулись японцы. Так, журнал «Живописное обозрение» сообщал в начале 1896 г. своим читателям: «На острове Формоза вспыхнуло восстание. Инсургенты численностью свыше десяти тысяч... сражаются с отчаянной энергией и нанесли несколько поражений отдельным японским отрядам. Положение дел серьезное»⁴⁹.

Как сообщала известный советский тайваневед Ф. А. Тодер, в ходе антияпонской борьбы жители острова пытались получить помощь от любых стран, в том числе от России. В письме к находившемуся в Китае директору Русско-Китайского Банка князю Ухтомскому, подписанном лидером сопротивления Линь Ли-чэном, содержалась просьба островитян «двинуть войска и навсегда принять их в подданство России». Но донесение военного агента Вогака с приложением копии обращения не возымело действия⁵⁰.

Положение на острове в эти годы оставалось предметом пристального внимания российских военных, что подтверждают рапорты вышеназванного военного агента в Китае и Корею К. И. Вогака (1859–1923). К примеру, в своём донесении о присоединении Тайваня к Японии полковник Вогак представил полный перевод статьи японской официальной газеты «Ничи-ничи» от 4–5 сентября 1895 г. под заголовком «Как надлежит усмирять остров Тайвань (Формозу)». В статье подробно изложены цели, задачи и методы освоения новой японской колонии в изначальной трактовке самих японцев, которые признавали: «Если цели эти не будут до-

⁴⁸ Слюнин Н. Остров Формоза. 1895, № 1371. С. 365.

⁴⁹ Япония. На острове Формоза вспыхнуло восстание // Живописное обозрение. Санкт-Петербург. 1896, № 6. С. 138.

⁵⁰ Тодер Ф. А. История изучения Тайваня в России // Проблемы Дальнего Востока. 1993, № 5. С. 47, 55; Донесение военного агента Вогака за № 136 от 27 октября (8 ноября) 1897 г. // Сведения о Китае и Японии за 1895–1898 гг. Военно-ученый архив Главного штаба. РГВИА.

стигнуты, то присоединение Тай-ваня лишено всякого смысла и значения»⁵¹.

Очевидно, желание и необходимость ближе познакомиться с новой японской колонией стали поводом для личного визита К.И. Вогака на остров в 1896 г. Его служебный рапорт об этой поездке является, пожалуй, единственным русскоязычным документом тех лет, содержащим прямые сведения эксперта-очевидца о текущем положении дел на острове и о его военно-экономическом потенциале. Все упомянутые донесения К.И. Вогака о Тайване, хранящиеся в фондах РГВИА⁵² и АВПРИ⁵³, безусловно, имеют немалую историческую ценность, но до сих пор не публиковались и не становились предметом научных исследований.

После 1896 г. тема японского правления на Тайване по каким-то причинам на несколько лет выпадает из внимания российской прессы и вновь становится предметом растущего интереса уже в начале XX в., накануне русско-японской войны 1904–1905 гг. «Вестник финансов, промышленности и торговли», «Новый журнал литературы, искусства и науки», «Мир», «Вокруг Света» и другие популярные журналы-еженедельники, служившие для российской публики основным источником сведений о Формозе, печатали на своих страницах короткие информационные заметки о сахарной и спичечной промышленности, производстве чая, горном деле, строительстве железных дорог, портов и городов на острове⁵⁴. На-

⁵¹ См.: Донесения полковника Вогака о действиях японского правительства по усилению вооруженных сил Китая и присоединении острова Тайваня (Формозы) к Японии, о численности и вооружении китайских войск, участвовавших в параде в Пекине, об усилении английского влияния... 18(30) сентября 1895 г. // Сведения о Китае и Японии за 1895–1898 гг. Военно-учебный архив Главного штаба. РГВИА, ф. 447, оп. 1, л. 6–11.

⁵² РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив: <http://rgvia.pf>, <http://rgvia.com>

⁵³ АВПРИ — Архив внешней политики Российской империи: <http://www.mid.ru/bdomp/ns-arch.nsf/e7ef353cc1b1406043256b06004bbe2/66b2e6b54209c6a7442579ca003ea43f!OpenDocument>

⁵⁴ Формоза — спичечная промышленность // Вестник финансов, промышленности и торговли. Санкт-Петербург, 1902, № 18. С. 197; Горное дело на о. Формоза // Вестник финансов, промышленности и торговли. Санкт-Петербург, 1907, № 28. С. 64; Сахарная промышленность на Формозе // Вестник финансов, промышленности и торговли. Санкт-Петербург, 1910, № 16. С. 135; Японцы —

ряду с этим, они публиковали и куда более пространные путевые записки редких европейцев, которым удавалось проникать вглубь острова с позволения японских властей. Так, в 1904 г. в двух номерах (№ 9–10) «Нового журнала литературы, искусства и науки» появился перевод очерков немецкого путешественника Адольфа Фишера⁵⁵, который посетил Формозу ещё в феврале — марте 1898 г. и, как отмечали редакторы: «Не увлекаемый никакими политическими симпатиями в ту ли иную сторону, совершенно беспристрастно описывает свои странствования по этому живописному, но надежному таким зловредным климатом, острову».⁵⁶

На самом деле очерки Фишера отличаются явной негативной пристрастностью в отношении японцев⁵⁷ и не случайно появились в российском журнале в разгар русско-японской войны, став инструментом пропаганды в информационной «войне СМИ». Тем не менее, заметки Фишера интересны как ценное свидетельство наблюдательного и вдумчивого очевидца, как частное субъективное мнение путешествующего иностранца. Помимо обычных для подобных очерков беглых описаний береговой линии и портов, а также богатой природы и ландшафта острова, Фишер приводит любопытные факты о политике модернизации острова, проводившейся при китайском губернаторе Лю Минь-чуане в 1884–1891 гг. и позднее, вплоть до прихода японцев, а также краткие сведения о борьбе жителей острова против японцев в 1895 г. и в первые годы японского правления. Великолепны словесные зарисовки и иллюстрации, представляющие образ

строительство железных дорог на Формозе // Мир. Санкт-Петербург, 1908, № 5. С. 27; Чечин П. Остров Формоза // Вокруг света, 1910, № 14. С. 249 и т. д.

⁵⁵ Формоза (японская колония). Очерки Адольфа Фишера // Новый журнал литературы, искусства и науки, 1904, № 9. С. 187–194; № 10. С. 34–41. На полях самого журнала (№ 10. С. 34) указано также иное название «Нов. Журн. Ин. лит.».

⁵⁶ Очерки Адольфа Фишера. 1904, № 9. С. 187.

⁵⁷ Как писал Фишер: «Вообще, несмотря на европейский мундир, японский военный остался тем же дикарём, что и был, и кровожадность его нисколько не уменьшилась внешней культурностью. Главный принцип варвара, что на войне всё «позволительно», остался до сих пор его девизом, и в вопросах рыцарской чести он не шагнул ни на йоту вперёд... Жажда крови лежит в существе японской натуры; надо видеть, с каким воодушевлением следят они за раздирательными картинами убийств театре!» См.: Формоза (японская колония). Очерки Адольфа Фишера. 1904, № 9. С. 190.

жизни и внешний вид, обычаи и традиции, экономическую деятельность и религии основных этнических групп местного населения (ханьцы, хакка, равнинные и горные аборигены, японцы). Особенно интересны сообщения Фишера о серии встреч с колониальными чиновниками, подозревавшими в нём русского шпиона, о политике японцев в отношении местного населения (подавление бунтов, образование, языковая и этническая политика), о попытках организации местного ополчения («образовать из дикарей войско на манер русского казачества»), управлении экономикой (монополия на камфару) и пр. Обобщая итоги трёхлетнего правления японцев на острове, Фишер справедливо указывает на ограниченность их успехов: «В Европе ошибочно думают, что, получив Формозу в свои руки, японцы вполне прочно утвердились там и водворили образцовый порядок». Враждебность китайского населения не позволяла японцам сохранять безопасность даже вокруг резиденции генерал-губернатора в Тайбэе, а бытовавший у горных аборигенов обычай охоты за головами приводил к тому, что проникать в «девственные дебри» горных лесов «не отваживается ни один смертный». «Поэтому, — пишет Фишер, — когда я указал на карте Формозы все места, где мне хотелось бы побывать, японские чиновники, убедившиеся вполне, что я не русский и не шпион, очень любезно указывали мне границы, в пределах которых они могут ручаться за мою безопасность и за которыми они сами находятся во власти диких племён и китайских разбойников»⁵⁸.

Свидетельством пристального внимания российской публики к экономической эффективности японского колониального проекта служат предваряющие очерк Фишера строки редакторов. По мнению последних, при аннексии острова «распоряжавшаяся в то время делами Японии радикальная партия считала необходимым земельное приобретение и сильно прогадала, как показало последующее время. Формоза с 1895 по 1899 год принесла доходу 33 миллиона йен, а израсходовано на неё было 116 миллионов йен, — следовательно, японское правительство понесло за это время убытков на 83 миллиона. Культивировать остров оказалось не так-то легко...»⁵⁹.

⁵⁸ Очерки Адольфа Фишера. 1904, №9. С. 191; №10. С. 39.

⁵⁹ Очерки Адольфа Фишера. 1904, №9. С. 187.

В действительности, «как показало последующее время», упомянутый вывод был слишком поспешным. Куда глубже и дальновиднее выглядит оценка военного эксперта, капитана В. А. Карликова⁶⁰. В разделе «Формоза» из «Очерка территориальных захватов европейцев у Китая» (1903)⁶¹ Карликов привёл новейшие официальные данные о переменах в демографии, политическом устройстве, образовании, санитарно-гигиенической политике и финансовом управлении на острове.

Признавая трудности, с которыми столкнулись на Формозе японцы, Карликов верно оценивает суть стоявших перед ними задач и значение преобразований, начатых с приходом губернатора Кодама: «В марте 1898 года генерал барон Кодама, четвертый и теперешний генерал-губернатор, вступил в должность, призванный в то же время исполнять обязанности и гражданского губернатора. Предшественники генерала Кодама не имели определенного плана и к приезду нынешнего губернатора на Формозе царила неурядица. Он должен был изменить почти совершенно всю административную систему, предлагая прежде всего, в виде программы: лучшее распределение административных округов, поощрение промышленности, основание образовательных учреждений, принятие санитарных мер, сокращение должностных лиц, наконец уважение, в возможной мере, традиционных обычаев туземцев, уже и так склонных к возмущению»⁶².

Вслед за этим автор подробно знакомит с предложенным в декабре 1898 г. генерал-губернатором Кодама планом развития острова на 20 лет, включавшим казённое строительство и введение правительственной монополии на камфару, опиум и соль. Он особо отмечает, что цель финансовой программы Кодама и казённых монополий сводится к освобождению Формозы от денежной

⁶⁰ Карликов Вячеслав Александрович (1871–1937). Генерал-лейтенант (1919), герой 1-й мировой войны. Служил в Туркестане, Сибири и на Дальнем Востоке. В 1900 г. участвовал в подавлении боксёрского восстания в Китае. Участник Белого движения, с 1920 г. служил в РККА. Арестован и расстрелян в Москве в 1937 г. Посмертно реабилитирован в 1957 г.

⁶¹ Карликов В. Очерк территориальных захватов европейцев у Китая и современное состояние отнятых областей (Раздел II. Формоза). СПб.: Военная тип., 1903. С. 41–51.

⁶² Карликов В. 1903. С. 42–43.

поддержки метрополии, обеспечения самокупаемости и финансовой независимости острова с 1910 г. (Эту цель удалось достигнуть в 1909 г.). Цитируемые данные приводят автора к вполне логичному заключению: «С тех пор, как Формоза в руках Японии, метрополия израсходовала на неё до конца 1901 года 150 млн. йен, считая в том числе военные издержки. Но Формоза принесла Японии 40 млн. йен, так что колония стоила императорскому правительству только 110 млн. йен, и если считать доходы Формозы в 14–20 млн. йен, можно сказать, что государство поместило эти деньги по 15–20%. Равным образом должно принять в расчёт ввоз Японии на Формозу... Эти результаты делают честь администрации Формозы и доказывают, насколько неправильно утверждение, как это было до сих пор, что колония только в тягость Японии»⁶³.

Если после китайско-японской войны 1894–1895 гг. российские эксперты ещё могли снисходительно признавать, что успехи Японии «дают ей право стать в ряду европейских государств»⁶⁴, то поражение России в ходе японо-китайской войны 1904–1905 гг. коренным образом изменило их отношение к Стране восходящего солнца вообще и к её колониальному опыту в частности. Война окончательно разрушила миф о превосходстве европейцев над азиатами и вынудила россиян не только примириться с имперскими амбициями восточного соседа, но и всерьёз заняться разгадкой секрета её ошеломляющих побед. Колониальный опыт Японии, проявившей себя «лучше всех европейцев», стал восприниматься как образец для подражания в деле освоения окраинных территорий (российский Дальний Восток) и как критерий для оценки перспектив самой Японии в освоении новых колоний (о. Сахалин, Корея и пр.).

К примеру, даже не слишком искушённые в фактах новейшей истории репортёры журнала «Мир» публиковали в то время (1908 г.) такие нелестные для России сравнительные прогнозы: «Японцы по окончании войны с Китаем в 1905 г. (опечатка. Верно: 1895 г. — В. Г.) получили остров Формозу с 90 вёрст железных дорог. В настоящее время дорог там уже 490 вёрст, причём на постройке их японцы сэкономили 4,000.000 руб. против смет. Конечно, мы услышим

⁶³ Карликов В. 1903. С. 51.

⁶⁴ Ржевуский. Японско-китайская война. 1896. С. 72–73.

скоро, как японцы сделают проезжим наш Сахалин, который для нашей безконтрольной администрации был только местом различных каторжных экспериментов, весьма убыточным для казны. Почему Япония, где для каторжников неизмеримо теснее, чем в России, не взяла себе за образец мудрые опыты нашей бюрократии?»⁶⁵

Прямую параллель между Формозой и Сахалином провёл и корреспондент журнала «Вокруг света» П. Чечин, отмечавший в 1910 г. в своей небольшой заметке: «Итак, тот самый остров, который прежде, подобно Сахалину для России, служил одной лишь обузой для Китая, должен, благодаря умению ... в самом недалёком будущем совершенно изменить свою, пока ещё дикую, физиономию, и стать, по примеру Сахалина, неисчерпаемой житницей “страны восходящего солнца”»⁶⁶.

Особенно показательны в упомянутом сравнительном плане статьи «О контрабандном ввозе опиума на Дальний Восток» и «Япония решает опийную проблему Дал. Востока лучше всех европейцев», опубликованные известным российским журналистом-дальневосточником И. С. Левитовым⁶⁷ в 1906 г.⁶⁸ Цель этой двойной публикации, вышедшей в «Санкт-Петербургских ведомостях» под общим заголовком «О необходимости опийной реформы на Дальнем Востоке»: «Своевременно обратить внимание общества на одно крупное явление на нашей окраине, которым надо воспользоваться, чтобы положить первый фундамент для будущей финансовой реорганизации всего Д. Востока, так как последний до сих пор черпал свои жизненные силы из цен-

⁶⁵ Японцы. // Мир, 1908(?), № 5. С. 27.

⁶⁶ Чечин П. Остров Формоза. Обо всём и отовсюду // Вокруг света, 1910, № 14. С. 249.

⁶⁷ Илья Семёнович Левитов (1850–1918). Российский журналист и этнограф. Учился в Новосибирском университете (1870–1872) и Гейдельбергском университете (1873). Работал в Сибири и на Дальнем Востоке. Участник поездок в Маньчжурию, Китай, Японию, Индию, Индокитай и Европу. Работал при городском управлении Порт-Артура, где сотрудничал с газетой «Новый край». Во время осады Порт-Артура дневники и записи Левитова были утрачены. Автор статей о переселенцах в Сибирь и проблемах российской политики на Дальнем Востоке.

⁶⁸ Левитов И. О необходимости опийной реформы на Дальнем Востоке. СПб., 1906. 24 с.

тра России и не имел никакой экономической базы для своих ресурсов»⁶⁹.

Как утверждал Левитов, успешное освоение российского Дальнего Востока, решение наиболее острых социально-экономических проблем внутри страны и нормализация связей с соседними странами невозможны без эффективного решения «опийной проблемы». Между тем политика полного запрета, проводившаяся российскими властями с середины XIX в., приводила лишь к обратному эффекту: быстрому росту контрабандного ввоза и распространению опиекурения среди населения восточной части империи. Как утверждал Левитов, для искоренения опиумной проблемы на Дальнем Востоке Россия должна легализовать торговлю опиумом и обложить её монопольным акцизом, следуя в этом деле примеру и опыту других стран.

Стремясь привлечь внимание своего правительства и депутатов Государственной думы к острейшей опиумной проблеме, Левитов сравнивает положение на Дальнем Востоке с торговлей опиумом и опиумокурением в Китае (Маньчжурии), на Филиппинах, голландской Яве, японской Формозе и в других странах. Как пишет Левитов, чтобы исследовать вопрос об опиекурении на Формозе, он специально приехал в столицу острова в январе 1903 г., «где прожил три недели, чтобы познакомиться с этой характерной монополией». Исходя из личных наблюдений и правительственной статистики, Левитов делает заключение: « Я был поражён успехом, которого Япония достигла там... Япония решает опийную проблему Дал. Востока лучше всех европейцев». И далее, по поводу возможных доходов государства от опиумных акцизов: «Опийная монополия в высшей степени плодотворна и гуманна. Уж если говорить о нравственности, то я положительно утверждаю, что японская опийная монополия нравственней нашей водочной монополии»⁷⁰.

По мнению Левитова, российское правительство обязано, используя «прекрасные методы для искоренения опиумокурения, как это делают голландцы на Яве или японцы на Формозе», принять меры к уничтожению контрабандного опиума на Дальнем Востоке (отмена закона о запрете на опиумокурение и введение

⁶⁹ Левитов И. 1906. С. 1.

⁷⁰ Левитов И. 1906. С. 4, 14, 6, 16.

акцизов на опиум) и содействовать опиийной реформе («настоящий контроль над туземным опиумом») в Китае, дабы помешать китайским купцам «иметь на содержании одну русскую полицию» и не допустить, чтобы «наш Дальний Восток превратился в непристойное место, или, вернее, в опиийную клоаку, где главными руководителями явятся китайские купцы, знающие вдоль и поперек наш Дальний Восток»⁷¹.

Примечательно, что данные статьи Левитова были подготовлены и вышли в свет примерно летом — осенью 1906 г., т. е. в момент прихода к власти П. А. Столыпина и начала знаменитых «стольпинских реформ», которые включали меры по освоению Сибири и Дальнего Востока. Поэтому, вероятнее всего, конкретным поводом для настойчивых напоминаний автора об опыте японцев и личном визите на Формозу трёхлетней давности как раз и послужило его стремление включить застарелую «опиийную проблему» в актуальный контекст небывалых российских реформ как «первый фундамент для будущей финансовой реорганизации всего Д. Востока».

Как заключает Левитов: «Опиийная проблема — это только первый этап к упорядочению Дал. Востока и мирного его развития. ... я считаю опиийный вопрос для России очень важным государственным вопросом; благодаря этому вопросу, мы можем войдти с Китаем в более интимные отношения, нежели Япония»⁷².

Хотя статьи Левитова подвержены заметному влиянию японской пропаганды, они всё же содержат ряд объективных данных о социально-экономических аспектах, называют основные цели и задачи японской опиумной политики на Формозе и дают представление о сложном восприятии этой политики в Российской империи. При этом острое желание привлечь внимание российских властей к опиийной проблеме на Дальнем Востоке и выбору самых эффективных способов её решения, видимо, оказалось главной причиной, побудившей Левитова показать лишь позитивные стороны японской политики, одновременно замалчивая весь сопутствующий негатив. В итоге такой подход помешал автору объективно выявить серьёзный разрыв между официальными

⁷¹ Левитов И. 1906. С. 1, 5, 13.

⁷² Левитов И. 1906. С. 23–24.

заявлениями японцев о гуманных целях их политики и куда менее гуманной реальностью.

Упомянутые выше сведения И. С. Левитова об острове дополняет его статья «Формоза и японцы», вышедшая 12 октября 1906 г. в газете «Новый край» (№ 205)⁷³. В этой статье автор сообщал, в частности, про политику японизации и насаждение японской системы в сфере образования. Основной упор, отмечал Левитов, делался на подготовке преданных режиму полицейских из коренных жителей⁷⁴.

Одновременно с вышесказанным следует подчеркнуть, что, несмотря на высокую оценку японских достижений, российские специалисты, особенно те из них, которые посещали Формозу и могли лично наблюдать разницу между официальными отчётами и реальностью, были всё же далеки от слепой идеализации успехов колониального управления на острове.

Врач и энтомолог Арнольд Карлович Мольтрехт (1873–1949?)⁷⁵ стал вторым после П. Ибиса россиянином, который посетил туземцев Тайваня и показал себя серьезным учёным. При содействии японских властей Мольтрехт совершил зимой 1908 г. трудную пешую экспедицию в центр и на юг острова, где собрал ценные сведения о живой природе и аборигенах. В отчете «Четыре месяца зоологической и этнологической работы среди дикарей центральной и южной Формозы», доложенном в «Обществе изучения Амурского края» в августе 1908 г. и изданном в 1916 г.⁷⁶, Мольтрехт привёл немало общих сведений об истории, численности и сложном этническом составе туземцев. Приводимые им данные

⁷³ Газета «Новый край» выходила в Порт-Артуре, а после падения крепости — в г. Харбин.

⁷⁴ Левитов И. С. Формоза и японцы // Новый край, № 205 (12 октября 1906 г.); Хохлов А. Н. Аборигены Тайваня на рубеже XIX–XX вв. глазами российского журналиста // Маклаевские чтения, 1995–1997 гг. — СПб., 1997. С. 221–226. Библиография в примечаниях. С. 225–226.

⁷⁵ Биография А. К. Мольтрехта, см.: <http://jugan2.narod.ru/moltr.html> [Чигринский, 1983].

⁷⁶ Мольтрехт А. К. Четыре месяца зоологической и этнологической работы среди дикарей центральной и южной Формозы (с 1 таблицей) // Известия Императорского Русского географического общества. Петроград, 1916. Т. 52, Вып. 1. С. 51–70.

были не всегда верны, в силу своей вторичности. В то же время, оказавшись на юге острова, Мольтрехт сделал ряд верных наблюдений о неоднородности туземцев, а также о смешанном проживании китайцев и части туземцев, динамике и характере их связей, сводившихся к вытеснению и ассимиляции народности Пайвань⁷⁷.

Уделив особое внимание «спорту охоты за человеческими черепами», Мольтрехт описал и многие другие стороны жизни аборигенов. В его отчёте даны описания быта, жилищ, одежды, пищи, изготовления вина, знахарства, религиозных обычаев, инициаций, свадеб, похорон и других туземных обычаев и нравов. По поводу брачных обычаев Мольтрехт сообщает, что «все племена формозских дикарей придерживаются моногамии, многоженство строго наказуется». Тут же он упоминает о бытовавших у Пайвань и других туземцев обычаях сватовства, умыкания невесты и подселения жениха в дом родителей невесты (матрилокальный брак), где он обязан отработать от двух до трёх лет⁷⁸.

Хотя Мольтрехт не уделял специального внимания этнической политике колониальных властей, в его отчете проглядывают характер и методы этой политики. Прежде всего, по словам учёного, японские власти, от генерал-губернатора до местных чинов и полиции в разных частях острова, оказывали автору «всевозможное содействие» в проведении экспедиции, выказывая прямую заинтересованность в научном изучении острова⁷⁹. Во-вторых, он упоминает, что в рамках своей «цивилизаторской» политики японцы стремились искоренить наиболее экзотичные «варварские» обычаи аборигенов, вроде обычая охоты за головами. Наконец, Мольтрехт сообщает, что туземцы оказывали японцам сильное сопротивление, порой доходящее до крупных вооруженных бунтов, один из которых даже задержал его начало экспедиции: «Приехав 10-го декабря (1908 г. — В. Г.) в Фучжоу во время восстания дикарей на Формозе, я решил выждать в Китае более благоприятных, для проникновения вглубь острова, условий...»⁸⁰

⁷⁷ Мольтрехт. А. К. 1916. С. 57–62.

⁷⁸ Мольтрехт. А. К. 1916. С. 61–65.

⁷⁹ Мольтрехт. А. К. 1916. С. 55.

⁸⁰ Мольтрехт А. К. 1916. С. 53.

Судя по отчёту, общие сведения о прошлом и часть сведений о настоящем туземцев собраны автором опосредованно — из различных японских публикаций⁸¹ и от устных информантов на острове. Но почти все эти сведения были открытием для русскоязычной публики тех лет. Что касается прямых сообщений с места событий (например, о встрече туземцев с генерал-губернатором Сакума в Наньтоу)⁸², личных наблюдений и выводов Мольтрехта, то особую ценность им придавало ещё и то обстоятельство, что японские власти намеренно ограничивали в те годы доступ на остров для иностранцев (в основном европейцев из западных стран). А очень немногие попавшие туда иностранные путешественники находились под плотным наблюдением и были вынуждены согласовывать с местными чиновниками свои перемещения по острову. Эту тенденцию чётко выразил, к примеру, корреспондент журнала «Вокруг света» П. Чечин⁸³, сообщавший в 1910 г.: «Теперь европейцу попасть на остов стало очень трудно. Японское правительство, опасаясь за жизнь иностранцев, даёт очень неохотно разрешение на посещение острова и то лишь с условием, что путешественник не будет стараться попасть в глубину острова»⁸⁴.

И всё же, несмотря на трудности с пропускным режимом, отдельные русские путешественники и учёные продолжали «попадать в глубину острова» и после А. К. Мольтрехта. Отчасти этому способствовало то обстоятельство, что к исходу первого десятилетия XX в., уже через несколько лет после окончания русско-японской войны, в российском востоковедении происходят небывалые перемены — формируется новое молодое поколение учёных-россиян, получивших образование, живших и работавших в Японии. Въезд на остров для них облегчали наличие вида на жительство в метрополии, определённая известность и доверие со стороны колониальных властей, а также отсутствие языкового и культурного барьера в общении с японцами. Таких людей было очень немного, а их визи-

⁸¹ Мольтрехт упоминает в конце отчета работу U. Ino. Account of the Formosa-Savages, но без выходных данных. Видимо, автор статьи — известный японский ученый Ино Йосинори.

⁸² Мольтрехт А. К. 1916. С. 66.

⁸³ Сведения о личности П. Чечина пока не найдены.

⁸⁴ Чечин П. Остров Формоза // Вокруг света. Москва, 1910. № 14. С. 249.

ты на остров — единичны и достаточно кратковременны. Тем не менее, им удалось внести свой заметный вклад в изучение Тайваня.

Одним из выдающихся представителей этого поколения был японист С. Г. Елисеев, который посетил Тайвань зимой 1912–1913 гг., сразу по окончании Токийского университета. Отчёт о своей поездке и другие интересные сведения о Тайване времён японского правления С. Г. Елисеев обнародовал через несколько лет, в конце 1915 г., когда выступил со специальным докладом в Обществе Востоковедения в Петербурге⁸⁵. О существовании этого доклада, неопубликованный рукописный оригинал которого (31 с.) хранится в архиве Института восточных рукописей РАН, напомнил в 1990-х гг. М. Ф. Чигринский⁸⁶.

Помимо изложения общих сведений о географии, населении и истории острова, кратко изложенных во вступлении, автор подробно описывает ход всей своей поездки: приход на пароходе в порт Цзилун и переезд на поезде в Тайхоку (Тайбэй) на севере острова, затем перемещение на поезде, дрезине и пешком в порт Такао (Гаосюн) на юге и, наконец, в центральный Тайвань (Алишань). Как признаётся сам Елисеев, имея в виду районы обитания аборигенов в центре острова: «Мне захотелось поехать посмотреть ту местность, где живут эти дикари». Попутно он рассказывает о местной судебной системе и образовании, о полезных ископаемых, лесном хозяйстве и производстве камфары, о выращивании чая, риса и сахарного тростника. В завершающей части доклада, сопровождавшегося показом 20 диапозитивов (см. пометки на полях в рукописи), приводятся подробности событий, связанных с восстанием местного населения Формозы в 1915 г. (инцидент Табани)⁸⁷, которое и послужило поводом для подготовки доклада.

⁸⁵ Елисеев С. Г. Доклад о Формозе в Обществе Востоковедения 14 декабря 1915 г. Рукопись. 31 с. (ИВР РАН: Ф 161242). Краткий отчет об этом выступлении был помещён в газете «Правительственный вестник» (№ 291) от 16 декабря 1915 г. без подписи. Сообщению предшествуют библиография и заметки по истории и географии Тайваня. В приводимых ниже цитатах сохранена орфография и пунктуация автора.

⁸⁶ Чигринский М. Ф. Путешествие С. Г. Елисеева на Тайвань // Маклаевские чтения. Краткое содержание докладов. СПб, 1992. С. 28–31.

⁸⁷ Инцидент Табани — одно из крупнейших вооружённых выступлений формозцев против японского правления, случившееся на юге Тайваня в июле — ав-

В целом С. Г. Елисеев представил в своём докладе достаточно точное описание реального положения вещей на острове. Помимо описаний красот природы и техногенных достижений японской администрации, автор с симпатией наблюдает сцены из жизни простых китайцев и аборигенов. Очень живо и метко описан урок в начальной школе: «Для детей дикарей устроена школа, где ведутся с ними занятия на японском языке. Я был в этой школе на уроке истории. Учитель-бонза рассказывал об одном герое японской истории Сугавара Мицизане⁸⁸, а дикарь говоривший по японски, переводил всё на туземный язык. Дети почти ничего не слушали, дёргали друг друга за платье, смотрели в открытые окна и перекликались с проходившими взрослыми дикарями»⁸⁹.

Вслед за этой полуидиллической мирной картинкой докладчик почти сразу приводит сведения о покорении аборигенов: «Северные же Атайёлы всё ещё не покорены и покорившиеся это единичные случаи. ... Атайёлы не желают покоряться и уходят в горы. Конечно, через несколько лет они волей неволей покорятся. Японцы утверждают, что экспедиция 1914 года, которой удалось отобрать 1128 ружей, положила конец непокорности дикарей, но этому сами японцы верят только в присутствии иностранцев»⁹⁰. Чуть далее С. Г. Елисеев переходит к описанию реалий этнической политики («Японское правительство сурово обращается с китайцами») и приводит отдельные примеры дискриминации в области образования, а также экономической эксплуатации. Характеризуя отношение японцев к местным жителям, автор доклада отмечает: «Японцы чувствуют себя господами и эксплуатируют их, благо за китайцев некому заступиться и благо европейцы, мнением которых японцы дорожат, мало знают об этом.»⁹¹ ... Зная, что за их спиной стоит японская власть, которая за них заступится, они ведут себя заносчиво и часто

густе 1915 г. Было сурово подавлено японской колониальной администрацией.

⁸⁸ Сугавара Митидзанэ (845–903). Великий японский учёный и поэт, посмертно прославленный как божество Тэндзин, покровитель учения и учеников, до сих пор активно почитаемый в Японии.

⁸⁹ Елисеев С. Г. Доклад о Формозе. С. 15.

⁹⁰ Елисеев С. Г. Доклад о Формозе. С. 16.

⁹¹ Елисеев С. Г. Доклад о Формозе. С. 21.

обижают китайцев. ... Всё это мало способствует развитию хорошего чувства у китайцев по отношению к японскому правительству и это недружелюбие отношений переносится и на японцев, тем более что японцы приезжающие на Формозу в большинстве случаев отбросы японского народа, не могущие по той или иной причине жить у себя на родине»⁹². Сообщая подробности о подавлении недавнего восстания, автор пишет: «Японское правительство не желало допустить восстание, которое могло принять большие размеры. Но отнюдь нельзя оправдать тех суровых мер, которые ещё больше восстаноят против него китайское население. Тем более, что в данном случае по убеждению местных жителей 90% осужденных не виновны в том, что им вменяют в вину»⁹³.

Общий вывод Елисеева ёмко выражен в последней фразе его доклада: «Из всего высказанного можно сделать один вывод, что несмотря на 20-летнее управление *Формозой* японцы не сумели заставить население острова себя любить и уважать. И главным образом в этом нужно винить не высшее управление, а местных властей, которые притесняют и давят китайцев»⁹⁴.

Таким образом, неопубликованный доклад С. Г. Елисеева представляет собой ценный исторический источник, основанный на путевых дневниках 1911–1912 гг., японской официальной статистике и сообщениях мировой прессы от 1915 г. Этот документ имеет высокую степень достоверности, богат информацией и содержит вполне объективные оценки автора в отношении описываемых им очень непростых событий на Формозе.

О весьма существенном расхождении вышеприведённых личных оценок С. Г. Елисеева с заявлениями официальной японской пропаганды свидетельствует публикация П. С. Скажутина, в своё

⁹² Елисеев С. Г. Доклад о Формозе. С. 18–19.

⁹³ Елисеев С. Г. Доклад о Формозе. С. 18–19. После подавления восстания, 25 августа 1915 г., канцелярия генерал-губернатора острова провела в г. Тайнань выездной суд, куда доставили 1957 чел. подсудимых. На основании Закона о наказании бандитизма были осуждены 1413 чел., из них 866 чел. приговорены к смертной казни, а 453 чел. — к тюремному заключению. Столь суровая кара привлекла внимание японского парламента и общественности. После казни 95 чел. остальные смертные приговоры были заменены на пожизненное тюремное заключение.

⁹⁴ Елисеев С. Г. Доклад о Формозе. С. 30–31.

время учившегося в Токийской духовной семинарии⁹⁵ и в Восточном институте во Владивостоке. Задавшись целью познакомить публику с плодами 20-летнего японского правления на острове (1895–1915), П. С. Скажутин привёл в журнале «Китай и Япония» (раздел «Современное состояние Формозы») перевод беседы с директором финансового отдела канцелярии «Фермозского ген.-губернатора г. Накагава». Текст этой беседы, опубликованной газетой «Токио Ници-ници» 6 июня 1915 г., передан дословно, без каких-либо комментариев переводчика, и явно контрастирует с вышеупомянутым докладом С. Г. Елисеева. По сути, выступление Накагавы представляет собой сугубо пропагандистскую хвалебную реляцию, публично возвещающую об окончательном «уничтожении разбойнических банд и покорении диких племён» (ровно за месяц до вспыхнувшего 6 июля восстания Табани!), о значительном приросте островного населения вследствие улучшения санитарных условий их жизни, о прогрессе в экономике, финансах и развитии инфраструктуры, а также в культурной жизни и образовании фермозцев⁹⁶.

В несколько ином, более широком региональном и аналитическом плане представил положение острова ещё один россиянин, живший и работавший в Японии. В специальной корреспонденции 1913 г. из Йокогамы, напечатанной «Вестником финансов, промышленности и торговли» под заглавием «Задачи японской колонизации и Формоза»⁹⁷, её автор, К. Польшов⁹⁸, рассмотрел роль и место Формозы не только в системе распределения производства

⁹⁵ Известие про Скажутину в дневниках Николая Японского: «15/28 июня 1911. Среда. Утром экзаменовал 2-й класс Семинарии, 12 человек, по Священной Истории; все отвечали хорошо. Экзаменовались с ними и двое русских, из которых Скажутин так хорошо и таким правильным языком отвечал по-японски, что если не смотреть на него, а только слушать — не узнаешь, что говорит не японец». См.: Дневники Николая Японского. СПб., 2004. Т. 4 (с 1904 по 1912 г.). С. 778.

⁹⁶ Скажутин П. С. К 20-летию японского владычества на Формозе // Китай и Япония. Хабаровск, 1915. № 230. С. 135–139.

⁹⁷ Польшов К. Задачи японской колонизации и Формоза // Вестник финансов, промышленности и торговли. Санкт-Петербург, 1913. № 7. С. 301–303.

⁹⁸ В 1921 г. в доме Константина Борисовича Польшова и его жены-японки в Йокогаме останавливался художник Давид Бурлюк. Других сведений о К. Б. Польшове пока не найдено. См.: http://archive.nbuv.gov.ua/portal/soc_gum/Khud_kult/2010_7/447-456.pdf

внутри японской империи, но и в контексте «громданого международного экономического конкурса на Дальнем Востоке». В статье рассмотрены мотивы, возможные пути и способы японской колониальной экспансии в АТР. В ней также сравнивается статистика бюджетных расходов на колонии (Корея, Формоза, Квантун, Сахалин) в 1911–1912 гг., приводятся любопытные сведения о «колониальной выставке», состоявшейся осенью 1912 г. в Токио с целью популяризации колониальной политики и упрочения экономических связей между метрополией и колониями. Раздел о Формозе содержит краткие общие сведения и статистику, основанную на результатах переписи населения Формозы в 1905 г. Как сообщает, ссылаясь на перепись, К. Польшов: «Население Формозы распределялось следующим образом: японцев-переселенцев 57.335 чел., туземцев-островитян 82795, формозских китайцев 2.890.485, пришлых китайцев 8.973, пришлых других иностранцев 163»⁹⁹.

Пожалуй, наиболее важен и прозорлив следующий вывод автора об общих перспективах колонизации острова: «Японское правительство не смотрит на Формозу, как на страну, могущую принять более или менее значительное количество японских переселенцев. Таким образом, на Формозу, как на японскую колонию, в свою очередь, надо смотреть как на страну, где Япония осуществляет задачу внутренней, туземной колонизации при отлитии туда самых ничтожных количеств колонистов из метрополии»¹⁰⁰.

Появление доступа к японской официальной статистике, отчётам и научной публицистике о Формозе открыло новую страницу в знакомстве россиян с островом. Касаясь использованных, помимо данных переписи, источников информации на японском языке, Польшов сообщает: «Можно, указать на труд о Формозе депутата палаты представителей японского парламента, Такэкоси, имеющийся в настоящее время, кажется, и в переводе на английский язык»¹⁰¹. Наконец, в 1911 г. формозское правительство издало на английском языке небольшой «Отчёт об управлении туземцами на Формозе»

⁹⁹ Польшов К. 1913, № 7. С. 303.

¹⁰⁰ Польшов К. 1913, № 7. С. 303.

¹⁰¹ Takekoshi Yosaburo, *Japanese Rule in Formosa*, George Braithwaite, trans. (London, New York, Bombay & Calcutta: Longmans, Green, and Co., 1907.

(“Report on the Control of the Aborigines in Formosa”)¹⁰², богато украшенный фотографиями, а также с картами и тремя диаграммами»¹⁰³.

Оценив должным образом информационную значимость подобных источников, российские японисты очень скоро приступили к их выборочным переводам и публикации в России. Одним из таких переводов стал библиографический очерк Н. П. Мацокина¹⁰⁴ «К этнографии острова Формозы», изданный в 1914 г. журналом «Вестник Азии». Очерк составлен из статей Ино Иосинори в № 188, 247, 248, 281 «Журнала Токийского Антропологического общества», посвященных обычаям охоты за черепами и инициации подростков, а также преданиям туземных племён. Переводы Мацокина имели большую историографическую ценность, так как давали лучшее представление об этническом составе, культуре, обычаях, ритуальной символике и социальной иерархии формозцев, а также о японской этнологии¹⁰⁵.

Совсем иной неакадемичный жанр имеет очерк «Десять лет среди дикарей-людоедов», опубликованный Петром Чечиным в 1914 г. в журнале «Вокруг света». По сути, он представляет собой перевод интервью с простым японцем Ватанабэ, который вернулся на родину с делегацией формозцев и поведал японской прессе о том, как много лет назад случайно попал в дикарям-формозцам и прожил среди них 10 лет, с 1896 по 1906 г. Рассказ сообщает о злоупотреблениях японских служащих камфарного завода на Формо-

¹⁰² Government of Formosa, Report on the Control of the Aborigines in Formosa. Bureau of Aboriginal Affairs, Government of Formosa. Published by Government of Japan, Taihoku, Formosa, 1911. См.: http://archive.org/stream/cu31924023511185/cu31924023511185_djvu.txt

¹⁰³ Польшов К. 1913. № 7. С. 303.

¹⁰⁴ Мацокин Николай Петрович (1886–1937). Японовед и китаевед; лингвист, этнограф, экономист. Служащий КВЖД с 1911 г. Преподавал в ВВИ. С 1922 г. — доцент ДГВУ. С сер. 1910-х до сер. 1920-х гг. работал в Харбине. Член Общества российских ориенталистов. Во второй половине 1920-х гг. — профессор ДВГУ. Репрессирован и расстрелян в 1937 г., реабилитирован в 1992 г.

¹⁰⁵ Мацокин Н. П. К этнографии о. Формоза: Предания туземцев о пигмеях. Охота за черепами у племени Цалисен. Отвлечение к близнецам. Аборигены и обезьяны // Вестник Азии. 1914. № 31/32. С. 50–56; Мацокин Н. П. Символы власти у племени Цалисен на о. Формоза // Вестник Азии. 1916. № 33/39. С. 77–81.

зе, которые обманывали туземцев и были истреблены последними в отместку за нанесённые обиды. Ватанабэ, единственный из выживших японцев, бежал с завода, но вновь попал в руки своих врагов, которые оставили его в живых на условии «навсегда забыть о своей дорогой родине и поселиться среди туземцев». Через много лет Ватанабэ всё же восстановил связи с сородичами и убедил своих односельчан выразить покорность японскому правительству¹⁰⁶. Этот незатейливый мелодраматичный рассказ о «сказочно-чудесной судьбе» бывшего японского плотника любопытен известиями о некоторых обычаях туземцев, среди которых «царит та идеальная общая жизнь, о которой мечтают социалисты», и служит неплохой лубочной картинкой, пропагандирующей успехи японских колониальных властей в деле умиротворения жителей острова.

Переводные статьи П. Чечина и Н. П. Мацокина стали одними из последних русскоязычных публикаций о Тайване, выходявших в российской дореволюционной прессе. Первая мировая война, революция и гражданская война надолго отвлекли внимание отечественных востоковедов от Формозы. Лишь в 1927 г. изучение острова продолжил Н. А. Невский (1892–1937), проживавший в 1915–1929 гг. в Японии. Выдающиеся работы Невского, только в 1929 г. принявшего советское гражданство, поставили вынужденную точку в российской дореволюционной традиции полевых научных исследований на острове (о Невском см. также 2-й раздел обзора). В итоге с конца 1920-х гг. «живописное обозрение» острова надолго уступило место описаниям «освободительных попыток туземных рабочих», в том числе «молодого рабочего класса Формозы, ещё не совсем оторвавшегося от деревни и терроризируемого японскими оккупантами»¹⁰⁷. В отечественной науке возобладали классовые марксистские подходы к изучению «Формозы под властью японского империализма», проводившиеся теперь уже в революционных интересах, под чутким и неусыпным контролем советского государства.

¹⁰⁶ Чечин П. Десять лет среди дикарей-людоедов // Вокруг света. Москва, 1914. № 25. С. 398–399.

¹⁰⁷ Лукьянова М. И. Японское владычество и борьба с ним на острове Формоза // Красный интернационал профсоюзов. Москва, 1929. № 6. С. 447, 449.

Глава 2

«...Обагрённые кровью крестьян»: колониальный Тайвань в советской печати и документах Коминтерна 1920–1930-х годов

Последовавшие за революцией 1917 г. гражданская война и «союзная» военная интервенция на Дальнем Востоке России привели к прекращению поступления сведений о Тайване в Петроград, а затем в Москву, ставшую столицей Советской России. Причиной стало то, что «царское» посольство в Токио во главе с В. Н. Крупенским, согласившееся представлять Временное правительство, не признало власть большевиков и прекратило посылать в Россию информацию. Возможно, некие сведения о Тайване имеются в исходящей переписке посольства, адресованной в российские посольства в Париже, Вашингтоне и Пекине, тоже не признавшие новую власть, и в дипломатических документах местных «белых» правительств, возникших в годы гражданской войны. Начиная с 1918 г. посольство в Токио поддерживало связь с «Деловым кабинетом» управляющего Китайской Восточной железной дорогой Д. Л. Хорвата в Харбине, с Временным Сибирским правительством и Временным Всероссийским правительством («Уфимская директория») под председательством П. В. Вологодского, Российским правительством Верховного Правителя А. В. Колчака, Временным Приамурским правительством С. Д. Меркулова и сменившим его правительством Приамурского земского края во главе с М. К. Дитерихсом, а также группами сибирских «областников»¹. Эти ма-

¹ Подробнее: Подалко П. Э. Япония в судьбах россиян. Очерки истории царской дипломатии и российской диаспоры в Японии. М., 2004. Гл. 4. «Посольство без правительства» (1918–1924).

териалы частично не сохранились, частично рассеялись по российским и зарубежным архивам, поэтому их розыск остается задачей дальнейших исследований. Дипломатические документы «красных» режимов, прежде всего Дальневосточной республики (ДВР), сохранились лучше и заслуживают изучения. Однако можно предположить, что в эти годы ни «белым», ни «красным» не было дела до Тайваня.

1

В условиях отсутствия дипломатических отношений с Японией до января 1925 г. и нерегулярного получения Москвой даже вторичной информации о положении дел в Японии и, тем более, в ее колониях основным источником сведений о Тайване стали коминтерновские каналы. С начала 1920-х гг. Коминтерн, используя территорию ДВР, пытался развернуть пропагандистскую и организаторскую деятельность на территории Китая и Кореи (в то время японская колония и один из источников информации о Японии).

«Первые контакты Коминтерна и тайваньской оппозиции налаживаются вскоре после того, как начинается деятельность Коминтерна на Дальнем Востоке», — отмечают К. М. Тертицкий и А. Э. Белогурова, авторы книги «Тайваньское коммунистическое движение и Коминтерн (1924–1932 гг.)»², впервые открывшей российскому читателю мир тайваньских коммунистов. В 1920–1921 гг. группа работников Коминтерна во главе с Г. Н. Войтинским находилась в Пекине и Шанхае для координации работы китайских коммунистов. В 1921 г. в Шанхае находились представители тайваньского антияпонского движения, контактировавшие с китайскими коммунистами и посещавшие советское консульство. В конце того же года в системе Исполнительного комитета Коммунистического интернационала (ИККИ) создаются Дальневосточный секретариат (в Иркутске), затем Восточный сектор и Восточный отдел (в Москве) во главе с К. Б. Радеком

² Тертицкий К. М., Белогурова А. Э. Тайваньское коммунистическое движение и Коминтерн (1924–1932 гг.). Исследование. Документы. М., 2005. Далее: Тертицкий — Белогурова, с указанием страницы.

и Г. Н. Войтинским. Одна из его секций занималась коммунистическим движением в Японской империи, включая Тайвань.

Наиболее ранний выявленный историками коминтерновский документ, посвященный специально Тайваню, датирован 1 августа 1923 г.: это анонимная справка «Формоза или Тайван», представленная Г. Н. Войтинскому. В более ранних документах Коминтерна Тайвань фигурирует лишь в перечне японских колоний и никак не выделен особо, в отличие от Кореи, которую «генеральный штаб мировой революции» считал перспективным направлением работы. В проекте программы Коммунистической партии Японии (КПЯ), разработанной летом 1922 г. Японским комитетом Программной комиссии Коминтерна во главе с Н. И. Бухариным, среди требований партии фигурирует «Увод войск из Кореи, Китая, Формозы и Сахалина»³. Представленная Войтинскому справка содержит информацию об острове, взятую из открытых источников (в тексте содержатся указания на официальный японский ежегодник «Japan Year Book», газеты «Иомиури» и «Токио нити-нити», а также на «сведения американского консула в Тайхоку») и сгруппированную по разделам: «Общие сведения» («Географическое положение», «Население», «История»), «Экономическая жизнь» («Земледелие», «Горные богатства Формозы», «Пути сообщения», «Монополии», «Торговля и бюджет») и «Управление Тайваном» (в редких случаях, когда в описываемый период использовалось это название, оно писалось без мягкого знака)⁴. Сообщаемые в записке статистические данные соседствуют с антияпонскими выпадами пропагандистского характера, что характерно для коминтерновской аналитики, даже предназначенной для служебного пользования, а не для публикации:

«Японские колонизаторы ознаменовали начало своего господства невероятными жестокостями, взяточничеством, распутством, всевозможными беззакониями, пьянством и другими художествами, о которых громко с возмущением кричала даже всепрощающая японская пресса. <...> Управление Тайваном яв-

³ ВКП(б), Коминтерн и Япония. 1917–1941. М., 2000. С. 287. Без упоминания Сахалина повторено в утвержденном Политсекретариатом ИККИ 29 января 1930 г. документе «К предстоящим выборам в Японии»: Там же. С. 495.

⁴ Тертицкий — Белогурова. С. 258–265.

ляется скверной пародией системы управления в коренной Японии, с ее «самоуправлением», еще менее прогрессивным, чем царское земство. <...> Господствующий там режим еще хуже, чем в Корее».

Реакция Войтинского и, тем более, вышестоящего руководства ИККИ на этот документ нам неизвестна, но он вполне мог создать у них впечатление о наличии на острове если не «революционной ситуации», то предпосылок к разворачиванию антиколониальной и коммунистической деятельности. Перед Коминтерном встал вопрос, как организовать коммунистическое движение на Тайване: через китайскую компартию, на которую ориентировалась часть антияпонски настроенных тайваньских левых, через японскую компартию или создать отдельную партию, что уже практиковалось в некоторых колониях (например, в Голландской Индии).

Первым тайваньским коммунистом, который приехал в СССР и мог сообщить сведения о положении на острове «из первых рук», был Сюй Най-чан, отправленный в 1924 г. на учебу в московский Коммунистический университет трудящихся Востока (КУТВ). В 1923 г. он участвовал в создании в Шанхае общества «Пиншэ» («Равенство»), объединившего левую тайваньскую, китайскую и корейскую молодежь. 27 октября 1924 г. Сюй Най-чан подготовил «Доклад о ситуации на Тайване», который помимо разделов о географическом положении, населении, экономической и политической ситуации содержал «сведения о марксистских и иных левых организациях, существовавших на Тайване и среди тайваньцев, живших тогда в Шанхае и в Японии». Передав Коминтерну «краткие сведения о тайваньцах, которых он рассматривал как коммунистов», докладчик «отмечал, что коммунистическое движение на Тайване находится на начальном этапе своего развития <...> и выразил надежду на то, что КПЯ и Коминтерн в дальнейшем будут оказывать поддержку и осуществлять руководство тайваньским коммунистическим движением». По мнению исследователей, доклад «очевидно, был для Коминтерна первым источником сведений о левом движении на Тайване» и содержал «данные, позволявшие сделать вывод о возможности ведения революционной работы на тайваньском направлении»⁵.

⁵ Тертицкий — Белогурова. С. 44–45.

По совету Сюй Най-чана или независимо от него Коминтерн решил начать работу по созданию Коммунистической партии Тайваня и возложить техническое руководство этим на КПЯ, поскольку японским коммунистам было проще попасть на остров. Японская компартия в тот момент сама переживала тяжелый организационный кризис из-за несанкционированного Москвой решения ее руководства о самороспуске весной 1924 г., но ИККИ был полон решимости восстановить партию, даже если бы новое руководство находилось за пределами страны. Ставка делалась на Шанхай, где были советские представители и тайваньская диаспора. «Я предполагаю побывать на Формозе для встречи с некоторыми находящимися там революционерами, — сообщил 10 апреля 1925 г. из Шанхая в Восточный отдел ИККИ один из лидеров японских коммунистов Сано Гаку. — Я организовал встречу при содействии пребывающего в Шанхае революционера с Формозы»⁶. Контакты с тайваньскими коммунистами и левыми шли также через Коммунистическую партию Китая (КПК) и ее тогдашнего союзника — Гоминьдан.

Подписание 20 января 1925 г. в Пекине Конвенции об основных принципах взаимоотношений между СССР и Японией (ее обычно называют «Базовой» или «Пекинской») и установление дипломатических отношений мало повлияло на ситуацию с поступлением в Москву информации о Тайване, поскольку вопрос об открытии там какого-либо советского представительства или учреждения не ставился. Однако в декабре того же года на учебу в КУТВ — по линии КПК, а не КПЯ — прибыли двое тайваньских членов Гоминьдана, включая будущего активиста коммунистического движения на острове Се Сюэ-хун. Насколько они служили «источником информации», сказать трудно из-за отсутствия достоверных сведений, тем более что их культурный и образовательный уровень, по воспоминаниям самой Се Сюэ-хун, в то время был невелик⁷. Руководство КУТВ рассматривало студентов как будущих партийных работников и поэтому стремились обучать их, а не учиться у них.

⁶ ВКП(б), Коминтерн и Япония. С. 344–345.

⁷ Тертицкий — Белогурова. С. 46–49.

Одна из первых в советской печати статей о Тайване, появившаяся в 1927 г. в журнале «Международное рабочее движение» под красноречивым заголовком «Сахарные плантации обгарены кровью крестьян»⁸ (о подавлении волнений в провинции Тайтю осенью 1926 г.), открывалась признанием: «До нас очень редко доходят сведения о Формозе и о положении угнетенных и эксплуатируемых туземцев этой колонии». «Это происходит не потому, — говорилось далее в этой анонимной публикации, — что в колонии всё тихо и мирно и туземное население благоденствует, а исключительно по той причине, что колониальное правительство Формозы принимает все меры к тому, чтобы не дать миру услышать стоны этого островного народа. Однако время от времени мы получаем отрывочные сведения, которые дают нам некоторое представление о существующих на Формозе порядках». Далее шла «глухая» ссылка на газету «Proletarian News», что не позволяет судить о первичном источнике информации. Сведений о готовящемся создании тайваньской компартии в советской открытой печати не появлялось.

Во второй половине 1920-х гг. советско-японские отношения развивались в двух, как будто не пересекающихся плоскостях: официальной и неофициальной, даже конспиративной. С одной стороны, в Японии (а также в Корее и на Южном Сахалине) действовали советские дипломатические и торговые учреждения, велась дипломатическая и консульская работа, совершались торговые сделки, готовилось заключение новой рыболовной конвенции, шли (правда, без особого успеха) переговоры о торговом договоре и политическом соглашении, в Японию приезжали советские ученые, писатели, артисты. С другой стороны, Коминтерн под «крышей» полпредства и торгпредства в Токио и консульств на местах вел разведывательную и агитационно-пропагандистскую работу, материально поддерживал коммунистов и левые профсоюзы, вынашивал план создания легальной прокоммунистической партии в дополнение к восстановленной в 1925 г. нелегальной КПЯ. Эта деятельность прямо нарушала статью 5 Пекинской конвенции, по которой СССР и Япония взаимно гарантировали уваже-

⁸ Формоза. Сахарные плантации обгарены кровью крестьян // Международное рабочее движение. 1926. № 5. С. 13–14.

ние «несомненного права каждого государства устраивать свою собственную жизнь в пределах своей же юрисдикции по собственному желанию» и недопущение на своей территории деятельности лиц или организаций, представляющих угрозу для другой стороны, а также неучастие в такой деятельности «всех лиц на их правительственной службе и всех организаций, получающих от них (властей. — *В. М.*) какую-либо финансовую помощь». На этом настаивали японцы, чтобы иметь формальный повод жаловаться на деятельность Коминтерна и уличать большевиков в невыполнении взятых на себя обязательств. Однако в опубликованных коминтерновских документах указанного периода по Японии, включая донесения и письма японских коммунистов и представителя Коминтерна в Токио К. Э. Янсона, не содержится никаких значимых упоминаний о Тайване. Даже в «Тезисах ИККИ о Японии» (15 июля 1927 г.) он упоминался только в числе прочих японских колоний⁹, а в большинстве программных документов не фигурировал вовсе.

Позицию открытой советской печати (ряд коминтерновских изданий отсутствовал в свободном доступе) в отношении Японии можно оценить как промежуточную. Она старалась — хотя далеко не всегда — соблюдать приличия в отношении японской монархии и правительства и воздерживалась от прямых «призывов к свержению существующего строя», что могло стать основанием для официальных протестов или, много хуже, экономических санкций. В то же время ее главными темами были тяжелое экономическое положение японского пролетариата и крестьянства и их борьба за свои права в условиях жесткой эксплуатации и полицейского гнета. О коммунистическом движении писали сравнительно немного, умалчивая о потрясавших его идейных и организационных расколах и, тем более, о том, как Москва стремилась руководить им и жестко контролировать его. Сказанное верно и в отношении того, что писалось о Тайване.

Академическое изучение экономических, политических и социальных проблем Тайваня началось в России только после революции и потому с самого начала имело марксистский характер.

⁹ ВКП(б), Коминтерн и Япония. С. 450–461. В этом издании они впервые опубликованы на русском языке (официальным текстом считался английский).

Дореволюционные ученые предпочитали иную проблематику, а публикации по указанному кругу вопросов имели обзорный или справочный характер. Это отражало общую ситуацию в российском востоковедении 1920-х гг., где, как и во всех гуманитарных науках, шла борьба «старого» и «нового», причем речь не о борьбе идеологии с наукой, но о борьбе направлений и стратегий внутри науки.

«В Петрограде была сосредоточена элита классического, т. н. “старого” востоковедения, много повидавшая и испытывавшая в первые послереволюционные годы. Она претендовала на монопольное право определять предмет и структуру востоковедения а также систему управления им, стремясь свести роль государства в этом процессе к минимуму. Параллельно “старому” востоковедению, главным образом в Москве, формировалась школа “нового” востоковедения, основывающегося на марксистской методологии, обращенного, в основном, к современному Востоку, к проблеме национально-освободительного движения и тесно связанного с политическими интересами государственной власти. Наиболее консервативными представителями “старых” востоковедов “новое” считалось чем угодно, только не востоковедением. Растущее противостояние двух лагерей в отечественной науке о Востоке вело к формированию клановых мышления и этики»¹⁰.

Изучение Тайваня стало практически монополией «нового» востоковедения, поэтому неудивительно, что одной из первых научных работ советского времени была статья «К аграрному вопросу на Формозе»¹¹. Ее написал профессор Московского института востоковедения (МИВ) и сотрудник Международного аграрного института, японовед-экономист Олег Викторович Плетнер (1893–1929), оставивший также работы по японскому языку; ввиду совпадения инициалов его иногда путают со старшим братом, филологом Орестом Плетнером, с 1917 г. жившим в Японии.

¹⁰ Тамазишвили А. О. Николай Конрад: обращение к будущему? // Российские востоковеды. Страницы памяти. М., 1998. С. 74–75.

¹¹ Плетнер О. К аграрному вопросу на Формозе // На аграрном фронте. 1927. № 5. С. 75–84. См. также краткий раздел о Тайване в книге: Плетнер О. В. Япония. Краткий справочник. М.-Л., 1925. С. 157–160.

«О том, что работы Плетнера и его коллег не были только академическими изысканиями, свидетельствует тот факт, что предыдущую работу “Япония. Политические очерки”, опубликованную в 1924 г., О. Плетнер подготовил по заказу Разведывательного управления Штаба РККА»¹².

Статья содержала обширные статистические данные (из японских источников) об экономике колонии и признавала достигнутый там «чрезвычайный подъем хозяйства» и «значительный рост промышленности», констатируя при этом, что «Формоза является страной по преимуществу аграрной». Анализируя эти данные, Плетнер сделал следующие выводы: «Японские источники указывают на то, что с приходом японцев земледелие на острове значительно поднялось. Это утверждение не вполне точно. Общая продукция земледелия поднялась, но этот подъем шел главным образом за счет тех отраслей, которыми занялись сами японцы; что же касается отраслей, которыми занимаются туземцы, то они в большинстве случаев за время японского господства значительно упали. <...> Когда японцы, указывая на рост сельскохозяйственной продукции, поют дифирамбы своим культуртрегерским способностям и говорят, что они благодетельствовали формозское население — то этим заявлениям не приходится верить, т.к. все увеличение продукции сельского хозяйства получают не формозцы, а японцы. <...> Население Формозы, в большей своей части крестьянское, терпит двойной гнет. Оно подвергается не только обычному воздействию капитализма, разоряющего широкие крестьянские массы, но связанному с последним тягчайшему иноземному гнету (одно из главных теоретических положений Коминтерна по колониальному вопросу. — В. М.). Роль туземного капитала в порабощении масс ничтожна. Формоза отдана на эксплуатацию японским концернам, и эксплуатация эта ведется почти без всяких прикрытий». Заметим, что с выводом о неравном экономическом положении японцев и тайваньцев в то время едва ли бы стал спорить и японский автор.

Плетнер особо отметил, что в отношении «внеэкономического воздействия на хозяйственные отношения» Япония «не отстает от других стран, а пожалуй, даже идет впереди их. <...> Крестьян

¹² Тертицкий — Белогурова. С. 139.

пролетаризируют одним росчерком пера и их же заставляют работать на отобранных у них землях путем “внеэкономического воздействия”. Все эти воздействия применяются, конечно, исключительно к туземцам. Японцы, которые на мировых конференциях так борются против пресловутой “Race discrimination” (расовой дискриминации. — В.М.), в своих колониях являются ярыми сторонниками этого принципа».

В этой аналитической работе есть и сугубо публицистические пассажи о том, что «Формоза — остров многострадальный» (первая фраза статьи), что «для японцев строятся школы, для формозцев предпочитают строить тюрьмы», а «часть формозских жителей японцами вообще не считаются людьми». Упомянув «сахарный бунт» 1926 г., автор сделал вывод, которого требовали «законы жанра»: «На Формозе, как и в Корее, в ближайшее время должно развиваться серьезное крестьянское движение».

С историографической точки зрения интерес представляет следующее полемическое примечание Плетнера: «К сожалению, среди авторов, печатающих о Японии в СССР, есть такие, которые еще не вполне осознали «культуртрегеровскую» роль японцев в колониях. Г. Юркевич в своей книге «Современная Япония» утверждает, что «их (формозцев) неприглядные обычаи, как-то: бинтование ног у женщин и курение опиума, постепенно начинают исчезать, заметно уступая местному стремлению к ассимиляции с японцами». Автор сих наивных строк незаметно для себя обращается в апологета японского империализма; он не желает верить «басням» о том, что Япония приучает к наркотикам население, поощряя курение опиума, он твердо убежден, что формозцы стремятся как можно скорее слиться с японцами и т. п.

Обратимся к книге, вызвавшей суровую отповедь Плетнера, который в пылу полемики не стеснялся в выражениях и не останавливался перед политическими обвинениями в адрес коллег. Она озаглавлена «Современная Япония. Экономико-географический обзор по современным японским источникам» (выделено нами. — В.М.) и принадлежит перу Трофима Степановича Юркевича (1891–1938) (Плетнер или журнал ошиблись в первом инициале). Биография этого сына сахалинского каторжанина, похожая на авантюрный роман, изложена в статье А.Е. Кулано-

ва¹³. Воспитанник Токийской духовной семинарии, выпускник Иркутской духовной семинарии и Восточного института, казачий сотник, колчаковский офицер, переводчик в японском штабе и одновременно большевистский разведчик, Юркевич с начала 1920-х гг. совмещал работу «по линии Разведупра» (Разведывательного управления РККА) с научной и преподавательской. Отлично владевший японским языком, имевший доступ к информации и умевший анализировать ее, он был квалифицированным японистом, не злоупотреблявшим идеологической «начинкой» в своих работах. Неудивительно, что в 1938 г. Юркевич был арестован как «японский шпион», осужден и расстрелян, а через 20 лет реабилитирован.

В полном соответствии с заглавием книга является кратким, насыщенным фактическими данными и почти лишенным оценок обзором. Работая во Владивостоке, Юркевич имел большой доступ к новейшим японским публикациям, чем его коллеги в Москве и Ленинграде — напомним, что его книга вышла в год установления дипломатических отношений между СССР и Японией. Раздел о Тайване¹⁴ впервые в литературе советского времени дал описание географических характеристик, природных богатств, флоры и фауны острова и привел статистические данные о его экономике и хозяйстве. Не бывавший на Тайване и пользовавшийся информацией из печатных источников, Юркевич особо отметил, что «японскими властями принимаются все меры к улучшению жилищных условий и предотвращению эпидемических заболеваний», в результате чего «число эпидемий значительно сократилось, непрекращавшаяся ранее чума почти совершенно локализована, и только в некоторых местах продолжает держаться еще малярия».

Нехарактерной для советских изданий является данная им оценка — повторим, основанная на японских источниках, — режима колониального управления Тайванем: «Ввиду близости Формозского района к китайской провинции Фуцзянь (Фуцзянь. —

¹³ Куланов А. Е. Трофим Юркевич — агент «Р» // Япония наших дней. 2012. № 4 (14). М., 2013. С. 103–128.

¹⁴ Юркевич Т. С. Современная Япония. Экономико-географический обзор по современным японским источникам. Владивосток, 1925. С. 116–125.

В. М.) и подавляющей массы его населения не японского происхождения, в некоторой части даже враждебного Японии, японцы вполне справедливо называют о. Формозу южным преддверием Японии. Сообразно с этим и способ управления краем отличается сравнительной суровостью, выражающейся в применении к непокорным действиям сначала оружием, а потом просвещением». Последняя фраза действительно выглядит как перевод из официального японского издания, но Плетнер к ней не придрался.

Следует добавить, что 24 июня 1927 г. Плетнер опубликовал в «Правде» разгромную рецензию на новую книгу Бориса Андреевича Пильняка (Вогау; 1894–1937) — первого известного советского писателя, посетившего Японию, — «Корни японского солнца»: «Настоящей живой и реальной Японии он не увидел. Всё неверно, всё фальшиво в этой книге. Хуже того. Он видит Японию через ложные очки правых японских деятелей, он пишет строчки, достойные только японского ура-патриота. <...> Мы считаем долгом обратить на это внимание “советской общественности”, предупредить ее, что эта книга не только неверная и фальшивая, но и просто вредная книга. <...> Изображено что-то фальшивое, неверное, играющее на руку японскому империализму. Советская общественность должна отказаться от согласия с таким освещением Японии». 3 июля строгому критику на тех же страницах ответил партийный функционер П. Ф. Сапожников — заместитель заведующего подотделом пропаганды Агитпропа ЦК ВКП(б): «Мне кажется суровым и неверным утверждение проф. Плетнера, что очерки Пильняка — книжка сплошь “вредная” и “играющая на руку японскому империализму”. <...> Рассуждения Пильняка по части социологии беспомощны, слабы и совершенно неверны, (но) <...> Пильняк рассказывает нам об интересе японской интеллигентной общественности к Советскому Союзу и к советской культуре. <...> Пильняк говорит об упорстве и организованной воле японского труда. <...> Пильняк далеко стоит от нашей, пролетарской общественности. Но Пильняк находится все же в пределах советской общественности, и суровая критика его произведений, бичуя его недостатки, не должна нарушать “меру”»¹⁵.

¹⁵ Полностью перепечатаны: Пильняк Б. Корни японского солнца. Савели Д. Борис Пильняк в Японии: 1926. М., 2004. С. 267–273.

На обратном пути из Японии Пильняк хотел посетить Тайвань, о чем в конце мая 1926 г. появились сообщения в японских газетах. 22 мая второй секретарь советского полпредства в Токио Л. И. Вольф сообщил в МИД Японии, что писатель намерен провести на Тайване пять-шесть дней, и интересовался, действительно ли для этого полученная им ранее въездная виза в Японию. Об этом была немедленно проинформирована японская полиция, однако официальный ответ МИД пришел только 19 июня, с извинением за задержку: Вольфу сообщили, что дополнительная виза не нужна, но «в силу определенных обстоятельств за Пильняком будет установлен строгий надзор в период его пребывания на острове, и японские власти при необходимости без колебаний выдворят его из страны». Советский дипломат выразил недоумение и возмущение: «Не могу удержаться от вопроса: почему вы с такой настойчивостью подчеркиваете, что власти Формозы в случае необходимости выдворят Пильняка из страны. Общеизвестно, что подобное право в применении ко всем иностранцам является элементом суверенитета любой страны. Кроме того, японская полиция уже потратила столько денег и своего драгоценного времени, надзирая за Пильняком, что всякие предупреждения касательно позиции, которую она примет в отношении Пильняка, излишни. Подобные предупреждения, при условии, что они делаются всем иностранцам, хоть и не доставляют удовольствия, но все же не содержат в себе ничего оскорбительного. Однако боюсь, что в действительности предупреждения такого рода адресуются только нашим гражданам, что крайне неприятно»¹⁶.

«Вольф мог сколько угодно возмущаться и недоумевать, — замечает впервые опубликовавшая эти документы историк Д. Савелли, — но было уже слишком поздно: он не успевал сообщить об ответе министерства Пильняку (уже покинувшему Японию и находившемуся в Китае. — В. М.). В одной из нот, на которой не значится даты обращения, он просит МИД Японии сообщить Пильняку через японское консульство в Шанхае, что его виза

¹⁶ Обе цитаты: Пильняк Б. Корни японского солнца. Савелли Д. Борис Пильняк в Японии: 1926. М., 2004. С. 225; оригиналы на английском языке хранятся в Архиве МИД Японии.

действительна и для посещения Формозы. Этот эпизод доказывает: хотя Пильняк и не был в полном смысле слова персоной нон грата, японские власти все же не собирались способствовать его возвращению»¹⁷. Хотя писатель так и не добрался до Тайваня, мы привели этот эпизод, чтобы показать, как японские власти затрудняли советским подданным посещение «образцовой колонии» даже в тех строгих рамках, в каких допускали туда европейцев и американцев. Со временем это распространилось на всех иностранцев. Как заметил десять лет спустя американский журналист У. Г. Чемберлен, «японская полиция и военные в колониях и полуколониях — на Формозе, в Корее, в Маньчжоу-го — в целом более настроены и подозрительны, чем в самой Японии»¹⁸. По мнению исследователей, повышенное внимание японских властей к внутренней и внешней безопасности своих колоний было вызвано опытом их многолетнего насильственного «замирения», начиная с Тайваня¹⁹.

2

Большая часть советских публикаций о колониальном Тайване во второй половине 1920-х гг. имела «скорее пропагандистский, чем научный характер», поскольку «основными поставщиками материалов о японских колониях — Корее и Формозе — были референты Коминтерна и Профинтерна, получавшие прессу соответствующих стран. <...> Регулярные обзоры для Профинтерна перерабатывались в статьи сотрудником Профинтерна»²⁰ Марией Ивановной Лукьяновой (1904–1977), впоследствии доктором экономических наук и заведующей отделом Японии Института востоковедения АН СССР (ныне — РАН).

¹⁷ Там же. С. 225–226.

¹⁸ William Henry Chamberlin. *Japan over Asia*. London, 1938. P. 241.

¹⁹ Harry J. Lamley. *Taiwan Under Japanese Rule, 1895–1945. The Vicissitudes of Colonialism // Taiwan. A New History*. (Ed.) Murray A. Rubinstein. Armonk, 1999. P. 212–213.

²⁰ Тодер Ф. А. История изучения Тайваня в России // *Проблемы Дальнего Востока*. 1993. № 5. С. 52.

Анонимный, но, возможно, написанный Лукьяновой обзор рабочего движения на острове²¹ констатировал, что «захват крестьянских земель под организованные капиталистами плантации вызвал наплыв массы обезземеленных крестьян в города, создавая дешевую рабочую силу» и что «с 1914 г. начинает расти довольно быстрым темпом промышленность Формозы», поэтому «в настоящее время на Формозе мы имеем довольно значительную прослойку пролетариата». Показав различие в оплате труда японцев и тайваньцев, автор пишет, что в этом «выражается эксплуататорское отношение японца-победителя к формозцу-побежденному. Капиталисты, — подчеркнул он, — обычно объясняют эту разницу большей или меньшей степенью квалификации. Перед советским читателем вряд ли стоит опровергать эту версию».

В соответствии с темой обзора автор уделит главное внимание состоянию и перспективам организации рабочего движения, отметив, что «благодаря политическому гнету вся масса рабочих на Формозе была до последнего времени совершенно неорганизованной» и что «только с 1926 г. постепенно намечаются тенденции к организации и начинают создаваться рабочие союзы». Как можно заключить из фактов и материалов, приведенных в монографии К. М. Тергицкого и А. Э. Белогуровой, это происходило по инициативе тайваньских и японских левых сил, но пока без участия Москвы и Коминтерна. «За последнее время, — отметил автор обзора, — революционные элементы японской молодежи, проникая, несмотря на все трудности, чинимые правительством, в рабочую среду, стараются вывести формозских рабочих из состояния пассивности и побудить их к активной борьбе против жестокого насилия капиталистов».

«Формозские рабочие, — говорится в заключении обзора, — еще не успели создать такие сплоченные организации, которые могли бы успешно противостоять капиталистам. Однако по сообщениям, идущим из Формозы, можно заключить, что формозский рабочий класс не застыл в неподвижности. Напротив, революционные “опасные идеи” все более и более прокладывают себе путь в его среде; и вместе с тем идет, хотя и медленно, процесс орга-

²¹ Формоза. Рабочее движение // Международное рабочее движение. 1927. № 47. С. 12–14.

низации и сплочения рабочих сил». Отметив, что «почти с самого начала своего возникновения в профдвижении Формозы обнаруживается процесс расслоения на три группы: правую, левую и центристскую», автор другого анонимного обзора в том же журнале (возможно, Лукьянова) раскрыл «установку» Профинтерна: «Задача левых элементов заключается в том, чтобы укрепить свои ряды, вырвать лучшие пролетарские элементы, группирующиеся вокруг буржуазно-националистических лидеров, из-под их влияния и развернуть борьбу за единый фронт трудящихся масс Формозы»²².

Вопрос о создании Коммунистической партии Тайваня (КПТ), обсуждавшийся в Москве как раз в 1927 г., слабо документирован. «Скорее всего, решение о создании КПТ было принято во время пребывания делегации (японских коммунистов. — В. М.) в Москве (в феврале — апреле 1927 г. — В. М.) и документально не оформлено. Возможно, что это решение было принято самой делегацией вместе с Катаяма²³, и сотрудники Коминтерна были об этом просто проинформированы устно. <...> Сано Гаку, будучи в 1928 г. в Москве <...> безуспешно пытался найти в партийном архиве документ, содержащий директиву об образовании КПТ, отданную Коминтерном КПЯ»²⁴. Программные документы для новой партии готовились японскими коммунистами и были переведены на китайский язык. Они были единогласно одобрены на учредительном съезде КПТ, проведенном 15 апреля 1928 г. на территории французской концессии в Шанхае.

«Относительно связей с компартией Японии в «организационной программе» было сказано, что КПТ создана как тайвань-

²² Формоза. Движение в пользу объединения рабочих союзов // Международное рабочее движение. 1928. № 18–19. С. 22. Почти дословно повторено в коминтерновском материале 1928 г.: «Формоза под игом японского империализма»; он же «тезисы по Формозе» (см. далее).

²³ Живший в Москве и бывший членом ИККИ, Катаяма Сэн имел репутацию патриарха японского коммунистического движения, хотя часть японских коммунистов не считала его своим представителем, критиковала за многолетний отрыв от страны и непонимание ее реалий и в 1928 г. даже предложила не переизбирать его в состав ИККИ: ВКП(б), Коминтерн и Япония. С. 469–470. За пределами «генштаба мировой революции» этот конфликт не получил огласки.

²⁴ Тертицкий — Белогурова. С. 50–51.

ское отделение КПЯ, являющейся, в свою очередь, одной из секций Коминтерна. Было также определено, что контакты тайваньских коммунистов с Коминтерном должны поддерживаться через японскую компартию, что КПТ в своих действиях основывается на политической программе Коминтерна и что КПТ подчиняется решениям ЦК КПЯ. <...> Можно сделать вывод, что тайваньское коммунистическое движение на начальном этапе развивалось как своего рода периферия китайского и японского коммунистических движений. <...> КПЯ сыграла важную роль в формировании идеологии КПТ, подготовив для нее программные документы, однако затем работой по созданию тайваньской компартии не занималась»²⁵. В резолюции ИККИ о текущих задачах КПЯ, утвержденной Политсекретариатом ИККИ 5 октября 1928 г., японским коммунистам предписывалось «расширить свою работу в целях освобождения колониальных народов, установив с ними теснейшую связь и поддерживая всемерно компартии в японских колониях (Корея и Формоза)»²⁶. Реализации этой «установки» помешала мощная волна полицейских репрессий, предпринятых на протяжении 1928–1929 гг. правительством Танака Гиити против японских коммунистов в метрополии и в колониях. 6 октября на Тайване при попытке ареста застрелился генеральный секретарь ЦК КПЯ Ваганабэ Масаносукэ, хотя его приезд туда, вероятно, не имел отношения к местным делам; во всяком случае, так проинформировали Москву его товарищи по партии²⁷.

Часть японских «левых» вне рядов КПЯ выступала за сохранение колоний в составе Японской империи, считая их наличие и эксплуатацию полезным для экономического процветания страны, что в перспективе могло бы улучшить положение японского рабочего класса и крестьянства. Многие из тех, кто придерживался интернационалистских взглядов, считал, что трудящиеся колоний, особенно Тайваня, «не созрели» для самостоятельной политической борьбы и революционной деятельности, поэтому им лучше оставаться в составе империи и вести борьбу за свои интересы и права вместе со старшими товарищами — японски-

²⁵ Тертицкий — Белогурова. С. 58, 60.

²⁶ ВКП(б), Коминтерн и Япония. С. 473.

²⁷ ВКП(б), Коминтерн и Япония. С. 480–482.

ми социалистами и профсоюзами. Коминтерн резко критиковал носителей подобных идей. В упомянутой выше резолюции ИККИ от 5 октября 1928 г. отмечалось: «К числу серьезных задач относится систематическая и неустанная агитация за право самоопределения, вплоть до отделения, для колониальных народов, борьба с шовинизмом, еще имеющим глубокие корни среди трудящихся Японии»²⁸. «Борьба за полную независимость Кореи, Формозы и Китая»²⁹ числилась среди задач японских коммунистов и в документе «К предстоящим выборам в Японии», утвержденном Политсекретариатом ИККИ 29 января 1930 г. Однако преодолеть влияние «шовинизма» в среде трудящихся Японии так и не удалось. Жесткая позиция коммунистов в вопросе о дальнейшей судьбе колоний оставалась одной из причин их непопулярности даже среди «левых» и считалась «изменнической» с точки зрения национальных интересов, что облегчило «переход» (яп. *тэнко*) многих из них на националистические позиции в середине 1930-х гг.

Проблемы колониальных и полуколониальных стран и перспективы активизации там революционной борьбы обсуждались на Шестом конгрессе Коминтерна, проходившем в Москве с 17 июля по 1 сентября 1928 г. «О Тайване на конгрессе не было сказано ни слова»³⁰, но известно, что в этот же период готовился материал «Формоза под игом японского империализма», который должен был быть одобрен японской делегацией (текст датирован 31 июля 1928 г.) в качестве «тезисов по Формозе» (очевидно, по аналогии с «Тезисами по Японии»). В нем приводились сведения об экономическом и политическом положении на Тайване, давались оценки перспектив и характера тайваньской революции и формулировались задачи тайваньского комдвижения. <...> В 1928 г. в Коминтерне считали, что предстоящая революция на Тайване будет антиимпериалистической и аграрной. В революционном движении движущими силами должны были стать про-

²⁸ ВКП(б), Коминтерн и Япония. С. 473.

²⁹ ВКП(б), Коминтерн и Япония. С. 494.

³⁰ «Причина, по которой деятельность и перспективы формозского революционного движения на конгрессе не обсуждались, неясна. Возможно, это было связано с нехваткой информации о положении дел на Тайване и с неопределенным статусом тайваньской компартии»: Тертицкий — Белогурова. С. 93.

летариат, крестьянство и мелкая буржуазия, однако участие в нем могла принять и тайваньская национальная буржуазия; в этих условиях необходимо было обеспечить гегемонию пролетариата»³¹.

Возможно, именно с этим была связана публикация в 1929 г. трех обзорных материалов о Тайване: «Современная Формоза» за подписью «Никкель» (псевдоним не раскрыт)³² и двух статей М. И. Лукьяновой — содержание и выводы которых следует сравнить с «тезисами по Формозе», не получившими, впрочем, статуса официального коминтерновского документа.

Статья «Никкель» является первой обобщающей работой о колониальном Тайване в советской открытой печати³³. Отметив, что «из всех местностей Дальнего Востока Формоза пользуется наименьшим вниманием литературы как общей, так и специальной» и что «если взять советскую востоковедную литературу, то в ней Формоза представляет собой в полном смысле слова “неисследованную землю”», автор так обозначил задачу своей работы: «Не являясь законченным описанием страны, она стремится указать наиболее важные и характерные моменты жизни этого острова». В статье нет никаких ссылок на использованную литературу, поэтому остается предположить, что она основывается на иностранных источниках, доступных автору, скорее всего, по линии Коминтерна и Профинтерна.

Статья «Никкель» отличается от других советских публикаций о Тайване академическим тоном, контрастирующим с риторикой коминтерновских и профинтерновских публикаций, и — что намного важнее — акцентированием внимания, причем на первых же страницах, на «геополитическом значении» и «роли, которую отводит Формозе в своих планах японский империализм». Эта тема приобрела актуальность и получила развитие в следующем десятилетии. Уверенно говоря о «будущем тихооке-

³¹ Тертицкий — Белогурова. С. 91–93. В 1929 г. материал планировался для помещения в журнале «Коммунистический интернационал», но был впервые опубликован фрагментарно только в наши дни: Там же С. 266–268 (английский оригинал). С. 92–93 (перевод).

³² Может ли это быть Карл Юрьевич Янель (1888–1938), военный атташе и военно-морской атташе в Токио в 1925–1926 гг.?

³³ Никкель. Современная Формоза // Мировое хозяйство и мировая политика. 1929. № 2. С. 82–89.

анском конфликте» (напомним, это вполне мирный 1929 год!), автор называет Тайвань «стратегическим пунктом первостепенной важности», одним из островов, который поможет Японии «обеспечить непрерывную и вполне безопасную связь с восточным побережьем Азиатского материка, который будет в случае войны единственным доступным для Японии источником продовольствия, топлива и сырья (в первую очередь железа)». «Важность Формозы, — говорится далее, — не исчерпывается вопросами оборонительного характера. Она является передовой линией японской экспансии на Юг. О военной экспансии Японии сейчас не приходится думать, но мысль о ней не оставлена окончательно, и при благоприятных условиях (например, в случае возобновления англо-японского союза) она может вновь всплыть на поверхность. <...> Для экономической экспансии в этом направлении Формоза является базой уже и сейчас».

Только после этого анализа автор перешел к экономическому значению Тайваня, характеристика которого показывает хорошее знание материала. Политика колониальных властей описана как направленная на японизацию местного населения и репрессивная по отношению к китайскому национальному движению. В отличие от других аналитиков, прежде всего Лукьяновой, различавших «китайцев» и «формозцев» как потомков китайских эмигрантов, «Никкель» подчеркивал связь Тайваня с Китаем³⁴. Не затрагивая вопрос о «революционной ситуации», автор ограничился замечанием, также нетипичным для советской прессы тех лет: «Что касается коммунистического движения, то никаких точных данных о нем не имеется: из опубликованных материалов Коминтерна можно лишь установить факт его существования».

Дело было не столько в конспирации, сколько в реальном отсутствии связи между Москвой и тайваньскими коммунистами, будь то через японскую или китайскую компартии. 6 ноября 1929 г. заместитель заведующего Восточным секретариатом ИККИ П.А. Миф (М.А. Фортус) писал в действовавшее в Шанхае с марта 1929 г. Дальневосточное бюро (Дальбюро) ИККИ: «По имеющимся у нас сведениям, на Формозе развивается серьезное массовое движение, причем наша партия (КПТ. — В. М.)

³⁴ Отмечено: Тертицкий — Белогурова. С. 118–119.

добилась там больших успехов как по линии крестьянского, так и профессионального движения. Формозские коммунисты были связаны до сих пор с японской партией. Связь была чрезвычайно слабая, а сейчас она вообще оборвалась. Мы рекомендовали бы вам по согласованию с ЦК Киткомпартии направить туда двух-трех китайских товарищей, достаточно опытных, знающих местные условия, с тем чтобы они оказали необходимую помощь формозским товарищам. Сообщите, удастся ли вам это осуществить. Вообще с Формозой установите более тесную связь». 30 января руководитель Дальбюро И. А. Рыльский (Я. А. Любинецкий) ответил: «Не только с Формозой, но и со всеми странами, входящими в наш территориальный район, стараемся завязать связи. Но мы лишены почти всякой возможности делать это систематически. Причины? Нет товарищей для разъездов. С помощью китайских товарищей эта работа не может быть проведена. Они охотно дают нам товарищей, и товарищи охотно едут, но результат такой, что они или не доезжают до места, возвращаемые с пути властями, или по приезде там арестовываются, как в Японии. Здесь необходимые европейские товарищи со знанием языков»³⁵. С учетом отношения японских властей на Тайване к любым иностранцам, тем более к заметным за версту «белым», совет относительно «европейских товарищей» едва ли можно признать дельным.

Первая статья Лукьяновой, опубликованная под настоящей фамилией автора, претендует на обзорный характер, но основное внимание в ней сконцентрировано на «положении пролетариата», «освободительном движении» и «рабочих организациях», что видно из общего заглавия и названий параграфов³⁶. И по содержанию, и по форме она мало чем отличается от разобранных выше публикаций, что позволяет считать и их текстами того же автора. Выводы Лукьяновой ожидаемо совпадают с коминтерновским мейнстримом. Признавая, что «распыленность пролетариата (отсутствие крупной промышленности), высокий процент женщин и детей, жестокий политический гнет военно-феодалного режима и бесчеловечная эксплуатация труда пока еще силь-

³⁵ Обе цитаты: Тертицкий — Белогурова. С. 120–121.

³⁶ Лукьянова М. Японское владычество и борьба с ним на острове Формоза // Красный интернационал профсоюзов. 1929. № 6. С. 445–449.

но затрудняют дело организации рабочих», автор отмечает у них рост «сознания необходимости сплочения и объединения своих сил» и заканчивает статью уже известным призывом: «Задача левых элементов овладеть стихийно революционизирующимися массами рабочих и крестьян, вырвать их из-под влияния националистических организаций и повести единым фронтом против японского империализма». О коммунистическом движении на острове не сказано ни слова.

Вторая статья Лукьяновой «Рабочее и национально-освободительное движение на Формозе»³⁷, подписанная «Асагири» (этим «японским» псевдонимом — с одним «с» — она пользовалась и в 1930-е гг.), фактически — местами дословно — повторяет первую, начиная с раздела «Численность и положение пролетариата на острове». Впрочем, в текстах, подписанных русской и японской фамилиями, можно отметить несколько достойных внимания различий, например: «После окончания мировой войны это положение *несколько* меняется» (Лукьянова) // «Положение после окончания мировой войны *значительно* меняется» («Асагири») (выделено нами — *В. М.*). В статье «Асагири» также содержится фраза: «Большая поддержка в этом (объединении профсоюзов в более крупные организации. — *В. М.*) была оказана представителями японского рабочего движения», — в то время как у Лукьяновой говорится только о «содействии японских товарищей».

Обобщением советских публикаций второй половины 1920-х гг. о колониальном Тайване можно считать главу «Японский империализм на Тайване» (в отличие от большинства современников, автор использовал название «Тайван») в книге «Японский империализм. Политико-экономический очерк»³⁸, вышедшей под псевдонимом «Г. Гастов». Ее автор — политический аналитик и журналист Георгий Александрович Астахов (1896/97–1942), в то время работавший заместителем редактора иностранного отдела газеты «Известия». Астахов, более всего из-

³⁷ Асагири. Рабочее и национально-освободительное движение на Формозе // Международное рабочее движение. 1929. № 34. С. 6–9.

³⁸ Гастов Г. Японский империализм. Политико-экономический очерк. М., 1930. С. 66–79.

вестный своей ролью в подготовке советско-германского сближения в 1939 г., когда он служил советником полпредства и поверенным в делах в Берлине, с марта 1925 г. по 1927 г. в ранге первого секретаря заведовал бюро печати советского полпредства в Токио. По свидетельству его сослуживца, советника полпредства и поверенного в делах, а затем «невозвращенца» Г.З. Беседовского, Астахов «очень интересовался Японией, изучил японский язык, хорошо знал внутреннюю японскую жизнь», «прекрасно знал Японию, говорил по-японски и по-английски, имел обширные знакомства в Токио»³⁹. Во время службы в Грузии, Германии и Турции в первой половине 1920-х гг. он приобрел опыт аналитической и журналистской деятельности и напечатал ряд научных и популярных работ востоковедной тематики. В 1927 г. под инициалами «Г. Г.» он опубликовал брошюру «Япония» в серии «Наши соседи» издательства «Московский рабочий», где в том числе приводились элементарные сведения о Тайване. «Японский империализм» представляет собой бойко и увлекательно написанную научно-популярную работу для широкого читателя, без указания использованных источников. В ней заметно стремление автора к живописности (например, в описании природы Тайваня или репрессий против туземцев), с которой соседствует неизбежная риторика: «На долю местного населения приходится лишь объедки японских прибылей от внешней торговли».

Однако полностью игнорировать материальный прогресс на острове автор не мог. Пользуясь, судя по всему, информацией из «вторых-третьих рук» (сведений о его пребывании на острове у нас нет), Астахов писал: «Проезжая по Тайвану, турист сначала поражается кипучей и созидательной работой империализма. Он видит вереницы опрятно отстроенных городков, с электричеством, водопроводом, больницами, его поражает снование (так. — В. М.) товарных поездов и мощных экспрессов по полям, где недавно росли непроходимые заросли бамбука, он восторженно наблюдает спирали горных узкоколеек и благоговейно изумляется при виде фабричных труб и гудков парохода. Он готов преклониться перед мощью и организаторскими талантами империализма, который создал из дикого острова культурный

³⁹ Беседовский Г. На путях к термидору. М., 1997. С. 183–184.

очаг, брызжащий искрами созидательной энергии. Но когда он присмотрится, заглянет в глубь страны, внимательно расшифрует велеречивые отчеты и статистические таблицы, он поймет наносность и мишуру этой культуры. Даже в приморской полосе все блага принадлежат только японцам. Местному населению оставлена лишь самая незначительная посредническая и рабочая роль. Дальше он увидит, что по-“культурному” причесана лишь узкая полоска земли вдоль западного берега острова. Лишь здесь, в прибрежной равнине, составляющей 1/6–1/7 всей площади острова, империализм может блеснуть мощными улицами, пышными отелями, музеями, зданиями правительственных учреждений, ботаническими садами и несколькими показательными туземными деревеньками, которые он, как Потемкин в екатерининской России, спешит демонстрировать в доказательство своей культурнической работы. Но там, чуть-чуть вглубь, на 5/6 территории, там, за завесой трудно проходимых гор и полицейских кордонов, начинается так называемая “дикая зона” — туда, как правило, не пускают туристов. Там, между высочайшими хребтами, в болотистых низинах ущелий, в зарослях тропических джунглей гнездятся голые люди. <...> Они не знают ни лечебной помощи, ни школы, ни одежды. Огнестрельное оружие заменяют им первобытные деревянные луки. Но они знают sake, табак и опиум. Эти “культурные” навыки поторопились передать им японцы. Они умирают от голода и малярии, они исподтишка вырезают неосторожно попадающих в горы японцев, кое-где не брезгуя, говорят, даже полакомится их трупами. <...> Изредка под вооруженной охраной проходят туда отряды исследователей или экскурсантов, а остальное время весь огромный, изобилующий неизведанными богатствами остров молчаливо дремлет под сенью высочайших гор. Лишь крики мартышек нарушают его тишину, да одинокие выстрелы разбросанных по нескольким тропам японских полицейских постов напоминают униженным, озлобленным голым людям лесных чащ о том, что они — рабы».

Заслуживает внимания замечание Астахова о том, что «на примере японского колонизаторства на Тайване иллюстрируются все указания тезисов ИККИ (по колониальному вопросу. — В. М.), составившихся на основании опыта различных стран, хотя последний ни разу не упоминается в тезисах». В книге

нет ни слова о революционном и, тем более, коммунистическом движении на острове, а в заключающих ее «Некоторых выводах» отмечено: «Корейцы и тайванцы слишком слабы и малочисленны, чтобы одними своими силами дать отпор чужеземному господству»⁴⁰.

3

Как уже говорилось, советскому гражданину было очень трудно попасть на Тайвань. Приезд на остров выдающегося лингвиста и этнографа Николая Александровича Невского (1892–1937) в июле 1927 г. был обусловлен тем, что он жил в Японии с 1915 г., преподавал русский и айнский язык в Осацком институте иностранных языков и до 1929 г. не имел советского паспорта; к тому же он ехал не один, а вместе с сослуживцем профессором Асаи Эрин. Целью поездки, предпринятой в каникулярное время, было изучение языка и фольклора аборигенов племени цоу. Ее результатом стала книга «Материалы по говорам языка цоу», увидевшая свет восемь лет спустя, когда ученый вернулся в СССР⁴¹, и рукописный «Словарь диалекта северных цоу», опубликованный посмертно в виде факсимиле рукописи ученого⁴². Волею судеб оказалось, что это единственная работа Невского, вышедшая при его жизни отдельным изданием.

Пребывание Невского на Тайване и значение проделанной им работы — в области как языка, так и фольклора — изучены и хорошо известны⁴³, так что прибавить к этому нечего. Приведем лишь цитату из письма выдающегося японоведа С. Г. Елисеева, который в 1936 г. писал Невскому из США, что его работа «может служить об-

⁴⁰ Гастов Г. Японский империализм. С. 140.

⁴¹ Невский Н. А. Материалы по говорам языка цоу. М.-Л., 1935 (Труды Института востоковедения. XI); факсимильное переиздание в составе книги: Невский Н. А. Материалы по говорам языка цоу. Словарь диалекта северных цоу. М., 1981. С. 15–147.

⁴² Невский Н. А. Материалы по говорам языка цоу. Словарь диалекта северных цоу. С. 151–291.

⁴³ Громковская Л. Л., Кычанов Е. И. Николай Александрович Невский. М., 1978. С. 122–132. См. также: Решетов А. М. Н. А. Невский как этнограф // Этнографическое обозрение. 1993. № 6 (о Тайване: С. 119–120).

разцом, как писать книги о говорах аборигенов», пояснив: «Переводы текстов могут служить прекрасным материалом для социологов и этнологов, которым не всегда доступны малоизвестные языки»⁴⁴.

В свете нашей темы наибольший интерес представляют критические суждения Невского о японской политике на Тайване, которые содержатся в «Предисловии», датированном «Ленинград. 1935». Автор готовил к печати свой труд в совсем иных политических условиях, нежели когда он находился на Тайване, что могло наложить отпечаток если не на содержание, то на форму и общий тон его высказываний. Невский относил цоу к племенам, «вымирающим и вырождающимся под прямым и непосредственным влиянием капиталистической цивилизации», отметив, что они «в результате административно организованного японцами обмена за бесценок отдадут результаты своего труда, получая взамен колониальную дешевку, выбрасываемую сюда японской индустрией». По его словам, «колониальная политика империалистической Японии исключает всякую возможность исторического прогресса племени, в этих условиях обреченного на неизбежное вырождение и вымирание». Характеризуя использование японской колониальной администрацией старшин кланов для подчинения цоу, Невский отметил: «Эти, вчера еще независимые, сыны природы широко эксплуатируются японской полицией (так. — В. М.) при прокладке новых путей сообщения, на заготовках строевого материала, гонке камфары и прочих работах, оплачиваемых жалкими грошами, но обеспечивающих завоевателям огромные колониальные сверхприбыли. И здесь, в этом деле порабощения племени, японскому империализму не в малой степени помогают сами старшины кланов»⁴⁵.

Невский изучал жизнь и быт различных народов в составе Японской империи и мог искренне критиковать политику японизации аборигенов, однако не в этом видел свою цель. В том же предисловии, после приведенных выше фраз, как будто взятых из коминтерновского журнала или агитпроповской брошюры, следует короткий поэтический рассказ о путешествии в деревню

⁴⁴ Цит. по: Громковская Л. Л., Кычанов Е. И. Николай Александрович Невский. С. 129.

⁴⁵ Невский Н. А. Материалы по говорам языка цоу. С. 4–7 (изд. 1935 г.).

аборигенов (по специальному разрешению генерал-губернаторства). Поэтичной получилась даже концовка предисловия к сугубо академической работе, вышедшей в издательстве АН СССР: «Выпускаемая ныне в свет первая часть работы “Материалы по говорам цоу” является результатом моих исследований этого весьма интересного языка, покоящихся главным образом на материалах, данных мне моим учителем Вонгы (абориген, знавший японский язык и обучавший ему местную молодежь. — В. М.) и проработанных первоначально с ним вместе в горах Формозы под непрерывный шум дождя сырого горного сезона»⁴⁶.

В иной тональности выдержаны опубликованные в 1930 г. впечатления академика Николая Ивановича Вавилова (1887–1940), который осенью 1929 г. побывал в командировке в Японии, Корее и на Тайване⁴⁷. Его интересовали не социальные и, тем более, не политические вопросы, но растительный мир посещаемых стран, состояние сельского хозяйства и растениеводства и научной работы в данной области. Именитому советскому гостю оказывалось всяческое содействие, в том числе при посещении Тайваня: «Был разработан маршрут по всему острову — и вглубь, и на самый юг. Власти предоставили в наше распоряжение средства сообщения, были даны телеграфные указания о встречах и ночлегах. В маршрут включалось и посещение горных районов, заселенных малайскими племенами, наиболее воинственными жителями острова, так называемыми “охотниками за черепами”. <...> Короткий визит на Тайвань оказался чрезвычайно продуктивным»⁴⁸.

Ученый высоко оценил развитие японской науки в своей области и ее связь с практикой, в том числе на Тайване. «Совсем недавно возникший (в 1928 г. — В. М.) Формозский университет в Тайхоку имеет уже библиотеку в 400 000 томов, а по разделу садоводства это, вероятно, одна из самых лучших библиотек в мире. <...> На одной Формозе имеется до 300 агрономов с выс-

⁴⁶ Там же. С. 8.

⁴⁷ Вавилов Н. И., Акад. Наука в Японии. (Из впечатлений поездки в Японию, Корею и Формозу осенью 1929 г.) // Природа. 1930. № 4. С. 355–378. Частично вошло в главу «Путешествие в Японию» незавершенной книги «Пять континентов»: Вавилов Н. И. Пять континентов. С. 81–98.

⁴⁸ Путешествие на Тайвань // Вавилов Н. И. Пять континентов. С. 99–101.

шим образованием. <...> Маленькая Формоза имеет до 25 опытных учреждений, многие из которых уже насчитывают до 20 лет существования. <...> Центральная опытная станция Формозы в Тайхоку — целый институт с первоклассными лабораториями по энтомологии, фитопатологии, агрономической химии. <...> На Формозе, помимо имперской станции в Тайхоку, имеется ряд крупных районных станций по чайному делу, по сахарному тростнику, по плодоводству и около 20 станций мелкорайонных. <...> С удивлением осматривали мы на Формозе маленькую станцию по сахарному тростнику с библиотекой в 20 000 томов по сахарным растениям и смежным областям. <...> Опытные учреждения по чайному делу Формозы скопили весьма ценный опыт по многим вопросам чайной культуры». Со страниц одного из ведущих научных журналов страны Вавилов призвал изучать и использовать японский опыт, «незамедлительно озаботиться подготовкой значительных кадров лиц, знающих хорошо японский язык, для перевода на русский язык важнейших научных исследований с японского языка» и «ввести в систему» научные командировки в Японию отечественных специалистов. К сожалению, известные политические причины и идеологические соображения советского руководства помешали осуществлению этих рекомендаций.

К данной категории следует отнести статью Веры Дмитриевны Позднеевой (в замужестве Плотникова; 1906–1943), дочери видного востоковеда Д. М. Позднеева, посещавшего «прекрасный остров» до революции⁴⁹. На Тайване она не была, но весной 1929 г., будучи аспиранткой Ленинградского Восточного института, находилась в научной командировке в Японии и посетила проходившую в столице большую Тайваньскую выставку (в зале для турниров по борьбе сумо Рикигиган, в районе Рёгоку). Увиденное заинтересовало молодого ученого и побудило ее заняться сбором материалов о Тайване, которые легли в основу отдельной статьи в «беспартийных» «Известиях Русского географического общества»⁵⁰.

⁴⁹ О ней: Лещенко Н. Ф. Дочь опального профессора (В. Д. Плотникова) // Российские востоковеды. Страницы памяти. М., 1998. С. 117–124.

⁵⁰ Позднеева В. Остров Формоза или Тайван // Известия Русского географического общества. Т. LXI. Вып. II. Л., 1929. С. 339–360; резюме на английском языке.

Начинающаяся словами о том, что «на о. Формозу нужно смотреть как на один из самых интересных уголков земного шара для исследователя-марксиста», статья признавала, что «японский промышленный, а потом и финансовый капитал наложил на Тайван⁵¹ свою тяжелую руку, и эксплуатация острова приняла огромные размеры», однако дальнейшее изложение и выводы автора заметно отличались от коминтерновских и профинтерновских публикаций. Отметив, что «в нашей советской литературе Формозе отводится доселе очень незначительное место», Позднеева предварила рассказ о выставке «Кратким описанием Тайвана» (по японским источникам), в котором главное внимание уделила экономической географии. Вторая часть статьи содержит подробное описание выставки с пояснением: «Для нас все это совершенно ново, так как южный остров Японии очень мало известен в СССР. Я хочу попытаться поэтому совершить с читателями путешествие по Формозе, не выезжая из Токио».

«В успехах торговли, промышленности, судоходства, развития городов, благоустройства их, расцвете электрификации производства и всей капиталистической культуры Японии на Формозе сомневаться не приходится, — констатировала Позднеева. — <...> Выставка иллюстрирует нам самые блестящие успехи японского управления в плоскости экономического завоевания острова японским капиталом. <...> При японских капиталах и китайском труде превращение Формозы в промышленную область совершенно возможно». При этом она — на основании увиденного и прочитанного, т. е. японских источников — отметила, что «водворение японской власти над Формозой, во-первых, происходит далеко не мирным путем, во-вторых, еще не может считаться оконченным. <...> Дикари ведут самую ожесточенную и непримиримую борьбу с японцами. <...> Антияпонские восстания всегда были подавляемы с одинаковой жестокостью». «В этой работе, — отметили К. М. Тертицкий и А. Э. Белогурова, — как ни в одном другом тексте советского периода, представлены сведения о действиях японской администрации по модернизации Тайваня; при этом автор (японоведа во втором поколении! — В. М.) не испытывает никаких иллюзий по поводу жесткости ко-

⁵¹ Автор использовала оба названия.

лониального режима. <...> Появление этого текста показывает, что среди отечественных ориенталистов 1920-х гг. были люди, способные достаточно объективно оценивать события, происходившие на Тайване. Однако в условиях того времени работа В. Позднеевой осталась не востребовавшей»⁵². В советской печати 1930-х гг. такие публикации были уже невозможны.

4

В мае 1930 г. руководство Коминтерна получило через Дальбюро информацию от тайваньских коммунистов — обстоятельный доклад приехавшего с острова Линь Жи-гао⁵³ с дополнениями работавшего в Шанхае Вэн Цзэ-шэна, через которого была передана просьба прислать в Москву сведения о положении дел⁵⁴.

В анализе политической и экономической ситуации основное внимание привычно обращалось на «белый террор»⁵⁵, ухудшение положения крестьян из-за применения к ним мер внеэкономического принуждения и рабочих — из-за «рационализации» промышленности, реакционность местной буржуазии, разобщенность и слабость профсоюзного движения. Относительно новым — в данном контексте — был тезис о «подготовке войны японским империализмом», с раздела о которой начинался доклад: «В настоящее время с неотвратимым приближением всемирной войны японский империализм всемерно готовится к новой бой-

⁵² Тертицкий — Белогурова. С. 142.

⁵³ «Никто из представителей Коминтерна, работавших в Шанхае, с Линь Жи-гао, очевидно, не встречался»: Тертицкий — Белогурова. С. 127.

⁵⁴ Впервые: Тертицкий — Белогурова. С. 276–300, 301–306 (оригиналы на английском языке), 307–331, 332–337 (переводы, сделанные в аппарате ИККИ). Далее цитируется в этом переводе.

⁵⁵ В это же время Вэн Цзэ-шэн подготовил статью «Формоза под железной пятой японского империализма» (на английском языке), в которой особое внимание уделялось отсутствию политических свобод и полицейским репрессиям на острове. Он упоминал о ее публикации в журналах «Universal» и «The World», но она пока не обнаружена. По предположению К.М. Тертицкого и А.Э. Белогуровой, статья могла появиться в одном из коминтерновских изданий с ограниченным кругом распространения; опубликованный ими английский текст под тем же заглавием (С. 269–275) из архива Коминтерна может быть ее вариантом или фрагментом.

не и прибегает к необузданному белому террору для подавления революционного движения на Формозе, которое могло бы ему помешать. Военная подготовка японского империализма выражается в сооружении радиостанций, в постройке стратегических железных дорог, в устройстве маневров, приносящих ущерб крестьянскому хозяйству, в введении военного обучения в средней и высшей школе, в пропаганде реакционно-патриотических идей в массах населения Формозы».

Не приходится сомневаться, что эти слова были прочитаны в Москве с особым вниманием, причем не только в Коминтерне. Несомненный интерес для адресатов представлял и раздел «Наличие революционной ситуации», которому предшествовала весьма пессимистическая констатация фактов: «Начиная с первой половины 1927 г. революционное движение на Формозе стало приходить в упадок и, в результате серьезных преследований со стороны японского империализма, к концу 1928 г. пришло в состояние полного застоя». Несмотря на это, Линь Жи-гао дал вполне оптимистичный прогноз: «Если белый террор японского империализма нанес революционному движению на Формозе серьезный удар, то это еще отнюдь не означает, что он с ним окончательно расправился. Дело в том, что условия существования рабоче-крестьянских масс на Формозе становятся все нестерпимее, а гнет и эксплуатация со стороны японского империализма приобретают все более нещадный характер, антиимпериалистические настроения рабоче-крестьянских масс Формозы усиливаются, и они все более революционируются. Таким образом, на Формозе налицо как объективные, так и субъективные предпосылки для возобновления подъема революционного движения».

Московским теоретикам предстояло исходить из такого описания ситуации. Видимо, этим (и последующими сообщениями Дальбюро) они руководствовались, когда внесли в проект тезисов Восточного секретариата ИККИ «Современный кризис японского капитализма и характер грядущей революции в Японии» (январь 1931 г.) фразу: «Растет революционное движение в Корее и на Формозе»⁵⁶. Новые «тезисы по Японии» Восточного секре-

⁵⁶ ВКП(б), Коминтерн и Япония. С. 504.

тариата ИККИ⁵⁷ (20 июня 1931 г.) предписывали КПЯ «повести широкую пропаганду среди рабочих Японии, терпеливо разъясняя, что без поддержки рабочим классом борьбы народов Кореи и Формозы за национальное освобождение их невозможно освобождение самого японского пролетариата» и выступать «против колониального угнетения и грабежа Кореи, Китая и Формозы, за немедленную эвакуацию японских войск из Китая, Кореи и Формозы»⁵⁸. В этой части программа принципиальных изменений не претерпела.

Деятельность КПТ, которой посвящены секретное приложение к докладу Линь Жи-гао и «дополнительные замечания» Вэн Цзэ-шэна, проанализирована в монографии К. М. Тертицкого и А. Э. Белогуровой, что позволяет не останавливаться на ней. В описываемое время КПТ не фигурировала в советской печати и занимала незначительное место в исходящих документах Коминтерна. Осенью 1930 г. программу и устав для возрожденной партии готовили не в Москве, а китайские коммунисты в Шанхае, хотя и руководствовавшиеся курсом и общими установками ИККИ. Тем временем в немногочисленных рядах⁵⁹ тайваньских коммунистов развернулась острая борьба, к которой подключилось Дальбюро во главе с П. А. Мифом. Оно приняло сторону остававшегося в Шанхае Вэн Цзэ-шэна, который, «постоянно проявляя инициативу, в этот период во многом сам определял формат своей работы в Дальбюро. <...> Все это время Вэн Цзэ-шэн оставался для Дальбюро практически единственным источником информации о Тайване. Сведения и предложения

⁵⁷ «Тезисы по Японии» 1927 г. были объявлены «ошибочными». Если отбросить схоластику, их главным недостатком было авторство Н. И. Бухарина, объявленного «правым уклонистом». Позднее тезисы 1927 г. входили в идеологический канон КПЯ и положительно оценивались в СССР, но без упоминания их основного автора: Коваленко И. И. Очерки истории коммунистического движения в Японии. М., 1979. Гл. 7. О тайваньском направлении деятельности КПЯ в этой книге не упоминается.

⁵⁸ ВКП(б), Коминтерн и Япония. С. 520, 523.

⁵⁹ «Формально партия в настоящее время насчитывает 20 членов, но значительная их часть, примерно половина, в лучшем случае хвостисты», — записала сотрудница Дальбюро Л. Г. Волынская слова Вэн Цзэ-шэна (26 ноября 1930 г.): Тертицкий — Белогурова. С. 380.

Вэн Цзэ-шэна ложатся в основу документов, посылаемых представителями Коминтерна в Москву, директивного «Письма формозским коммунистам»⁶⁰, направленного на Тайвань в марте 1931 г., и действий Коминтерна на тайваньском направлении в целом. <...> Независимых источников информации на Тайване и своих конкретных планов в связи с работой там у Дальбюро не было»⁶¹.

При оценке поступавшей в Москву информации надо иметь в виду, что «достоверность сообщавшихся Вэн Цзэ-шэном сведений требует дополнительного изучения, хотя даже первоначальный анализ части содержащейся там информации заставляет усомниться в добросовестности автора докладов»⁶². При этом «независимых источников информации на Тайване» в Советском Союзе не было больше ни у кого, не исключая и разведку.

Это стало очевидным во время событий, ненадолго сделавших Тайвань ньюсмейкером если не мирового, то регионального масштаба. Речь идет об «инциденте в Ушэ» (яп. *Муся дзыхэн*) в октябре 1930 г. — кровопролитном конфликте в провинции Тайтю между аборигенами племени атаял и японской полицией. Начавшийся с бытовой ссоры между офицером полиции и тамадой на свадебной церемонии аборигенов, «инцидент» перерос в кровопролитное антияпонское восстание, которое было жестоко подавлено полицией и армией с применением авиации, слезоточивого газа и отравляющих веществ. Японские власти препятствовали проникновению информации о подобных событиях в прессу, особенно с учетом того, что район Ушэ считался образцовым в плане политики по отношению к национальным меньшинствам.

Статьи об этих событиях в московской прессе свидетельствуют о недостатке у авторов фактической информации о происходящем, поэтому большую часть текста составляет пересказ общих сведений о ситуации на острове и о жестокой эксплуатации мест-

⁶⁰ Написано Дальбюро, при участии Ван Цзэ-шэна и с использованием его материалов, от имени Восточного секретариата ИККИ.

⁶¹ Тертицкий — Белогурова. С. 155–159.

⁶² Тертицкий — Белогурова. С. 189.

ного населения⁶³. В восстании приняли участие 1500 человек, которые в одном из сообщений ТАСС превратились в 15 000, но журнал «Мировое сельское хозяйство и крестьянское движение» пояснил, что это ошибка. Не упоминая о конфликте, с которого начался «инцидент», Лукьянова назвала причинами восстания «издевательства японских лесопромышленников, отказавшихся уплатить им (аборигенам. — В. М.) за порубку и перевозку леса», и то, что «под предлогом постройки электростанции в Дзицугеттан их заставили освободить площадь и идти на все четыре стороны». Можно предположить, что, помимо сообщений японской печати, источником этих сведений послужил первый раздел доклада Вэн Цзэ-шэна от 13 января 1931 г., дополненный сообщениями о других выступлениях «революционных аборигенов» в докладах от 4 и 10 мая 1931 г.⁶⁴ Со ссылкой на «человека, который поддерживает регулярную связь с ЦК Формозской партии», он назвал причинами недовольства «снижение зарплаты, принудительный труд и то, что японское правительство заставляет аборигенов покидать нынешнее место жительства», а также политику японцев в Хуаляне, заставлявших местных жителей выращивать для них сахарный тростник. Вэн Цзэ-шэн сообщил, что «японские империалисты подавили выступление с особой жестокостью», используя «докрасна раскаленные наручники, которыми сковывали арестованных аборигенов перед тем как расстрелять их». Это в московскую прессу не попало, хотя в ней говорилось, что «в разгроме мятежников принимали участие 3–4 роты солдат, не считая полицейских, аэропланов, бомбометов и горной артиллерии». «Военная мощь Японии, — саркастически заключила Лукьянова, — достаточно велика для того, чтобы справиться с кучкой “дикарей”, посмевших напомнить им о своих правах».

Формозские коммунисты попытались использовать восстание — к которому не имели никакого отношения — для пропагандистской кампании и привлечения внимания к своей деятель-

⁶³ Лукьянова М. Восстание на Формозе // Международное рабочее движение. 1931. № 1. С. 16–18; Восстание на Формозе // Мировое сельское хозяйство и крестьянское движение. 1931. № 1. С. 20–21; Петровский В. Восстание «дикарей» на Формозе // Проектор. 1930. № 34. С. 22–24.

⁶⁴ Впервые: Тертицкий — Белогурова. С. 400–401, 559–561, 565–566 (оригиналы на английском языке).

ности. Они подготовили открытое письмо ЦК КПТ «к мировому пролетариату и угнетенным народам в поддержку восстания аборигенов на Формозе» (21 ноября 1930 г.) с призывом «Да здравствует вооруженное восстание наших революционных братьев-аборигенов»⁶⁵, которое, видимо, так и не было опубликовано. Вэн Цзэ-шэн в упомянутом докладе признал неудачу задуманной кампании, сославшись на цензурный гнет.

Заслуживают внимания оценки восстания в советской прессе. По мнению анонимного автора журнала «Мировое сельское хозяйство и крестьянское движение», «стихийные попытки сбросить владычество японского империализма, типа настоящего восстания, заранее обречены на неудачу». Заключительная часть статьи Лукьяновой прямо перекликается с коминтерновскими документами: «Пролетарии Японии должны понять, что в своей борьбе против японской буржуазии они тем сильнее, чем теснее увяжут свои силы с нарастающим революционным подъемом японских колоний. Объединившись с революционными крестьянскими массами Кореи и Формозы против общего врага, они наилучшим образом обеспечат себе победу. Формозское восстание не должно пройти мимо японского пролетариата, который должен внимательно изучить создавшееся положение и четко вывить свое отношение к этому вопросу».

Возможно, выступление тайваньских аборигенов привлекло бы большее внимание, но его полностью заслонили последующие события. Новый 1931 г. ознаменовался волной арестов китайских коммунистов, включая членов КПТ, что вынудило Дальбюро свернуть работу в Шанхае и отправить домой большую часть сотрудников во главе с Мифом. Начатое в октябре 1931 г. следствие по делу тайваньских коммунистов и их «попутчиков» закончилось судебным процессом в Тайбэе в июне 1934 г., на котором 45 человек (включая упоминавшихся выше Се Сюэ-хун и Линь Жи-гао) были приговорены к различным срокам тюремного заключения. В зале суда все они заявили об отказе от своих убеждений. Вэн Цзэ-шэн был арестован в марте 1933 г. в Шанхае и депортирован на Тайвань; в августе 1935 г. он был осужден на 15 лет заключения и умер в тюрьме. Это был конец тайвань-

⁶⁵ Тертицкий — Белогурова. С. 408–409 (оригинал на английском языке).

ского коммунистического движения. Подготовленные в Москве в течение 1932 г. несколько вариантов коминтерновского «Письма формозским коммунистам» ничего изменить не могли и представляют лишь академический интерес⁶⁶.

Известная под названием «Маньчжурский инцидент», оккупация Маньчжурии Квантунской армией во второй половине сентября 1931 г. заметно изменила баланс сил на Дальнем Востоке. Японская экспансия на материке перешла в активную фазу, что было закреплено созданием в 1932 г. «независимого государства» Маньчжоу-го, представлявшего собой японский протекторат. Случившееся серьезно осложнило отношения Японии с Англией и Францией как «столпами» Лиги Наций, с США, находившимися вне ее пределов, но изъявившими готовность сотрудничать с Лигой, и с гоминьдановским режимом. Советский Союз, также не входивший в Лигу Наций, в первые месяцы сохранял нейтралитет и даже предложил Японии 31 декабря 1931 г. заключить пакт о ненападении.

Коминтерн, однако, не снижал накала критики как японского империализма и колониализма, так и «социал-фашизма» и «социал-провокаторов», не желавших следовать за линией Москвы. Катаяма, выступая 29 февраля 1932 г. на заседании Политического секретариата ИККИ, заявил: «Колониальная политика японского империализма вообще чрезвычайно кровопролитна и кровавадна. Мы видим это в Корее и на Формозе. Эксплуатация колониальных народов также усиливается. Кровавая расправа над народами колоний идет по нарастающей в Корее, на Формозе и, конечно, в Маньчжурии»⁶⁷. Это отразилось и на содержании новых «тезисов по Японии», первый вариант которых был готов в июле 1931 г., т. е. до оккупации Маньчжурии. В начале марта 1932 г. Президиум ИККИ обсуждал их итоговый вариант, доработанный с учетом изменения ситуации. Применительно к нашей теме ничего принципиально нового тезисы не содержали, хотя один из лидеров японских коммунистов Носака Сандзо заметил в ходе обсуждения: «В тезисах вообще ничего не сказано

⁶⁶ Тертицкий — Белогурова. С. 231–234 (анализ), 589–600 (текст на английском языке).

⁶⁷ ВКП(б), Коминтерн и Япония. С. 533.

о взаимосвязи японской компартии с партиями Китая, Кореи и Формозы»⁶⁸. В «тезисах», ориентировавших КПЯ на революцию в Японии, фигурировал прежний лозунг «Освобождение колоний (Кореи, Маньчжурии, Формозы и др.) из-под ига японского империализма» со следующим пояснением: «Революция в Японии может необычайно облегчить и ускорить победу международной пролетарской революции и в первую очередь обеспечить победу антиимпериалистической и антифеодальной революции в соседних с Японией восточных странах (Китай, Корея, Индия, Формоза и др.)»⁶⁹.

Требование «освобождения колоний» было отвергнуто группой коммунистов во главе с Сано Гаку и Набэяма Садатика, которые, отбывая тюремное заключение, летом 1933 г. заявили о «разрыве с Коминтерном» и его «антияпонской» политикой. Сано аргументировал это следующим образом: «Мы протестуем против капиталистической эксплуатации и угнетения жителей Кореи и Формозы как против величайшей несправедливости японской нации. Мы боремся за полное равенство прав японцев, корейцев и формозцев. Однако конкретное осуществление равенства прав не означает обязательно формального отделения колоний от метрополии. <...> Общим долгом рабочих масс Японии, Кореи и Формозы является сделать государство государством для самих рабочих путем борьбы со своими эксплуататорами»⁷⁰.

5

Советско-японские отношения на межгосударственном уровне продолжали портиться на протяжении 1932 г. и перешли в открытый информационно-пропагандистский конфликт после отказа Токио от пакта о ненападении с Москвой и выхода Японии из Лиги Наций весной 1933 г. на фоне прогрессировавшего обострения ситуации на КВЖД. Не позднее 21 октября 1933 г. Сталин дал Молотову и Кагановичу указание «начать длительную

⁶⁸ ВКП(б), Коминтерн и Япония. С. 554.

⁶⁹ ВКП(б), Коминтерн и Япония. С. 566–567.

⁷⁰ Перевод, выполненный в аппарате Коминтерна: ВКП(б), Коминтерн и Япония. С. 600.

солидную (некрикливую) подготовку читателя против мерзавцев из Японии», пояснив: «Пора начать широкую, осмысленную обработку обществ(енного) мнения СССР и всех других стран насчет Японии и вообще против милитаристов Японии. Надо развернуть это дело в “Правде”, отчасти в “Известиях”. Надо использовать также ГИЗ (Государственное издательство. — В. М.) и другие издательства для издания соответствующих брошюр, книг. Надо знакомить людей не только с отрицательными, но и с положительными (ельными) сторонами быта, жизни, условий в Японии. Понятно, что *выпукло надо выставить* отрицательные, империалистические, захватнически милитаристские стороны»⁷¹.

Сказано — сделано. В течение нескольких месяцев был оперативно подготовлен и издан ряд книг о Японии (не говоря о многочисленных газетных и журнальных статьях), в которых даже материалы научного характера имели ярко выраженную политическую окраску⁷². В справочной статье о японских колониях отмечалось, что «Формоза имеет огромное стратегическое значение как передовой форпост для военной агрессии японского империализма», а аборигены «до последнего времени ведут непрерывающуюся партизанскую войну с японскими захватчиками»⁷³. Специально Тайваню в этих изданиях уделялось мало внимания, за исключением статьи Б. А. Александрова «Формоза в тисках японского империализма»⁷⁴.

Отметив, что Тайваню «уделяется чрезвычайно мало внимания как в иностранной, так и в советской литературе», автор

⁷¹ Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. М., 2001. С. 396.

⁷² Танин О., Иоган Е. (О. С. Тарханов и Е. С. Иолк). Военно-фашистское движение в Японии. М., 1933 (подписано в печать 1 ноября 1933 г. — через четыре дня после сдачи в набор); Япония. Сборник статей и материалов. М., 1934 (21 января 1934 г.); Современная Япония. Сб. 1–2. М., 1934 (12 и 22 июня 1934 г.); Япония. Сборник статей. М., 1934 (19 августа 1934 г.).

⁷³ Горшенин И. Японские колонии // Япония. Сборник статей. М., 1934. С. 129–131.

⁷⁴ Александров Б. Формоза в тисках японского империализма // Современная Япония. Сб. 2. М., 1934. С. 74–95. «В целом идеи этой статьи представляют собой развитие идей в статье “Никкеля” (1929)»: Тертицкий — Белогурова. С. 241. Краткие сведения о Тайване см. у того же автора: Александров Б. А. Колониальные владения империалистических государств. М., 1937.

дал обзор истории острова в колониальный период и его нынешнего положения по традиционной схеме: Территория. — Население. — Сельское хозяйство. — Промышленность. — Внешняя торговля. — Финансы. — Пути сообщения и связь. — Управление. — Военно-стратегическое значение Формозы. — Империалистическая политика Японии. — Японизация туземного населения. — Положение формозского пролетариата. Новыми для советской литературы о Тайване были характеристика событий 1895 г. как «Формозской революции» и констатация факта, что «на опыте захвата и покорения Формозы в значительной степени сложились хищнические приемы японского империализма и оформилась его система колониального разбоя». Впервые в советской печати была дана характеристика политики «японизации» как «одного из наиболее действительных средств покорения туземцев и приспособления их к выполнению задач японского империализма». Заслуживает внимания замечание автора о том, что «японские империалисты строжайшим образом охраняют светский характер формозской школы и запрещают преподавать в школе религию и вообще касаться в ней религиозных вопросов» с целью «борьбы с европейским и американским влиянием, просачивающимся на Формозе через миссионеров». В остальном в статье повторялись известные положения о Тайване как «типичном колониальном аграрно-сырьевом придатке капиталистической метрополии», «сырьевой базе для японской промышленности и вместе с тем важным рынке сбыта ее изделий», «чрезвычайно важном военно-стратегическом значении» острова и «режиме ужаса и жестокой эксплуатации, который навсегда вырыл пропасть между японским империализмом и туземными китайскими и малайскими народами». О коммунистической партии и здесь не было сказано ни слова.

В таких условиях начинала свою научную работу Фанни Александровна Тодер (1911–2000), ставшая после войны ведущим советским исследователем истории Тайваня. Она вспоминала: «В 1934 г. молодые сотрудники Колониального сектора Института мирового хозяйства и мировой политики под руководством своего руководителя М. М. Абрамсона были приглашены на встречу с представителями японской компартии. Руководитель японской секции Коминтерна Окано (известный деятель КПЯ

Токуда)⁷⁵ обратился к сотрудникам сектора с просьбой помочь КПЯ получать информацию о положении в японских колониях (а не наоборот! — В. М.). После встречи М. Абрамсон, распределяя задания, сказал: “Ну а Формозу — этот твердый орешек — мы поручим Фанни”. К стыду своему, я — тогда референт колониального сектора 23-х лет от роду — легкомысленно отнеслась к этому как к рядовому поручению и не могла представить себе, насколько это поручение определит всю мою дальнейшую жизнь. Поручение оказалось серьезным. Я выписывала литературу с Тайваня и о нем, читала западные книги и вела тематическую картотеку. Моя картотека и обзоры (не предназначавшиеся для открытой печати. — В. М.) стали пользоваться вниманием. <...> События после убийства С. М. Кирова (1 декабря 1934 г. — В. М.) — начавшийся террор и разгром старых партийных кадров — повлияли и на установившийся порядок в секторе. Вскоре М. М. Абрамсон был отстранен от работы. Мои функции были изменены. Из-за отсутствия контакта с новым руководством <...> я перешла в другое научное учреждение. А вскоре в библиотеке им. Сен-Катаемы (так. — В. М.), принадлежавшей институту, где хранились и рукописи моих обзоров, произошел пожар. Мне было сказано, что ничего из моих материалов и папок с вырезками не сохранилось»⁷⁶.

По верному замечанию Тодер, имевшаяся советская литература «не могла обеспечить получение более или менее адекватной картины того, что происходит на Тайване»⁷⁷. В межвоенные годы японская политическая литература, кроме коммунистической, переводилась и издавалась в СССР крайне редко, особенно в переводе с языка оригинала. Один из таких случаев как раз связан с Тайванем. В 1934 г. Государственное социально-экономическое издательство (Соцэкгиз) выпустило перевод книги японского экономиста и специалиста по колониальному вопросу Янаихара Тадао (1893–1961) «Формоза под властью японского империализма» (фамилия автора ошибочно транскрибирована

⁷⁵ Ошибка автора: коминтерновским псевдонимом «Окано» пользовался не Токуда Кюити, а Носака Сандзо.

⁷⁶ Тодер Ф. История изучения Тайваня в России // Проблемы Дальнего Востока. 1993. № 5. С. 52–53.

⁷⁷ Там же. С. 52.

«Яутихара»). Выходные данные (сдано в набор 16 июня, подписано к печати 5 августа) позволяют предположить, что анонимно выпущенный перевод был подготовлен во исполнение приведенных выше указаний Сталина⁷⁸ и что его выполнили редакторы книги: экономист Дмитрий Петрович Жуков (1904–1937), имевший опыт работы в Японии и заведовавший Особым (японским) сектором Ленинградского института востоковедения; экономист, специалист по японским колониям Даниил Михайлович Скляр (1907–1939), аспирант Института востоковедения; сведениями о третьем редакторе А. Островской не располагаем.

Выбор книги для перевода можно признать удачным. Занимавшийся с 1923 г. кафедрой колониальной политики в Токийском императорском университете, Янаихара считался в Японии одним из лучших специалистов в данной области, поскольку сочетал фундаментальные теоретические знания в области экономики и колониальной политики европейских держав с опытом изучения ситуации на местах. В книге «Тайвань под властью империализма», первое издание которой вышло в 1929 г. и было высоко оценено специалистами, автор использовал не только многочисленные письменные источники, но и свое пятинедельное пребывание на острове в апреле — мае 1927 г. Приехав туда как частное лицо, для сбора материалов и чтения лекций, Янаихара контактировал не только с чиновниками и экспертами колониальной администрации, но и с местной интеллигенцией из Культурной ассоциации, умеренному крылу которой открыто сочувствовал. Многие тайваньцы были тронуты, что профессор самого престижного университета метрополии общался с ними как с равными и интересовался их мнением.

По оценке современного исследователя, в наследии Янаихара книга о Тайване «является наиболее явным примером приложения классических марксистских теорий империализма к эмпирическим данным»⁷⁹. Ее теоретической основой стали теория пер-

⁷⁸ Указание Тодер на то, что инициатором выпуска книги Янаихара мог быть Олег Плетнер, скончавшийся в год выхода ее первого японского издания (Тодер Ф. История изучения Тайваня в России. С. 52), представляется неверным.

⁷⁹ Susan C. Townsend. Yanaihara Tadao and Japanese Colonial Policy. Redeeming Empire. Richmond, 2000. P. 99.

воначального накопления Маркса, теория финансового капитала Гильфердинга и теория монополистического капитализма Ленина, сторонником которых автор себя заявлял — но только в научном плане. Не будучи коммунистом или радикалом и сторонясь политической активности, Янаихара, считавший себя гуманистом и христианским социалистом, находился на крайнем левом фланге японского академического истеблишмента. Воздерживаясь — по цензурным соображениям — от оценочных суждений общего характера о государственной политике Японии и «пользе» или «вреде» колониализма, он резко критиковал действия японских сахарозаводчиков и Тайваньского банка, признавал, как и советские аналитики, факты масштабной экспроприации земли у крестьян и их дальнейшей «пролетаризации», осуждал курс на скорейшую японизацию образования, сожалел о тяжелом положении аборигенов, разрушении традиционного уклада их жизни, языка и культуры. При этом Янаихара считал, что Тайваню лучше оставаться частью Японской империи как гораздо более развитой страны и бороться за равноправие и автономию в ее составе. Он постарался нарисовать объективную картину социально-экономической ситуации на острове и даже дал советы колониальной администрации, которая, впрочем, осталась глуха к ним.

Если бы перевод книги вышел после VII Конгресса Коминтерна, провозгласившего летом 1935 г. тактику «единого фронта против войны и фашизма», ее автора, возможно, назвали бы «прогрессивным ученым». Поскольку на момент издания все левые не-коммунисты, особенно социал-демократы, подвергались шельмованию как «социал-фашисты»⁸⁰ (VII Конгресс признал эту оценку ошибочной), то Янаихара в написанном Скляровым предисловии удостоился именно такого определения с вытекающими из этого выводами:

«Полицейская цензура не смогла сдержать проникновения в японскую прессу многочисленных разоблачений, свидетельствующих о том, что на эксплуатации колоний наживаются только капиталистические монополии. <...> В противовес этому все чаще выдвигаются новые методы пропаганды, иногда более тонкие, бо-

⁸⁰ Жуков Е. О японском фашизме и социал-фашизме / Б. Японский социал-фашизм // Современная Япония. Сб. 1. М., 1934. С. 196–209.

лее завуалированные и в силу этого более опасные. Инициаторами такого рода пропаганды, с некоторым налетом критики «дурных сторон» капитализма, явились социал-фашисты. <...> Они не прочь применить демагогические приемы критики японских капиталистов за эксплуатацию колоний, но вместе с тем отмечают якобы прогрессивный характер этой эксплуатации в деле перевода колоний на капиталистические рельсы. <...> Везде и всюду автор выступает лишь как поборник рационализации методов колониального закабаления Формозы японским империализмом, а отнюдь не противником его. <...> Такого рода пропаганда предназначена для того, чтобы убедить трудящиеся массы Японии и колоний в том, что имеются якобы плохие и хорошие стороны капитализма и что все дело заключается лишь в исправлении плохих сторон. Настоящая работа в части своих выводов и теоретических положений основывается на этих социал-фашистских методах пропаганды. <...> В этих выводах наиболее ярко сказывается эклектическая твердолобость автора, социал-фашистские выводы которого никакая действительность прошибить не может»⁸¹.

Зачем советскому читателю социал-фашистская пропаганда? Склярлов ответил: «Автор считается одним из крупнейших знатоков японских колоний, имеет много работ, написанных по этим вопросам, и без сомнения обладает богатейшими фактическими знаниями в этой области. Но, излагая конкретный материал, автор стремится к тому, чтобы не выходить за рамки социал-фашистского мировоззрения, и поэтому не в состоянии построить его в стройную систему. Автор в своих “теоретических” выводах исходит не из научного анализа фактов, а наоборот, пытается подогнать факты к своим выводам. Это привело к кашеобразному (так. — В. М.) бессистемному расположению материала. Вместе с тем излагаемые факты, почерпнутые из действительности, сами по себе являются лучшим показателем колониальных методов эксплуатации японского империализма. Исходя из этого, издательство сочло необходимым издать для советского читателя эту книгу в русском переводе. “Теоретические” положения автора с легкостью могут быть разоблачены нашим элементарно политически грамотным

⁸¹ Склярлов Д. Предисловие // Яутихара Тадао. Формоза под властью японского империализма. М., 1934. С. VII, XVIII, XX. Далее цит. без ссылок.

читателем. Но поскольку они загромождают книгу и усложняют усвоение фактического материала, мы считали необходимым эти многословные рассуждения автора в русский перевод не вводить».

Итак, перед нами сокращенный и выхолощенный перевод, не отражающий точку зрения автора. Следом редактор сообщает еще более удивительные вещи:

«Освободившись от них (“многословных рассуждений автора”. — *В. М.*), мы нашли возможным и необходимым, не вводя никакого нового материала, ограничиваясь исключительно материалом, приведенным в книге, перераспределить изложение его, с тем чтобы превратить ее из сырого, бессистемного сборника материалов в систему фактов, разоблачающих истинный характер японского империализма».

Книга Янаихара в русском варианте не только тенденциозно сокращена (без обозначения купюр), но и перекомпонована. Насколько далеко это зашло? Автор настоящего обзора не проводил постраничное сличение японского и русского текстов, но даже беглый взгляд на оглавления двух изданий может вызвать сомнения в том, что перед нами одно и то же произведение⁸².

В оригинале книга состоит из двух частей «Тайвань под властью империализма» (совпадает с названием всей книги) и «Империализм тайваньской сахарной промышленности». В первой части пять глав («Приобретение Тайваня», «Капиталистическая трансформация Тайваня», «Проблемы образования», «Политические проблемы», «Национальное движение»), во второй — четыре («Сахарная промышленность и колонии», «Генезис тайваньской сахарной промышленности», «Капиталистическое развитие тайваньской сахарной промышленности», «Будущее тайваньской сахарной промышленности»). Русский вариант состоит из двенадцати глав. Восемь из них имеют точные аналоги в оригинале (некоторые — не самостоятельные главы, но параграфы внутри глав): «Захват Формозы Японией», «Миграция капиталов», «Внешняя торговля», «Значение Формозы для японской эмиграции», «Административное управление Формозы», «Народное образование», «Классы на Формозе», «Национально-освободительное движение на Формозе»). Остальные четыре: «Аграрный строй на Фор-

⁸² Янаихара Тадао. Тэйкокусюги ка-но Тайван (Тайвань под властью империализма). Токио, 1988.

мозе и аграрная политика японского империализма», «Господство монополистического капитала на Формозе», «Финансы и налоговая система», «Промышленность» — являются «нарезкой» из разных мест книги, в основном из второй главы первой части с дополнениями, относящимися к сахарной промышленности, из второй части.

Точность воспроизведения данных в русском переводе автор обзора также не проверял, но, учитывая квалификацию переводчиков и редакторов, готов допустить, что они приведены добросовестно. Однако в целом «перевод» книги Янаихара — не более чем компиляция, переходящая в фальсификацию. Интересно, существовал ли полный «служебный» перевод книги или редакторы сделали «нарезку» японского текста, а потом взялись за работу? В настоящее время имеющееся издание можно — за неимением лучшего — использовать как источник статистических данных и фактических сведений о колониальном Тайване, но не следует цитировать его как мнения, выводы и оценки Янаихара. Следует также иметь в виду, что перевод «советизирован» даже на лексическом уровне: «национальное движение» превратилось в «национально-освободительное движение» и т. д.

«Последней серьезной довоенной работой по Тайваню»⁸³ стала статья «Кровавое сорокалетие. (Формоза 1895–1935 гг.)», опубликованная в журнале Тихоокеанского кабинета Института мирового хозяйства и мировой политики (ИМХМП) «Тихий океан» под фамилией «А. Розен»⁸⁴. Под этим псевдонимом укрылся Ян Петрович Бремман (1898–1938), заведовавший Восточным сектором иностранного отдела ТАСС и преподававший в Московском институте востоковедения, а ранее связанный с разведывательной и «секретной» работой⁸⁵.

⁸³ Тодер Ф. А. История изучения Тайваня в России. С. 53.

⁸⁴ Розен А. Кровавое сорокалетие. (Формоза 1895–1935 гг.) // Тихий океан. 1935. № 3. С. 105–122; № 4. С. 86–97. В конце 1934 г. Бремман-Розен прочитал в МИВ лекцию о колониальной политике Японии, основное внимание в которой было уделено Тайваню: Тертицкий — Белогурова. С. 242.

⁸⁵ В 1918–1924 гг. сотрудник органов ВЧК-ОГПУ; в 1924–1928 гг. секретарь секретного отдела ЦК ВКП(б), в 1930–1932 гг. зав. отделом торгпредства СССР в Японии, в 1933–1934 гг. помощник заведующего Культпропотделом ЦК ВКП(б); в июле 1936 г. окончил Институт красной профессуры при ИМХМП: Тертицкий — Белогурова. С. 242.

«Японский империализм празднует сорокалетие своего владычества на Формозе. Официальная печать в Японии и на Формозе переполнена высокопарными статьями, воспевающими “благодетельную” роль японского империализма. Конечно, не народные массы Формозы будут праздновать этот “юбилей”», — начал автор, и эти фразы не оставляют сомнения, в каком ключе будет выдержано дальнейшее изложение. — <...> Впрочем и для народных масс Формозы этот “юбилей” не пройдет незамеченным. Он заставит угнетенные народные массы Формозы еще раз оглянуться на ужасный путь сорокалетнего варварского хозяйничания японских завоевателей и включиться еще сильнее в совместную борьбу народных масс Японии, Китая и Кореи против их общего врага — японского империализма».

Статья Розена строго следовала коминтерновской ортодоксии, из-за чего в ряде случаев выдавала желаемое за действительное, но в ней обобщен обширный фактический материал, не только полученный по каналам спецслужб и Коминтерна, но, полагаю, собранный автором во время службы в Токио, включая труды японских историков и экономистов. Стремясь придать работе обобщающий характер, он начал очерк истории Тайваня с XVII в., впервые в советской литературе рассмотрел его политический статус и сделал вывод, что на протяжении всего этого времени остров был колонией («Формоза является одной из наиболее старых колоний мира»), в том числе будучи частью Китая («Китай проводил на Формозе сугубо колонизаторскую политику»). Обратившие внимание на этот тезис, исследователи заметили: «Идея независимости Тайваня при этом получала теоретическое обоснование и становилась вполне логичной»⁸⁶.

Политика японцев на Формозе оценивалась Розеном только негативно. Назвав работу по составлению земельного кадастра «грандиознейшим грабежом земель», а введение государственных монополий — «следующей формой грабежа», автор сделал ожидаемый вывод о том, что главной целью колониальной администрации «было приспособление формозского сельского хозяйства для обслуживания нужд метрополии». Данные об увеличении посевных площадей и росте сельскохозяйственной продукции

⁸⁶ Тертицкий — Белогурова. С. 234.

он компенсировал замечаниями о том, что «японский империализм превратил формозское сельское хозяйство в сугубо монокультурное» и «совершенно ясно, что в таких условиях сельское хозяйство не может не деградировать». Статистические данные сопровождались «разоблачающими» комментариями: «Что касается опиума, то его разведение также насильственно насаждается японцами, которые используют его не только для продажи на мировом рынке как медикамента, но и, пожалуй, главным образом для контрабандного вывоза и одурманивания китайцев. <...> Весь мир знает о том, как японский опиум при полной поддержке японской военщины наводняет не только Манчжурию и так называемую “демилитаризованную зону”, но также весь Северный Китай и Фуцзянь. Не приходится сомневаться, что эти доходы от “контрабандного” опиума во много десятков раз превышают официальные доходы формозской монополии».

Деятельность японской администрации оценивалась в статье как «исключительно жестокий, варварский колониальный режим»: «Вся Формоза является ничем иным, как большой тюрьмой». Под этот тезис подогнаны все факты и данные: например, достижения в сфере образования названы «сознательным культивированием неграмотности и варварства». Сообразно духу времени автор утверждал, что колониальная политика определяется исключительно экономическими интересами японского крупного капитала (военно-стратегическому значению острова он отвел мало места), а чиновники и военные коррумпированы: «Японская военщина и монархическая бюрократия, орудующие не покладая рук на благо финансового капитала, не остаются в накладе. Пожалуй, нигде так ярко не выступает наружу переплетение бюрократии и военщины с концернами, как на Формозе. Каждый чиновник и офицер на Формозе может быть уверен, что «на старости лет» (если не раньше) он получит теплое местечко на одном из предприятий той или иной компании».

Автор старательно подчеркивал, что «социальная опора японского империализма на острове до последнего времени остается крайне небольшой», поскольку «свою грабительскую политику японский империализм проводит открыто, не заботясь о маскировке и опирается на силу своих штыков в большей степени, чем это можно наблюдать у других колониальных держав».

По Розену, японский колониализм «хуже других»: «Такого режима, который установлен японцами для аборигенов, не существует ни в одной из других колоний мира», — хотя к этому приему прибегали советские авторы, писавшие о разных частях света.

Нарисовав беспросветную картину нищеты, «двойного гнета — японских колонизаторов и “своих” помещиков», полицейских репрессий и неэффективного, грабительского хозяйствования, Розен сделал предписанный линией Коминтерна вывод: «Современная обстановка на Формозе подготовила исключительно благодарную почву для сочетания антиимпериалистической национально-освободительной революции с мощной аграрной революцией». Впервые в открытой советской печати появилась оценка деятельности местной компартии: «Ко времени последнего кризиса (мирового экономического кризиса 1929–1932 гг. — *В. М.*) относится также создание коммунистической партии Формозы. Официальные японские сообщения о первом процессе арестованных членов партии (в 1934 г. — *В. М.*), а также крупные аресты в дальнейшем являются лучшим свидетельством того, что молодая компартия Формозы действительно ведет крупную боевую работу. Таким образом пролетариат под руководством коммунистической партии превращается в гегемона национально-освободительной революции угнетенных масс Формозы. <...> Рост революционного движения в колониях, тот взрыв, который зреет в них, нанесут сокрушительный удар японскому империализму»⁸⁷.

Выводы, основанные на догмах «генштаба мировой революции», оказались ошибочными, да и сама работа, особенно в сравнении со статьей «Никкеля», свидетельствует о падении уровня «открытой» советской аналитики как придатка «агитпропа». После статьи Розена в довоенной советской печати появились, насколько удалось установить, только две анонимные заметки о современном Тайване: в одной говорилось о приеме в японскую армию тайваньских и корейских добро-

⁸⁷ Аналогичного мнения придерживался находившийся в эмиграции Л. Д. Троцкий, который в 1932 г. писал: «Этот могучий резерв революции станет особенно опасным для режима в случае войны» (цит. по: Тертицкий — Белогурова. С. 243).

вольцев, в другой — о мифических антияпонских выступлениях на острове⁸⁸. «Обе статьи, — отмечают исследователи, — отличается небольшой объем и внутренний примитивизм»⁸⁹. В «кратком очерке» истории Японии с древности до наших дней, написанном Е. М. Жуковым в конце 1930-х гг. — в период особого обострения двусторонних отношений — экспедиция на Тайвань 1874 г. была названа «крупным бандитским набегом»⁹⁰; упомянув о переходе острова под японскую юрисдикцию в результате победы над Китаем, автор полностью обошел вниманием колониальное управление Тайванем, в отличие от деятельности Японии в Корее и Маньчжурии. Сбор информации о Тайване продолжался, однако нам неизвестна даже «закрытая» аналитика о нем. Во второй половине 1930-х гг. упоминания о Формозе пропадают из партийных и коминтерновских документов, связанных как с Японией, так и с Китаем; с этого времени японские коммунисты перенесли свою основную работу в США и «советские районы» Китая.

Для полноты обзора довоенных советских публикаций по Тайваню следует упомянуть статью географа и этнографа, профессора ЛГУ Николая Васильевича Кюнера (1877–1955) «Коллективные охоты у формозских племен», написанную по японским данным⁹¹. Думаю, не только научная добросовестность автора, пользовавшегося чужими материалами, но и политические обстоятельства, даже применительно к столь не-политической теме, вынудили его заявить: «Сведения эти содержат значительные пробелы, несмотря на разнообразие и объемистость опубликованных материалов, и совершенно не отвечают ни по содержанию, ни по методу обработки современным научным требованиям. Необходимо также подчеркнуть явную тенденциозность подбора и освещения

⁸⁸ Прием корейских и формозских «добровольцев» в японскую армию // Тихий океан. 1938. №3. С. 112–113; Антияпонские выступления на Формозе // Там же. С. 114–115.

⁸⁹ Тертицкий — Белогурова. С. 236.

⁹⁰ Жуков Е. История Японии. Краткий очерк. М., 1939. С. 106.

⁹¹ Кюнер Н. В. Коллективные охоты у формозских племен (у племени атайял) // Советская этнография. 1937. №2/3. С. 101–110. Несколько работ Кюнера по этнографии Тайваня остались неопубликованными.

рассматриваемых японских материалов в целом, подсказанную классовыми и империалистическими тенденциями их авторов и издателей». Например, как отметил В.Ц. Головачёв, в статье «нет, казалось бы, уместных упоминаний о запрете обычая “охоты за головами” японскими властями».

Тяжелый удар по изучению Тайваня, как и по всему советскому востоковедению, нанесли годы «Большого Террора», воздействие которого продолжало сказываться на протяжении многих десятилетий. Из упомянутых выше авторов были расстреляны или умерли в тюрьмах Н. И. Вавилов, Б. А. Пильняк, Н. А. Невский, Д. М. Позднеев, Т. С. Юркевич, Г. А. Астахов, Д. П. Жуков, Д. М. Скляр, А. Розен, М. М. Абрамсон, а также коминтерновцы Н. И. Бухарин, К. Б. Радек, К. Э. Янсон, П. А. Миф, И. А. Рыльский⁹²; возможно, той же судьбы не избежал и «Никкель»; как «член семьи изменника Родины» лишилась места работы и возможности заниматься исследовательской деятельностью В. Д. Позднева. М. И. Лукьянова заняла видное административное положение, но коллеги невысоко оценивали уровень ее работ и считали ее причастной к неблагоприятным поступкам. Ставшая в 1938 г. аспирантом исторического факультета МГУ, Ф. А. Тодер вспоминала: «Специализация по японской колониальной политике позволила мне взять тему диссертации “История захвата Формозы Японией”. Диссертацию удалось защитить только после войны (в 1946 г. — В. М.)»⁹³. Однако результаты ее работы появились в печати только через тридцать лет.

⁹² См.: Люди и судьбы. Биобиблиографический словарь востоковедов — жертв политического террора в советский период (1917–1991). Изд. подготовили Я. В. Васильков и М. Ю. Сорокина. СПб., 2003.

⁹³ Тодер Ф. А. История изучения Тайваня в России. С. 53.

Глава 3

Изучение колониального Тайваня в послевоенный советский и постсоветский период

После Второй мировой войны изучение колониального Тайваня в СССР практически прекратилось (работы по доколониальному периоду мы здесь не рассматриваем). После ухода японцев с острова тема перестала быть злободневной. Двусмысленность политического положения Тайваня после создания КНР и разрыва Москвы с режимом Чан Кай-ши привела к тому, что в открытой печати о нем помещались материалы исключительно пропагандистского характера, а «закрытые» исследования были посвящены современности. Немногочисленные этнографические работы сопровождались, как и до войны, комментариями идеологического характера вроде следующего: «Как известно, полевая экспедиционная работа на Тайване более 50 лет тормозилась японской оккупацией. Новая американо-чанкайшистская оккупация в еще большей мере препятствует проведению объективных научных исследований»¹. Японисты и специалисты по истории международных отношений также обходили вниманием сюжеты, связанные с колониальным Тайванем. До конца XX в. по данной тематике не было опубликовано ни одной специальной работы, а в книгах общего характера этому уделялось от нескольких строк до нескольких абзацев, в основном в связи с японской военной экспедицией

¹ Стратанович Г.Г. Некоторые данные по этнографии амэй («гаошань») // Советская этнография. 1958. № 5. С. 117–122.

1874 г. и переходом острова в собственность Японии после войны с Китаем в 1895 г.²

Исключение составил новаторский для своего времени коллективный труд «Очерки новой истории» под редакцией А. Л. Гальперина. В нем в главе «Японо-китайская война 1894–1895 гг.» (автор Г. И. Подпалова) содержался отдельный параграф «Борьба населения Тайваня против японских захватчиков», что, возможно, было продиктовано политическими соображениями момента. В нем отмечалось: «Передача Тайваня Японии вызвала огромное возмущение и единодушные протесты всех слоев населения острова. <...> Преданное цинским правительством, но воодушевляемое сочувствием всего китайского народа население острова самостоятельно начало героическую борьбу против превосходящих сил японских оккупантов. <...> Несмотря на полную изоляцию и отсутствие материальной поддержки извне, движения сопротивления на Тайване не прекращалось»³.

Блестящим исключением стала монография Ф. А. Тодер (ее кандидатская диссертация 1946 г. осталась неопубликованной) «Тайвань и его история (XIX в.)» (М., 1978), увидевшая свет, по словам автора, «после нелегких обсуждений»⁴ под редакцией члена-корреспондента АН СССР (ныне академика РАН) С. Л. Тихвинского. С учетом малого количества русскоязычных работ о колониальном Тайване это исследование сохраняет ценность и в наши дни; изучение данной темы следует начинать именно с него. Используя источники и литературу на китайском, японском, русском и европейских языках, а также материалы из советских архивов, То-

² Аварин В. Борьба за Тихий океан. М., 1947. С. 20, 24, 135; Международные отношения на Дальнем Востоке (1870–1945). М., 1951. С. 37–38, 84; Эйдус Х. Т. Очерки новой и новейшей истории Японии. М., 1955. С. 36, 57; Международные отношения на Дальнем Востоке (1840–1949). М., 1956. С. 82–83, 132; Нарочницкий А. Л. Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке, 1860–1895. М., 1956. С. 260–262; Сладковский М. И. Китай и Япония. М., 1971. С. 77.

³ Бедняк И. Я., Гальперин А. Л. и др. Очерки новой истории Японии (1640–1917). М., 1958. С. 333–335. См. также: Гальперин А. Л. Вступительная статья // Табохаси К. Дипломатическая история японо-китайской войны (1894–1895 гг.). М., 1956. С. 15.

⁴ Тодер Ф. История изучения Тайваня в России. С. 54.

дер впервые в отечественной литературе обстоятельно изложила и проанализировала причины, ход и последствия японской экспедиции на Тайвань 1874 г. (С. 123–146), ход и особенности многосторонней дипломатической борьбы за остров в 1895 г. (С. 195–205), историю «покорения» японцами Тайваня и недолгого существования там государства Миньчжу го (С. 205–247).

Заключительная глава монографии «Японская колониальная политика на Тайване в 1895–1905 гг.» (С. 248–282) стала единственным специальным исследованием на эту тему, опубликованным в СССР после 1935 г. Вынужденно ограниченные, по условиям времени, возможности автора использовать иностранные источники и литературу и отсутствие доступа к зарубежным архивам делают — с сегодняшней точки зрения — эту работу во многом устаревшей или, во всяком случае, нуждающейся в коррективах. Однако следует отметить, что Тодер использовала и обобщила обширный фактический материал и проанализировала его настолько объективно, насколько это позволяли цензурные и идеологические условия. Она не только акцентировала внимание на «неудачах японской колониальной администрации в первые годы управления Тайванем» (С. 249–256), признававшихся и самими японцами, но и по достоинству — первой среди советских авторов — оценила деятельность Гото Симпэй в качестве гражданского губернатора Тайваня в 1898–1906 гг. и его «программу колониального освоения острова» (С. 257–261). Реализация этой программы рассмотрена не только подробно (сообразно масштабам главы в структуре всей книги), но и со стремлением к объективности, без «перехлестов», присущих даже научным работам довоенного времени.

Особого внимания заслуживает следующее наблюдение Тодер: «Отдушиной для духовной жизни тайваньского населения оставались религиозные отправления и культовые праздники. Это был мир, с которым японцы обращались крайне осторожно, стараясь использовать его в своих целях. Многие этнографические исследования последних лет показывают, что тайваньцы пронесли этот мир почти не разрушенным через все годы японского колониального режима» (С. 280).

Ситуация с изучением колониального Тайваня начала меняться в годы «перестройки» и, особенно, после установления

отношений между Россией и Китайской Республикой, в которых — в силу известных политических причин — немалое место занимает научное и культурное сотрудничество. Особенно перспективной темой оказалась история русско-тайваньских контактов и изучения Тайваня в России, что неизбежно затрагивало и колониальный период. М. Ф. Чигринский, давно занимавшийся исследованием истории Тайваня, первым обратил внимание на забытые имена и труды П. И. Ибиса (хотя ряд важных текстов остался ему неизвестен) и А. К. Мольтрехта, сообщил о путешествии на остров С. Г. Елисеева и о докладе по его итогам (см. первую часть обзора), а также ввел в научный оборот заслуживающие дальнейшего изучения материалы АВП РИ о несостоявшемся восстании, которое планировалось поднять на острове в 1905 г. при приближении к нему русской эскадры⁵. А. Н. Хохлову принадлежит заслуга введения в научный оборот архивных материалов о визитах русских моряков на Тайвань в доколониальный период (см. первую часть обзора). Неоднократно цитированный выше обзор Ф. А. Тодер «История изучения Тайваня в России» представляет особый интерес из-за использования личного опыта и воспоминаний автора. Следует также отметить первый в постсоветской литературе обобщающий «Очерк истории Тайваня», написанный в 1994 г. П. М. Ивановым⁶.

С начала 2000-х гг. изучение истории Тайваня в колониальный период, окончательно освободившееся от диктата идеологии, все чаще привлекает российских ученых различных специальностей, благодаря чему постепенно принимает комплексный, междисциплинарный характер.

Тематическое разнообразие, фундированность, широкий диапазон использованных источников на нескольких языках (в том числе редких архивных документов), объективность анализа отличают работы В. Ц. Головачёва, посвященные различным

⁵ Чигринский М. Ф. Тайвань в политике держав. (Об одной несостоявшейся акции периода русско-японской войны) // Общество и государство в Китае. XXIII научная конференция. Тезисы докладов. Ч. II. М., 1992. С. 57–60.

⁶ Иванов П. М. Очерк истории Тайваня // Современный Тайвань. М., 1994. С. 28–86.

аспектам истории острова в период от его перехода под японское управление до 1945 г.⁷ В частности, на основе ранее неизвестных архивных документов им опубликована статья о визите гражданского губернатора Формозы Гото Симпэй в Фучжоу в 1900 г.⁸, а также крупная историографическая работа об изучении этнологии Тайваня в трудах японских учёных колониального и послевоенного периода⁹. Ему же принадлежат два ценных обзора по истории изучения Тайваня в России, содержание которых шире заявленной в заголовках тематики¹⁰; результаты этих разысканий использованы в настоящей книге.

Эпоха японского правления на острове в этнополитическом контексте представлена и в изданной в 2010 г. монографии «Этно-национальная политика и современные проблемы нациестроительства в Китае»¹¹. В соответствующей части работы её автор, А. М. Кузнецов, обобщает известные публикации Ф. А. Тодер, В. Ц. Головачёва и А. Э. Белогуровой. Б. Л. Рифтин актуализировал научное наследие Н. А. Невского как иссле-

⁷ Некоторые из работ В. Ц. Головачёва, касающиеся темы японского правления: 1) Симонсекский договор и борьба Китая против уступки Тайваня (1894–1895) // Восток. 2008. № 5. С. 20–30; 2) «Государство народного правления Тайвань» — первая республика в Азии // Общество и государство в Китае. XXXVI научная конференция. М., 2006. С. 100–107; 3) Образование как фактор этнической политики в период японского колониального правления на Тайване (1895–1945) // Общество и государство в Китае. XXXIX научная конференция. М., 2009. С. 212–220; 4) Формоза — век борьбы с эпидемиями // Профилактика инфекционных болезней — роль международного сообщества. М., 2004. С. 36–41, 96–101.

⁸ Головачев В. Ц. Визит гражданского губернатора Формозы <Гото Симпэй> в Фучжоу в 1900 г. и доктрина «единодушия» японцев и китайцев // Общество и государство в Китае. XXXVIII научная конференция. М., 2008. С. 80–86.

⁹ Головачев В. Ц. Исследования по этнологии Тайваня в трудах японских учёных колониального и послевоенного периода // Япония. 2011. Ежегодник. М., 2011. С. 270–283.

¹⁰ Головачев В. Ц.: 1) Изучение этнической истории Тайваня в российском востоковедении XIX–XX вв. // Восток. 2012. № 6. С. 162–170; 2) Этническая история Тайваня в трудах русских путешественников и учёных (конец XVIII — первая треть XX в.) // Этнографическое обозрение. 2012. № 2. С. 165–174.

¹¹ Кузнецов А. М. Этно-национальная политика и современные проблемы нациестроительства в Китае. — Владивосток, 2010. С. 112–117.

дователя народа цоу применительно к нынешней ситуации¹² и выступил с инициативой перевода его работ по данной теме на китайский язык.

Частным аспектам колониального управления Тайванем посвящены статьи А. Э. Белогуровой¹³ и В. Э. Молодякова¹⁴. Рассматривая вопрос «существует ли самостоятельная, отдельная от остальной китаеязычной литературы “тайваньская литература”», В. Ф. Сорокин уделил внимание авторам и произведениям колониального периода в связи с такими явлениями, как цензура, политика японизации, контакты с прогрессивной японской интеллигенцией¹⁵. Особого упоминания и высокой оценки заслуживает монография К. М. Тертицкого и А. Э. Белогуровой «Тайваньское коммунистическое движение и Коминтерн (1924–1932 гг.). Исследование. Документы» (М., 2005), написанная на основе массива архивных документов Коминтерна, хранящихся в РГАСПИ, и широкого круга китаеязычных источников. В 2010 г. на Тайване вышел перевод этой монографии на китайский язык.

Н. И. Калашников первым в отечественной литературе предпринял попытку сравнительного анализа японского управления Тайванем и Кореей, поместив его в широкий контекст колониальной политики других держав¹⁶. Важной и до сих пор недостаточно изученной проблеме «преодоления» колониального прошлого и одновременно использования его опыта в послевоенном

¹² Рифтин Б. Л. У народа цоу: Через 64 года после Н. А. Невского // Восток. 1992. № 5. С. 107–116.

¹³ Белогурова А. Э.: 1) Программа японской администрации по ассимиляции населения Тайваня и ее реализация (1937–1945) // Общество и государство в Китае. XXIX научная конференция. М., 1999. С. 124–129; 2) Политика японской администрации на Тайване (1895–1945) // Проблемы Дальнего Востока. 2000. № 1. С. 96–102.

¹⁴ Молодяков В. Э. Гото Симпэй и колониальная политика Японии. Часть первая: Тайвань, 1898–1906 гг. // Япония. 2004–2005. Ежегодник. М., 2005. С. 272–287.

¹⁵ Сорокин В. Ф. Существует ли «тайваньская литература»? // Проблемы Дальнего Востока. 1993. № 5. С. 129–137.

¹⁶ Калашников Н. И. Тайвань и Корея под властью Японии: особенности и результаты колониальной политики // Восток. 1999. № 6. С. 16–30.

Тайване посвящены статьи Ю.А. Азаренко¹⁷, А.С. Каимовой¹⁸ и В.А. Перминовой. Сложное восприятие россиянами (журналист И.С. Левитов) японского опыта колониального управления и модернизации в XIX — начале XX в. стало темой исследования В.Ц. Головачёва и В.А. Перминовой¹⁹, обративших внимание на актуальность этого опыта в свете синхронных событий в России (русско-японская война 1904–1905 гг., революция 1905 г. и начатые в 1906 г. «стольпинские реформы»). Эти же авторы предприняли публикацию и источниковедческое изучение «Доклада о Формозе» С.Г. Елисеева, основанного на записях о его поездке на Тайвань в 1912–1913 гг. (см. первый раздел книги)²⁰.

Что касается современных работ общего характера, где предельно кратко упоминаются японская экспедиция на Тайвань 1874 г., колониальное правление в 1895–1945 гг., а также сведения о положении на острове, поступавшие от россиян в этот период, то к числу подобных крупных работ можно отнести, пожалуй, лишь коллективную монографию «Россия и Китай: четыре века взаимодействия» (2013)²¹.

Важным новым явлением постсоветских времён (особенно после 2000 г.) и свидетельством качественного роста российской науки становится публикация серии специальных историографических исследований по периоду японского правления на острове.

¹⁷ Азаренко Ю.А. Преодоление японского наследия на Тайване во второй половине 1940-х гг. // Студент и научно-технический прогресс. Материалы XXXIX международной научной студенческой конференции НГУ. Вып.: Востоковедение. Новосибирск, 2001. С. 3–4.

¹⁸ Каимова А.С. Проблемы интерпретации понятия «тайваньская идентичность» // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. 2013. №2. С. 27–39.

¹⁹ Головачев В.Ц., Перминова В.А. Японская опиумная политика на Тайване как «лучшая» модель для преобразований на российском Дальнем Востоке в начале XX в. // Россия и АТР. Владивосток, 2014. №3 (в печати).

²⁰ Головачев В.Ц., Перминова В.А. Доклад С.Г. Елисеева о Формозе в Общество Востоковедения в Санкт-Петербурге (1915 г.) как историко-биографический источник. // Восток (ORIENS). М., 2014. №5 (в печати).

²¹ Россия и Китай: четыре века взаимодействия. История, современное состояние, и перспективы развития российско-китайских отношений / Под ред. А.В. Лукина. М., 2013. С. 513–519.

Помимо вышеупомянутых статей Ф. А. Тодер и В. Ц. Головачёва, к их числу относится и ряд новейших работ В. Э. Молодякова, изданных на русском и японском языках. Эти работы посвящены как общему аналитическому обзору советских публикаций²², так и специальной критике отдельных историографических источников. В частности, В. Э. Молодяков предпринял специальное сравнительное исследование русскоязычного перевода и оригинала знаменитой книги Янаихара Тадао «Тайвань под властью японского империализма»²³ (подробнее см. выше, во втором разделе).

Таким образом, наступивший с 1991 г. постсоветский период ознаменовался существенным ростом интереса российских исследователей к изучению истории Тайваня, в том числе и эпохи японского правления. Положительным следствием этого возросшего интереса стало заметное расширение тематики и углубление исследований, основанных на быстром увеличении источниковой и историографической базы исследований. В частности, происходит активное введение в научный оборот и источниковедческое изучение новых документов из архивов России и Тайваня. Расширяется круг используемых зарубежных исследований на китайском, японском и западных языках. Появляются обобщающие российскую историографию публикации на русском, японском и английском языках. Наряду с этим расширяется численный, профессиональный и возрастной состав авторов — нарушив стихийно сложившуюся монополию китаеведов, к исследованиям вновь подключаются авторитетные российские японисты, всё активнее заявляют о себе молодые учёные. Устанавливается прямое и интенсивное сотрудничество с ведущими учёными Тайваня, КНР, Японии и западных стран. Реализуются важные международные проекты, заведомо усиливающие потенциал, актуальность, эффективность и перспективы совместной научной работы.

²² Молодяков В. Э. Колониальный Тайвань в советской аналитике 1920–1930-х годов // Восток (ORIENTS). 2014. № 3; Молодяков В. Э. Росия кара мита Нихон-но Тайван кэйэй (Японское управление Тайванем: взгляд из России) // Син Нихонгаку. № 28. Весна 2013. С. 30–33; Молодяков В. Э. Росия то Тайван. (Россия и Тайвань) // Син Нихонгаку. № 28. Весна 2013. С. 48–58.

²³ Молодяков В. Э. Янаихара Тадао, Тайван то Сорэн (Янаихара Тадао, Тайвань и Советский Союз. Вокруг перевода книги «Тайвань под властью японского империализма») // Син Нихонгаку. № 30. Осень 2013. С. 97–108.

В целом все эти позитивные перемены стали результатом растущей открытости постсоветской России и демократического Тайваня, консолидации всего мирового тайваневедения и, наконец, тенденции к «постколониальному» академическому переосмыслению многих важнейших аспектов, связанных с историей японского правления на Тайване.

Заключение

Русскоязычные источники о Тайване в бытность острова японской колонией и непосредственно предшествовавших этому нескольких десятилетий не столь многочисленны, разнообразны и информативны, как написанные на китайском, японском и английском языках, но это не означает, что они не представляют исторической и научной ценности. Авторы полагают, что принятый ими историографический обзор не только является особой страницей истории отечественного востоковедения, но может также принести немалую пользу зарубежным учёным, читающим по-русски.

В описываемый период (с рубежа 1870-х гг. до 1945 г.) ни Российская империя, ни СССР не имели на Тайване каких-либо постоянных представителей, поэтому по официальным каналам сведения об острове поступали в основном из Китая и Японии; углублённое изучение таких источников, прежде всего дипломатической переписки, — задача будущей работы. Планомерное исследование колониального Тайваня в России не велось, поступающая и попадавшая в печать информация была нерегулярной и зачастую заимствованной из «вторых-третьих рук». Авторы обзора учитывали этот фактор, но не считают, что он априори обесценивает рассматриваемые источники. Более того, среди выявленных в ходе нашего исследования русскоязычных материалов имеются первоклассные, уникальные по своей научной ценности первоисточники, свидетельствующие о большом вкладе российских исследователей в изучение острова и его исторических связей с Японией.

Изучение колониального Тайваня в России имело преимущественно ведомственный характер. До революции наибольшее внимание российских официальных ведомств привлекал его экономический и внешнеторговый потенциал, в советское время — аграрные проблемы и перспективы организации пролетариата

и крестьянства для борьбы против колонизаторов, за независимость, а в будущем и за социалистическую революцию. Меньший интерес вызывали военный потенциал, администрация, деятельность властей в сфере образования и культуры. Внимание россиян к японскому опыту модернизации распространялось и на управление Тайванем (пример — успешные меры по сокращению курения опиума, обеспечению финансово-экономической самокупаемости, строительству железных дорог и пр.). Но, в отличие от дореволюционной эпохи, в советское время действия колониальной администрации оценивались исключительно негативно.

Политическая ангажированность многих публикаций по политике и экономике колониального Тайваня — в советский период бывшая обязательной — снижает их ценность, поскольку отдельные авторы не только злоупотребляли пропагандистской риторикой, но также искажали либо замалчивали реальное положение вещей и делали неверные выводы. Однако под «агитпроповской» лексикой, временами служившей своего рода защитной идеологической «дымовой завесой», нередко скрывался качественный анализ ситуации, показывающий, что отечественные специалисты добросовестно делали свою работу даже при недостатке информации и условий для её свободной интерпретации.

Немалую роль в исследовании Тайваня играла личная инициатива учёных, за которыми не стояли ни ведомственные интересы, ни «социальный заказ». Это относится к работам в области этнографии, языка, верований, культуры и природы острова, многие из которых сохраняют значение до настоящего времени. Одни, как труды Н. А. Невского по языкам цоу, вошли в «золотой фонд» мировой науки. Другие были незаслуженно забыты, но теперь наконец возвращены в науку и, надеемся, будут по достоинству оценены и использованы после публикации настоящего обзора.

К перспективным направлениям дальнейших разысканий относятся пребывание на Тайване русских эмигрантов, их отношения с колониальной администрацией, местным населением и иностранцами. Заслуживает изучения и миссионерская деятельность на острове Русской православной церкви, хотя ее по большей части вели священники-японцы из числа воспитанников и учеников святителя Николая Японского (И. Д. Касаткина).

Работая в сложных и зачастую неблагоприятных условиях, российские учёные оставили ценные труды о Тайване колониального и предшествующего японскому правлению периода, которые заслуживают переиздания и перевода на другие языки. К ним следует добавить личные впечатления тех, кто побывал на острове и видел происходящее своими глазами. Подготовка и издание такого сборника материалов является одной из целей нашего исследовательского проекта.

Авторы надеются, что приобщение к дальнейшей работе, наряду с россиянами, высокопрофессиональных иностранных, прежде всего японских и тайваньских, учёных позволит продуктивно синтезировать накопленные всеми сторонами знания и представить историю японского правления на Тайване во всей её полноте, многомерности, значимости и научной объективности. Достижение этой общей цели невозможно без изучения источников и исследований на русском языке как ценной составной части мировой историографии Тайваня.

Источники и литература

Архивные материалы

Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. Главный архив 1–9, оп. 8, 1824–1831, д. 1.

Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. Главный архив 1–9, оп. 8, 1872–1875, д. 8.

Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. Библиотека Азиатского департамента, оп. 505, д. 142 («Необработанный материал» Каменского, б/д).

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 447, оп. 1, л. 6–11 (Донесения полковника Вогака о действиях японского правительства по усилению вооруженных сил Китая и присоединении острова Тайваня (Формозы) к Японии).

Институт восточных рукописей РАН (ИВР РАН). Ф. 16, оп. 1, д. 242 (Елисеев С. Г. Доклад о Формозе в Общество Востоковедения 14 декабря 1915. 31 с.).

Библиографические и справочные издания

Александров Б. А. Колониальные владения империалистических государств. М., 1937.

Библиография Китая: систематический указатель книг и журнальных статей о Китае на русском языке: 1730–1930. Сост. П. Е. Скачков. М., 1932.

Библиография Японии: литература, изданная в Советском Союзе на русском языке с 1917 по 1958 г. М., 1960.

Библиография Японии: литература, изданная в России с 1734 по 1917 г. М., 1965.

Люди и судьбы. Биобиблиографический словарь востоковедов — жертв политического террора в советский период (1917–1991). Изд. подготовили Я. В. Васильков и М. Ю. Сорокина. СПб., 2003.

Плетнер О. В. Япония. Краткий справочник. М.-Л., 1925.

19th-Century European & North American Encounters with Taiwan: A Bibliography of Texts Input. The Reed Institute, Portland, 1999.

Otness, Harold M. One Thousand Westerners in Taiwan, to 1945: a Biographical and Bibliographical Dictionary. Taipei, 1999.

На русском языке:

- Аварин В. Борьба за Тихий океан. М., 1947.
- Азаренко Ю.А. Преодоление японского наследия на Тайване во второй половине 1940-х гг. // Студент и научно-технический прогресс. Материалы XXXIX международной научной студенческой конференции НГУ. Вып.: Востоковедение. Новосибирск, 2001. С. 3–4.
- Александров Б. Формоза в тисках японского империализма // Современная Япония. Сб. 2. М., 1934. С. 74–95.
- Антияпонские выступления на Формозе // Тихий океан. 1938. №3. С. 114–115.
- Асагири (Лукьянова М.И.). Рабочее и национально-освободительное движение на Формозе // Международное рабочее движение. 1929. №34. С. 6–9.
- Бедняк И. Я., Гальперин А.Л. и др. Очерки новой истории Японии (1640–1917). М., 1958.
- Белогурова А.Э. Программа японской администрации по ассимиляции населения Тайваня и ее реализация (1937–1945) // Общество и государство в Китае. XXIX научная конференция. М., 1999. С. 124–129.
- Белогурова А.Э. Политика японской администрации на Тайване (1895–1945) // Проблемы Дальнего Востока. 2000. №1. С. 96–102.
- Вавилов Н. И., Акад. Наука в Японии (Из впечатлений поездки в Японию, Корею и Формозу осенью 1929 г.) // Природа. 1930. №4. С. 355–378.
- Вавилов Н.И. Путешествие на Тайвань // Пять континентов. Л., 1987, С. 99–101.
- ВКП(б), Коминтерн и Япония. 1917–1941. М., 2000.
- Гальперин А.Л. Вступительная статья // Табохаси К. Дипломатическая история японо-китайской войны (1894–1895 гг.). М., 1956. С. 15.
- Гастов Г. (Астахов Г.А.) Японский империализм. Политико-экономический очерк. М., 1930.
- Головачев В.Ц. Формоза — век борьбы с эпидемиями // В сб.: Симпозиум «Профилактика инфекционных болезней — роль международного сообщества». М., 2004. С. 36–41, 96–101.
- Головачев В.Ц. «Государство народного правления Тайвань» — первая республика в Азии // Общество и государство в Китае. XXXVI научная конференция. М., 2006. С. 100–107.
- Головачев В.Ц. Визит гражданского губернатора Формозы <Гото Симпэй> в Фучжоу в 1900 г. и доктрина «единодушия» японцев и китайцев // Общество и государство в Китае. XXXVIII научная конференция. М., 2008. С. 80–86.
- Головачев В.Ц. Симоносекский договор и борьба Китая против уступки Тайваня (1894–1895) // Восток. 2008. №5. С. 20–30.

- Головачев В.Ц. Образование как фактор этнической политики в период японского колониального правления на Тайване (1895–1945) // Общество и государство в Китае. XXXIX научная конференция. М., 2009. С. 212–220.
- Головачев В.Ц. Исследования по этнологии Тайваня в трудах японских ученых колониального и послевоенного периода // Япония. 2011. Ежегодник. М., 2011. С. 270–283.
- Головачев В.Ц. Этническая история Тайваня в трудах русских путешественников и ученых (конец XVIII — первая треть XX в.) // Этнографическое обозрение. 2012. № 2. С. 165–174.
- Головачев В.Ц. Изучение этнической истории Тайваня в российском востоковедении XIX–XXI вв. // Восток. 2012. № 6. С. 162–170.
- Головачев В.Ц. «Живописное обозрение» и исследования Тайваня в дореволюционной России (XIX — начало XX в.) // Общество и государство в Китае. XLIV научная конференция. М., 2014. Ч. 1. С. 458–466.
- Головачев В.Ц., Перминова В.А. Японская опиумная политика на Тайване как «лучшая» модель для преобразований на российском Дальнем Востоке в начале XX в. // Россия и АТР (Владивосток). 2014. № 3 (в печати).
- Головачев В.Ц., Перминова В.А. Доклад С.Г. Елисеева о Формозе в Обществе Востоковедения в Санкт-Петербурге (1915 г.) как историко-биографический источник // Восток (ORIENS). 2014. № 5 (в печати).
- Горное дело на о. Формоза // Вестник финансов, промышленности и торговли. 1907. № 28. С. 64.
- Горшенин И. Японские колонии // Япония. Сборник статей. М., 1934. С. 129–131.
- Громковская Л.Л., Кычанов Е.И. Николай Александрович Невский. М., 1978.
- Дела на Формозе // Всемирная иллюстрация. 1874. № 298. С. 179.
- Жуков Е. История Японии. Краткий очерк. М., 1939.
- Иванов П.М. Очерк истории Тайваня // Современный Тайвань. М., 1994. С. 27–86.
- Ибис П. Формозский вопрос между Китаем и Японией (Письмо в редакцию Живописного Обозрения из Нагасаки) // Живописное Обозрение. 1875. № 8. С. 120–124.
- Ибис, Павел. Экскурсия на Формозу // Морской сборник. 152-I (1876): неофициальный отдел. С. 111–149.
- Ибис, Павел. Экскурсия на Формозу // Морской сборник. 152-II (1876): неофициальный отдел. С. 111–141.
- Каимова А.С. Проблемы интерпретации понятия «тайваньская идентичность» // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. 2013. № 2. С. 27–39.
- Калашников Н.И. Тайвань и Корея под властью Японии: особенности и результаты колониальной политики // Восток. 1999. № 6. С. 16–30.

- Карликов В. Очерк территориальных захватов европейцев у Китая и современное состояние отнятых областей (Раздел II. Формоза). СПб., 1903. С. 41–51.
- Коваленко И. И. Очерки истории коммунистического движения в Японии. М., 1979.
- Куланов А. Е. Трофим Юркевич — агент «Р» // Япония наших дней. 2012. № 4 (14). М., 2013. С. 103–128.
- Кюнер Н. В. Коллективные охоты у формозских племен (у племени атайял) // Советская этнография. 1937. № 2/3. С. 101–110.
- Левитов И. С. Формоза и японцы // Новый край (Владивосток). 1906. № 205. 12.10.
- Левитов И. С. О контрабандном ввозе опиума на Дальний Восток. СПб., 1906.
- Лещенко Н. Ф. Дочь опального профессора (В. Д. Плотникова) // Российские востоковеды. Страницы памяти. М., 1998. С. 117–124.
- Лукьянова М. И. Японское владычество и борьба с ним на острове Формоза // Красный интернационал профсоюзов. Москва, 1929. № 6. С. 445–449.
- Лукьянова М. Восстание на Формозе // Международное рабочее движение. 1931. № 1. С. 16–18.
- Лукьянова М. Восстание на Формозе // Мировое сельское хозяйство и крестьянское движение. 1931. № 1. С. 20–21.
- Максимов А. Я. Вокруг света: Плавание корвета «Аскольд»: От Кронштадта до Бангкока. СПб., 1876.
- Максимов А. Я. Корвет Аскольд вокруг света. СПб., 1910.
- Мацокин Н. П. К этнографии о. Формоза: Предания туземцев о пигмеях. Охота за черепами у племени Цалисен. Отвращение к близнецам. Аборигены и обезьяны // Вестник Азии. 1914. № 31/32. С. 50–56.
- Мацокин Н. П. Символы власти у племени Цалисен на о. Формоза // Вестник Азии. 1916. № 33/39. С. 77–81.
- Международные отношения на Дальнем Востоке (1870–1945). М., 1951.
- Международные отношения на Дальнем Востоке (1840–1949). М., 1956.
- Молодяков В. Э. Гото Симпэй и колониальная политика Японии. Часть первая: Тайвань, 1898–1906 гг. // Япония. 2004–2005. Ежегодник. М., 2005. С. 272–287.
- Молодяков В. Э. Колониальный Тайвань в советской аналитике 1920–1930-х годов // Восток. 2014. № 3. С. 28–38.
- Мольтрехт А. К. Четыре месяца зоологической и этнологической работы среди дикарей центральной и южной Формозы (с 1 таблицей) // Известия Императорского Русского географического общества. Т. 52. Вып. 1. Пг., 1916. С. 51–70.

- Нарочницкий А. Л. Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке, 1860–1895. М., 1956.
- Невский Н. А. Материалы по говорам языка цоу. М.-Л., 1935 (Труды Института востоковедения. XI).
- Невский Н. А. Материалы по говорам языка цоу. Словарь диалекта северных цоу. М., 1981.
- Никкель. Современная Формоза // Мировое хозяйство и мировая политика. 1929. №2. С. 82–89.
- Остров Формоза // Всемирный путешественник. 1876. №2. С. 277–279.
- Первые японские посольства в России в газетных публикациях 1862–1874 гг. СПб., 2005.
- Петровский В. Восстание «дикарей» на Формозе // Прожектор. 1930. №34. С. 22–24.
- Пильняк Б. Корни японского солнца. Савелли Д. Борис Пильняк в Японии: 1926. М., 2004.
- Плетнер О. К аграрному вопросу на Формозе // На аграрном фронте. 1927. №5. С. 75–84.
- Позднеева В. Остров Формоза или Тайван // Известия Русского географического общества. Т. LXI. Вып. II. Л., 1929. С. 339–360.
- Полынов К. Задачи японской колонизации и Формоза // Вестник финансов, промышленности и торговли. 1913. №7. С. 301–303.
- Прием корейских и формозских «добровольцев» в японскую армию // Тихий океан. 1938. №3. С. 112–113.
- Решетов А. М. Н. А. Невский как этнограф // Этнографическое обозрение. 1993. №6 (о Тайване: С. 119–120).
- Ржевуский И. В. Японско-китайская война 1894–1895. СПб., 1896.
- Рифтин Б. Л. У народа цоу: Через 64 года после Н. А. Невского // Восток. 1992. №5. С. 107–116.
- Розен А. Кровавое сорокалетие (Формоза 1895–1935 гг.) // Тихий океан. 1935. №3. С. 105–122; №4. С. 86–97.
- Сахарная промышленность на Формозе // Вестник финансов, промышленности и торговли. 1910. №16. С. 135.
- Скажутин П. С. К 20-летию японского владычества на Формозе // Китай и Япония. 1915. №230. С. 135–139.
- Слюнин Н. Остров Формоза // Всемирная иллюстрация. 1895. №1371. С. 365–366.
- Склярлов Д. Предисловие // Яугихара Тадао. Формоза под властью японского империализма. М., 1934.
- Сладковский М. И. Китай и Япония. М., 1971.
- Сорокин В. Ф. Существует ли «тайваньская литература»? // Проблемы Дальнего Востока. 1993. №5. С. 129–137.

- Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. М., 2001.
- Стратанович Г. Г. Некоторые данные по этнографии амэй («гаошань») // Советская этнография. 1958. № 5. С. 117–122.
- Тертицкий К. М., Белогурова А. Э. Тайваньское коммунистическое движение и Коминтерн (1924–1932 гг.). Исследование. Документы. М., 2005.
- Тодер Ф. А. Тайвань и его история (XIX в.). М., 1978.
- Тодер Ф. История изучения Тайваня в России // Проблемы Дальнего Востока. 1993. № 5. С. 45–56.
- Тринковский И. Формоза // Природа и люди. 1895. № 43. С. 690–692.
- Фишер А. Формоза (японская колония) // Новый журнал литературы, искусства и науки. 1904. № 9. С. 187–194; № 10. С. 34–41.
- Формоза — спичечная промышленность // Вестник финансов, промышленности и торговли. 1902, № 18, С. 197.
- Формоза. Движение в пользу объединения рабочих союзов // Международное рабочее движение. 1928. № 18–19. С. 22.
- Формоза. Рабочее движение // Международное рабочее движение. 1927. № 47. С. 12–14.
- Формоза. Сахарные плантации обгарены кровью крестьян // Международное рабочее движение. 1926. № 5. С. 13–14.
- Хохлов А. Н. Исторические связи России с Тайванем (до 1917 г.) // Проблемы и перспективы развития неправительственных связей между Россией и Тайванем. М., 1993. С. 123–138.
- Хохлов А. Н. Аборигены Тайваня на рубеже XIX–XX вв. глазами российского журналиста // Маклаевские чтения, 1995–1997 гг. СПб., 1997. С. 221–226.
- Чечин П. Остров Формоза. Обо всём и отовсюду // Вокруг света. 1910. № 14. С. 249.
- Чечин П. Десять лет среди дикарей-людоедов // Вокруг света. 1914. № 25. С. 398–399.
- Чигринский М. Ф. Путешествие Пауля Ибиса на Тайвань // Советская этнография. 1982. № 2. С. 60–64.
- Чигринский М. Ф. Российский офицер П. И. Ибис и его записки о путешествии по Тайваню в 1875 г. // Страны и народы Востока. Вып. XXIV. М., 1984. С. 56–64.
- Чигринский М. Ф. Путешествие С. Г. Елисеева на Тайвань // Маклаевские чтения. Краткое содержание докладов. СПб., 1992. С. 28–31.
- Чигринский М. Ф. Тайвань в политике держав (Об одной несостоявшейся акции периода русско-японской войны) // Общество и государство в Китае. XXIII научная конференция. Тезисы докладов. Ч. II. М., 1992. С. 57–60.
- Эйдус Х. Т. Очерки новой и новейшей истории Японии. М., 1955.

Юркевич Т. С. Современная Япония. Экономико-географический обзор по современным японским источникам. Владивосток, 1925.

Япония. На острове Формоза вспыхнуло восстание // Живописное обозрение. 1896. №6. С. 138.

Японцы. Строительство железных дорог на Формозе // Мир. 1908. №5. С. 27.

Лутихара (Янаихара) Тадао. Формоза под властью японского империализма. М., 1934.

На английском и немецком языках:

Government of Formosa, Report on the Control of the Aborigines in Formosa. Bureau of Aboriginal Affairs, Government of Formosa. Published by Government of Japan, Taihoku, Formosa, 1911: http://archive.org/stream/cu31924023511185/cu31924023511185_djvu.txt

Ibis, Paul. Auf Formosa: Ethnographische Wanderungen // *Globus* 31 (1877). С. 149–152, 167–171, 181–187, 196–200, 214–219, 230–235.

<http://academic.reed.edu/formosa/texts/Ibis1877Ger.html>

<http://academic.reed.edu/formosa/texts/Ibis1877.html>

Lamley, Harry J. Taiwan Under Japanese Rule, 1895–1945. The Vicissitudes of Colonialism // Taiwan. A New History. (Ed.) Murray A. Rubinstein. Armonk, 1999.

Takekoshi Yosaburo. Japanese Rule in Formosa. George Braithwaite, trans. London, New York, Bombay & Calcutta, 1907.

19th-Century European and North American Encounters with Taiwan (electronic text anthology, with links to other Formosa material), ed. by Douglas Fix (HTML at Reed)

<http://cdm.reed.edu/cdm4/formosa/>

На японском языке:

Молодяков В. Э. Росия кара мита Нихон-но Тайван кэйэй (Японское управление Тайванем: взгляд из России)// Син Нихонгаку. №28. Весна 2013. С. 30–33.

Молодяков В. Э. Росия то Тайван (Россия и Тайвань)// Син Нихонгаку. №28. Весна 2013. С. 48–58

Молодяков В. Э. Янаихара Тадао, Тайван то Сорэн (Янаихара Тадао, Тайвань и Советский Союз. Вокруг перевода книги «Тайвань под властью японского империализма»)// Син Нихонгаку. №30. Осень 2013. С. 97–108.

Янаихара Тадао. Тэйкокусюги ка-но Тайван (Тайвань под властью империализма). Токио, 1988.

Именной указатель

- Абрамсон М. М. 83, 84, 94
Азаренко Ю. А. 101
Александров Б. А. 82
Асаи Эрин 69
Астахов Г. А. 66–68, 94
- Белогурова А. Э. 46, 59, 73, 76, 99, 100
Беседовский Г. З. 67
Бреман Я. П. (см также *Розен А.*) 89
Брюммер Ф. Я. (Адам Андреас Теодор) 13, 19
Бухарин Н. И. 47, 94
Бюцов Е. К. 13
- Вавилов Н. И. 71, 72, 94
Ватанабэ Масаносукэ 61
Ватанабэ 43, 44
Вогак К. И. 26, 27
Войтинский Г. Н. 46–48
Вологодский П. В. 45
Вольф Л. И. 57
Вонгы 71
Вэн Цзэ-шэн 74, 76–79
- Гальперин А. Л. 96
Гастов Г. (см. также *Астахов Г. А.*) 66
Гильфердинг Р. 86
Головачёв В. Ц. 94, 98, 99, 101, 102
- Гото Симпэй 97, 99
Дитерихс М. К. 45
- Елисеев С. Г. 38–41, 69, 98, 101
- Жуков Д. П. 85, 94
Жуков Е. М. 93
- Ибис П. И. 16–24, 35, 98
Иванов П. М. 98
Ино Иосинори 43
- Каганович Л. М. 81
Каимова А. С. 101
Калашников Н. И. 100
Карликов В. А. 30
Катаяма Сэн 60, 80
Киров С. М. 84
Кодама Гэнтаро 30
Коксинга (Чжэн Чэн-гун) 22
Колчак А. В. 45
Крупенский В. Н. 45
Кузнецов А. М. 99
Куланов А. Е. 54
Кюнер Н. В. 93
- Левитов И. С. 32–35, 101
Лежандр Чарльз У. (Le Gendre Charles W.) 14
Ленин В. И. 86
Леонтьевский З. Л. 11

- Линь Жи-гао 74–76, 79
 Линь Ли-чэн 26
 Лукьянова М. И. 58–60, 63–66, 78,
 79, 94
- Маркс К. 86
 Мацокин Н. П. 43, 94
 Меркулов С. Д. 45
 Минь-чуань Лю 28
 Миф П. А. (Фортус М. А.) 64, 76,
 79, 94
 Молодяков В. Э. 100, 102
 Молотов В. М. 81
 Мольтрехт А. К. 35–37, 98
- Набэяма Садатика 81
 Накагава 41
 Невский Н. А. 44, 69, 70, 94, 99,
 105
 «Никкель» 63, 64, 94
 Николай Японский (Касат-
 кин И. Д.) 105
 Носака Сандзо 80
- Окано (см. также *Носака Сандзо*)
 83
 Островская А. 85
- Перминова В. А. 101
 Пильняк Б. А. 56–58, 94
 Плетнер О. В. (Олег) 52–54, 56, 85
 Плетнер О. В. (Орест) 52
 Подпалова Г. И. 96
 Позднеев Д. М. 72
 Позднеева (Плотникова) В. Д.
 72–74, 94
 Польшов К. 41, 42
- Радек К. Б. 46, 94
 Ржевуский И. В. 34
- Рифтин Б. Л. 99
 Розен А. 89, 90, 92, 94
 Рыльский И. А. (Любинецкий Я. А.)
 65, 94
- Савелли Д. 57
 Сайго Цугумити 15
 Сакума Самата 37
 Сано Гаку 49, 60, 81
 Сапожников П. Ф. 56
 Се Сюэ-хун 49, 79
 Скажунтин П. С. 40, 41
 Скляр Д. М. 85–87, 94
 Слюнин Н. В. 25
 Сорокин В. Ф. 100
 Сталин И. В. 81, 85
 Столыпин П. А. 34
 Сугавара Митидзанэ 39
 Сюй Най-чан 48, 49
- Такэкоси Ёсабуро 42
 Танака Гиити 61
 Терентьев В. А. 13–15
 Тертицкий К. М. 46, 59, 73, 76, 100
 Титушкин 23
 Тихвинский С. Л. 96
 Тодер Ф. А. 26, 83, 84, 94, 96–99, 102
 Токуда Кюити 84
 Тринковский И. 25
- Ухтомский Э. Э., кн. 26
- Фишер А. 28, 29
 Фортус М. А. (см также *Миф П. А.*)
- Хорват Д. Л. 45
 Хохлов А. Н. 11, 13, 98
- Чан Кай-ши 95

Чжэн Чэн-гун (Коксинга) 22

Чемберлен У. Г. 58

Чечин П. 32, 37, 43, 44

Чигринский М. Ф. 18, 38, 98

Юркевич Т. С. 54, 55, 94

Янаихара Тадао 84–86, 88, 89, 102

Янсон К. Э. 51, 94

Dodd 14

Le Gendre Charles W. 14

論文要旨

ワレンティン・ゴロワテョーフ、ワシーリー・モロジャコフ
著『日本統治時代の台湾——ロシア語資料及び研究の概論』

本論文は、一八七〇年代を始めて日本統治時代（一八九五～一九四五年）の台湾を研究するロシア語資料の歴史学的概論である。

その第一部は、一九一七年のロシア革命以前の著作（報告書、新聞記事、旅行記、研究論文等）を記述・概観している。また第二・三部では、ソビエト政治評論・研究（一九二〇～一九三〇年代）、ソビエトとポスト・ソビエト歴史研究（第二次世界大戦終戦以後）における日本統治時代の台湾関係論文を記述・概観している。

著者は、多数の資料館、図書館などで保存されている資料を発掘、調査、分析した結果、入手困難な書籍の内容をここに公刊する。今まで研究されてこなかった台湾関係の著作、資料は、ロシア歴史学上に位置する本論文の研究課題になった。

ロシア人は如何にして台湾に関心を持ったのか？ロシア人の台湾観、台湾情報・知識はどこまで至ったのか？その関係論文の内容はどの程度正しいなのか？また、ロシアにおける台湾研究は如何にして発展、変化していたのか？地政学のファクター、イデオロギーのファクターは、台湾研究のテーマ、内容、ダイナミックと結果にどの程度影響を及ぼしたのか？などを本論文においてそれらの課題について検討する。

尚、本論文はロシア科学アカデミー東洋学研究所と一九〇〇年に台湾協会専門学校として設立された拓殖大学の長期的共同研究プロジェクトの一作業であることを付言しておく。

簡介

日本统治时代的台湾：俄语的史料与研究。莫斯科，2014年

本书介绍了1870年代以后及日本殖民统治年代(1895-1945)叙述和研究台湾的用俄文写成的历史文献。第一章包括对1917年革命前所发表的新闻、分析、学术和通俗性文献的描述和分析。第二章介绍了苏联政治分析界对殖民统治下的台湾的研究(1920-1930年代)。第三章介绍了第二次世界大战后直至今天的苏联和俄罗斯历史文献。本书广泛纳入了各种文献，首先是由于分散在各地和不同文献库而不易被学者和读者获得的资料。作者们首次收集和考察几乎所有与研究对象有关的俄文史料，其中包括很多已被遗忘的出版物和手稿。

为什么俄罗斯的作者对研究福尔摩萨感兴趣？他们对岛屿，台湾居民和统治者的认识是否足够完整和正确？在出版的材料中是否足够客观和准确地反映了这些认识？日治时期的当局和俄罗斯国家怎么发展和支持对台湾的研究？地缘政治和意识形态的因素如何剧烈地影响了一个多世纪以来研究岛屿的发展、积极性、性质和成果？所有这些问题都在某种程度上在本书中提出和研讨了。

本书由史学博士戈洛瓦乔夫(Valentin Golovachev,刘宇卫)和政活学全博士莫洛贾科夫(Vasily Molodyakov)合作写成。是由俄罗斯科学院东方学研究所(莫斯科)和于1900年作为台湾社会专门学校而成立的拓殖大学(东京)共同执行长期国际学术项目的一部份。错误定不能免，敬请读者指正。

SUMMARY

Valentin Golovachev, Vasily Molodyakov. Taiwan Under the Japanese Rule: Russian Language Sources and Studies. Analytical Review. – Moscow, 2014.

This book presents a preliminary historiographical review of the Russian language publications, describing or researching Taiwan since the times of the Japanese military expedition in 1874 and during the Japanese colonial rule (1895–1945).

Chapter One contains the description and analysis of the pre-revolutionary publications of the news reports or materials of analytical, scientific and popular character. Chapter Two presents the studies of colonial Taiwan in the Soviet political analytics (1920–1930s), and Chapter Three informs about the Soviet and Russian historiography of the post-WWII period to the present day.

The book covers a wide range of publications, which were not easily accessible for the scholars and readers previously, due to their dispersion among numerous archives of many cities. For the first time ever, the authors reviewed practically the entire Russian historiography, including many forgotten publications and manuscripts.

What motivated the interest of Russian authors in Taiwan (Formosa) studies? How complete and adequate were their perceptions of the island, its natives and rulers? How objective and accurate was the reflection of these views in Russian language materials? How significant was the development and support of Taiwan studies by the island's colonial authorities and by the Russian government? How extensive was the impact of geopolitical and ideological factors on more than a century-old dynamics, activity, nature and results of Taiwan studies? All these questions are raised and addressed to some extent in this book.

This historiographical review is part of a long-term international project, implemented jointly by the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Science (Moscow) and Takushoku University (Tokyo), founded in 1900 as a special school of the “Taiwan society.”

Научное издание

Головачев Валентин Цуньлиевич
Молодяков Василий Элинархович

ТАЙВАНЬ В ЭПОХУ ЯПОНСКОГО ПРАВЛЕНИЯ

Источники и исследования на русском языке

Аналитический обзор

Утверждено к печати
Институтом востоковедения РАН

Корректор М.Я.Колесник
Макет, внешнее оформление А.В. Ельцевой

Формат 60x90/16. Усл. печ. л. 8. Уч-изд. л. 5.
Тираж 100 экз. Подписано в печать 20.06.2014

Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения РАН
107031 Москва, ул. Рождественка, 12
Научно-издательский отдел
Зав. отделом А. В. Сарабьев
E-mail: izd@ivran.ru